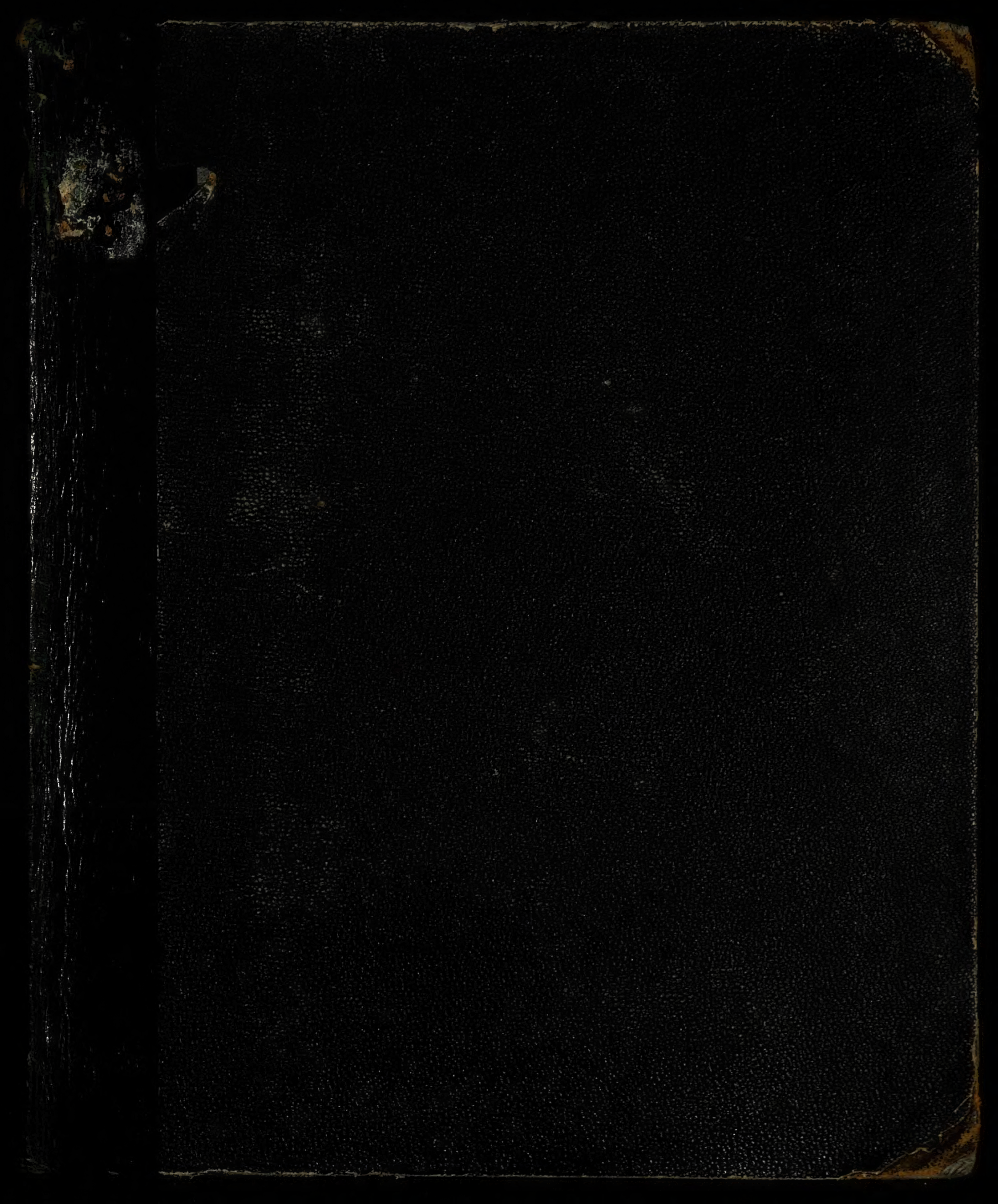
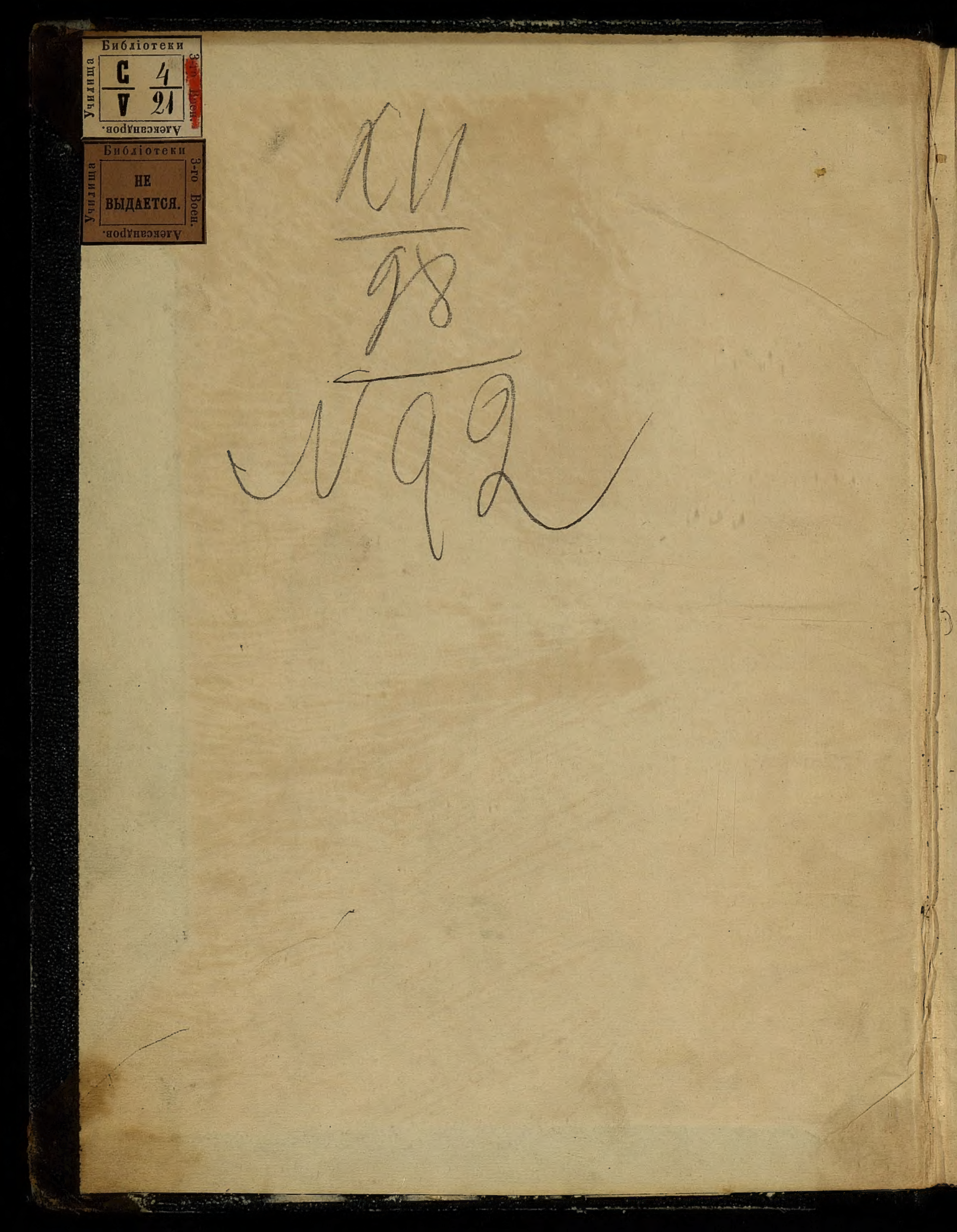

Библіотеки
Училища
3-го Воен.
Александров.
C 4
V 21
Библіотеки
Училища
3-го Воен.
Александров.
НЕ ВЫДАЕТСЯ.
98
№92

12

Библіотеки
Училища
Училища

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

НАЧАЛЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА,

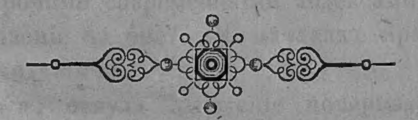
ИЗЛОЖЕННЫХЪ

ВЪ УЛОЖЕНІИ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

Профессора Ришельевскаго Лицея

ВЛАДИМІРА ЛИНОВСКАГО.

ОДЕССА,

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1847.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, Мая 26 дня 1847 года.

Цензоръ *В. Пахманъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

Соборнымъ Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича начинается у насъ настоящій періодъ уголовнаго законодательства. Уложеніе со всею возможною полнотою излагаетъ сущность запрещенныхъ дѣйствій и со всею подробностію опредѣляетъ наказанія, установленныя за дѣйствія, признанныя нарушающими общественный порядокъ. — Уложеніе въ полномъ смыслѣ уголовный кодексъ, въ которомъ какъ значеніе преступленія, такъ и наказаніе получаютъ опредѣленность, а обычай и судебная практика теряютъ силу самостоятельнаго источника юрисдикціи. Чрезвычайныя же наказанія, которыхъ назначеніе зависѣло отъ усмотрѣнія судьи, уступаютъ мѣсто догмѣ закона. Характеръ Уложенія, какъ уголовнаго кодекса, весьма замѣчателенъ; по времени изданія своего, относясь къ періоду, въ которомъ преимущественно преобладала въ цѣлой Европѣ цѣль устрашенія, Уложеніе имѣло то преимущество предъ прочими современными кодексами, что главное его стремленіе было основать наказаніе на чистыхъ началахъ правды и справедливости, а не на временныхъ и преходящихъ.

Разрѣшеніе вопроса, откуда Уложеніе почерпало матеріалъ для своихъ постановленій, находимъ въ самомъ Уложеніи. Царь Алексѣй Михайловичъ, приступая къ составленію его, далъ такое повелѣніе: »которыя статьи написаны въ »правилѣхъ Св. Апостолъ и святыхъ Отецъ и въ градскихъ законахъ Греческихъ »Царей, а пристойны тѣ статьи къ Государственнымъ къ Земскимъ дѣламъ, и »тѣбы статьи выписать, и чтобы прежнихъ Великихъ Государей, Царей и Великихъ »Князей Россійскихъ и отца Его Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодо»ровича всея Россіи, указы и боярскіе приговоры на всякія Государственныя и »Земскія дѣла собрать и тѣ Государскія указы съ старыми судебниками справить.

»А на которыя статьи въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ Государей въ прежнихъ »судебникахъ Указу не положено и Боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи небыло, »и тѣбы статьи потому же написать и изложить по его Государеву указу общимъ »совѣтомъ.« — Такимъ образомъ въ составъ Уложенія вошли: 1) Правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ; 2) Градскіе Законы Греческихъ Царей; 3) прежніе судебники, Указы Государей и Боярскіе приговоры; 4) статьи нерѣшенныя ни прежними судебниками, ни Царскими Указами; и 5) хотя и неупомянутый въ повелѣніи, Статутъ Литовскій.

Россія познакомилась съ Церковнымъ Греческимъ Правомъ со введеніемъ Христіанской вѣры. При составленіи Уложенія немного заимствовано постановленій изъ него, но Церковное право важное имѣло вліяніе на Уложеніе тѣмъ, что оно сообщило свой характеръ системѣ наказаній; такъ что въ опредѣленіи внутренняго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ Уложеніе слѣдовало древнему ученію, и тѣмъ самимъ почти оставило въ сторонѣ систему, развитую въ возрожденной Европѣ.

Уложеніе не имѣло въ виду измѣнить существующее законодательство въ Россіи, но главное его стараніе было обращено на собраніе разбросанныхъ правилъ закона въ одно систематическое цѣлое; новыя же введенія большею частію не измѣняли, но пополняли прежніе законы. По сему Уложеніе усвоило себѣ много постановленій судебника, указовъ и боярскихъ приговоровъ. Преимущественно сохранились постановленія древняго Русскаго права въ судопроизводствѣ, въ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ; а сверхъ того и въ другихъ статьяхъ часто являются слѣды прежнихъ постановленій.

Литовскій Статутъ былъ самымъ обильнымъ источникомъ уголовныхъ постановленій Уложенія. Вліяніе его преимущественно замѣтно въ изложеніи правилъ о преступленіяхъ Государственныхъ, о преступленіяхъ противу службы военной, и нарушеній правъ казны, о преступленіяхъ противу личности частныхъ лицъ, а въ особенности въ убыткахъ, ущербахъ и поврежденіяхъ чужаго имущества. Впрочемъ замѣтно, что составители Уложенія искали въ Статутѣ Литовскомъ преимущественно матеріала для догмы закона. Уложеніе, принимая случай, изложенный въ Статутѣ, тогда только усвоивало наказаніе, когда оно было согласно съ системою, которую оно приняло. Вообще же если наказанія, принятыя Статутомъ, были несогласны съ его системой, когда Уложеніе измѣняло его посвоему. Въ особенности Уложеніе старалось смягчить строгость Литовскаго Статута, что должно приписать милосердію Царя Алексѣя Михайловича.

Важнымъ могутъ быть пособіемъ для изслѣдованія, какія были источники каждой статьи Уложенія, отмѣтки на поляхъ, поставленныя противу каждой статьи, въ подлинномъ спискѣ Уложенія, хранившагося въ Оружейной Палатѣ(¹), несмотря на то, что въ этихъ отмѣткахъ есть пропуски.

Уложеніе подвергалось уже два раза критическому изслѣдованію ученыхъ. Первый по времени былъ г. Владиміръ Строевъ, который издалъ въ 1833 году *Историко-Юридическое изслѣдованіе Уложенія*; но гораздо важнѣе *Рѣчь объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи*, профессора Московскаго Университета Ѳ. Л. Морошкина, въ которой, со всѣмъ знаніемъ исторіи отечественнаго права, сочинитель подвергалъ изслѣдованію источники Уложенія, Государственные и гражданскіе законы и судопроизводство; но къ сожалѣнію авторъ не разсматривалъ уголовнаго права. Самостоятельность воззрѣнія и правильное представленіе состоянія разсматриваемыхъ имъ предметовъ въ древней Россіи и въ періодъ Уложенія, поставляютъ эту рѣчь въ число важнѣйшихъ сочиненій по части исторіи Русскаго права. Весьма замѣчательна тоже рѣчь профессора С.-Петербургскаго Университета г. Баршева, *О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовнаго, въ особенности Русскаго Права*, и диссертація Харьковскаго профессора г. Горденкова: *Въ чемъ должно состоять Ученое Уголовное Законовѣдѣніе въ Россіи въ настоящее время.* Оба сочинителя, разсматривая развитіе уголовнаго права въ Россіи, обращаютъ вниманіе на значеніе, которое въ онамъ имѣло Уложеніе.

Если принять во вниманіе, что Уложеніе сохранило въ себѣ много постановленій, относящихся къ временамъ древнѣйшимъ, то нельзя умолчать о новѣйшихъ трудахъ, посвященныхъ изслѣдованію древняго Русскаго права. Въ особенности примѣчательны: г. Калачова *Изслѣдованія о русской правдѣ* и *Объ уголовномъ правѣ по судебнику Царя Іоанна Васильевича*; г. Иванишева *о платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ словянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою* и г. Палюмбецкаго *О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго Германскаго Права сравнительно съ русскою правдою и позднѣйшими русскими законами.* Всѣ эти сочиненія представили много результатовъ и объяснили много предметовъ, бывшихъ до того неясными, и всегда останутся важнымъ пособіемъ для позднѣйшихъ составителей полной исторіи русскаго Уголовнаго Права.

Уложеніе подвергалось уже два раза критическому изслѣдованію ученыхъ. Первый по времени былъ г. Владиміръ Строевъ, который издалъ въ 1833 году *Историко-Юридическое изслѣдованіе Уложенія*; но гораздо важнѣе *Рѣчь объ уложеніи и послѣдующемъ его развитіи*, профессора Московскаго Университета Ѳ. Л. Морошкина, въ которой, со всѣмъ знаніемъ исторіи отечественнаго права, сочинитель подвергъ изслѣдованію источники Уложенія, Государственные и гражданскіе законы и судопроизводство; но къ сожалѣнію авторъ не разсматривалъ уголовнаго права. Самостоятельность воззрѣнія и правильное представленіе состоянія разсматриваемыхъ имъ предметовъ въ древней Россіи и въ періодъ Уложенія, поставляютъ эту рѣчь въ число замѣчательнѣйшихъ сочиненій по части исторіи Русскаго права. Весьма замѣчательна также рѣчь профессора С. Петербургскаго Университета г. Баршева, *Объ общемъ ходѣ, правилахъ, законодательства и мѣрахъ на развитіе уголовнаго [illegible] въ особенности Русскаго Права*, и диссертація Харьковскаго профессора г. Горленкова: *Въ чемъ должно состоять Русское Уголовное Законодательство въ Россіи въ настоящее время*. Оба сочиненія разсматриваютъ развитіе уголовнаго права въ Россіи, обращая особенное вниманіе на значеніе, которое въономъ имѣло Уложеніе.

Если принять во вниманіе, что Уложеніе сохранило въ себѣ много постановленій, относящихся къ временамъ древнѣйшимъ, то нельзя умолчать о новѣйшихъ трудахъ посвященныхъ изслѣдованію древняго Русскаго права. Въ особенности примѣчательны: г. Калачова *Изслѣдованія о русской правдѣ* и *Объ уголовномъ правѣ по Судебнику Царя Іоанна Васильевича*; г. Неволина *о статьяхъ уголовнаго [illegible] русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ [illegible]* и г. Пахмана *О судебныхъ доказательствахъ [illegible] Германскаго Права сравнительно съ Русскою правдою и позднѣйшими русскими законами*. Всѣ эти сочиненія представили много результатовъ и облегчили многія [illegible], бывшихъ до этого неясными, и теперь остается ожидать пособій для новыхъ трудовъ составленія полной исторіи русскаго Уголовнаго Права.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ВООБЩЕ.

1). *Раздѣленіе преступленій.*

Древніе памятники законодательства Русскаго показываютъ намъ, что въ нашемъ отечествѣ дѣйствія, нарушающія сферу свободной дѣятельности частныхъ лицъ, а въ послѣдствіи и тѣ случаи, въ которыхъ частная воля возносилась выше воли общественной, преслѣдовались всею тяжестію карательной системы, которая выражалась различною наказанностію, развиваемою временемъ. Договоры Олега и Игоря, Русская Правда, Грамоты, Судебники и уставы служатъ намъ доказательствомъ, что всеобщее вниманіе было обращено на пресѣченіе всякаго зла, подъ какимъ видомъ оно ни проявлялось, если только это зло не было согласно съ началами правды и справедливости и съ видами общественнаго спокойствія и безопасности. Каждый изъ этихъ памятниковъ нашей юридической дѣятельности, отдавая впрочемъ дань всеобщему историческому развитію идей Уголовнаго Права, въ длинный періодъ семи вѣковъ, грозно стоялъ на защитѣ элементовъ, необходимыхъ для образованія государственнаго бытія. — Жизнь Русская, со временъ Московскаго государства, потекла величаво, сбросила при усиленной борьбѣ все то, что препятствовало ея самостоятельности, и древній обычай, озаряемый юридической практикой, завязалъ ядро народнаго законодательства. Но въ этотъ бурный

моментъ некогда было останавливаться надъ систематическимъ раздѣленіемъ юридическихъ понятій; поэтому, во всѣхъ постановленіяхъ закона до Уложенія нигдѣ *зло* не опредѣлялось; виды его исчислялись по мѣрѣ того, какъ юридическая практика замѣчала новые случаи, а гдѣ не было явныхъ постановленій, врожденное чувство справедливости не затруднялось возстановлять нарушенія права.

Но Уложеніе застало Россію уже на высшей степени народной силы и было точнѣе и опредѣлительнѣе. — Хотя въ самомъ текстѣ закона нѣтъ опредѣленія преступленія, но въ заглавіяхъ мы встрѣчаемъ уже наименованія запрещенныхъ дѣяній; а распредѣленіе предметовъ по главамъ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что составители Уложенія умѣли отличать различные виды преступленій. — Уложеніе знаетъ слѣдующіе виды преступленій: 1) преступленія противу вѣры; оно называетъ преступниковъ *Богохульниками* и *церковными мятежниками* (2), безчинниками (3); 2) преступленія государственныя, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *Государева великаго дѣла*, *Государева дѣла и слова* (4); лицъ, покушающихся на особу Монарха, называетъ мыслящими на *Государское здоровье злое дѣло* (5), умышляющихъ *злое дѣло* противу цѣлости государства называетъ *измѣнниками* (6). Самая измѣна называется *измѣннымъ дѣломъ* (7). Къ измѣнѣ причисляется зажженіе города; зажигатель назывался *зажигальщикомъ* (8). Къ оскорбленію Величества, Уложеніе относитъ *безчинство и брань на Государевомъ дворѣ*; мѣры для пресѣченія сего рода преступленій, изложены въ III-й главѣ *о Государевѣ дворѣ, чтобъ на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было.* Скопъ и заговоръ не только противу Царскаго Величества, но противу лицъ, входящихъ въ составъ управленія, также причислялись къ государственнымъ преступленіямъ (9). Судя по порядку, въ которомъ слѣдуютъ главы, легко замѣтить, что Уложеніе относитъ къ государственнымъ преступленіямъ нарушенія въ исполненіи повинностей, нарушенія противу правъ казны и ея доходовъ и злоупотребленія по службѣ: такъ глава II говоритъ о *подпищикахъ* и о тѣхъ, *которые печати поддѣлываютъ*, V-я глава *о денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги*, VI-я глава *о проѣзжихъ грамотахъ, въ иныя государства*, VII-я *о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства* и X-я *о судѣ*, гдѣ между прочимъ полагается взысканіе за преступленія лицъ, участвующихъ въ судѣ, XXV-я глава, извѣстная подъ названіемъ: *Указъ о корчмахъ*, въ которой преслѣдуются нарушенія постановленій о выдѣлкѣ и продажѣ горячихъ напитковъ и о куреніи табаку. 3) Преступленія

противу нарушеній частныхъ лицъ излагаются въ X, XXI и XII главахъ Уложенія; въ первой изъ нихъ, помѣщаются обиды личныя, ущербы и убытки по имуществу, во второй, т. е. XXI, которая носитъ названія *о разбойныхъ и о татиныхъ дѣлѣхъ*, помѣщены разбой, грабежъ, воровство и нѣкоторые случаи убійства; наконецъ въ главѣ XXII, названной: *указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе*, преимущественно излагаются дѣйствія, направленныя противъ личнаго существованія человѣка и преступленія противъ собственности, какъ вредящія вещественнымъ средствамъ существованія частныхъ лицъ. Всѣ эти данныя ведутъ насъ къ заключенію, что независимо отъ прежняго древняго Русскаго дѣленія преступленій по подсудности, Уложеніе усвоило себѣ новое дѣленіе на *Государственныя* и *частныя*. Уложеніе приняло древнее Римское дѣленіе, что слѣдуетъ приписать вліянію Градскихъ законовъ; посему въ Уложеніи не видно раздѣленія, принятаго въ средніе вѣка, на преступленія тяжкія и легкія, основаннаго на необходимости поддержанія общественной безопасности, преобладавшей надъ всѣми частными и побочными цѣлями. Впрочемъ, Уложеніе понимаетъ, что не всѣ запрещенныя дѣянія приносятъ одинаковый вредъ, и въ каждомъ отдѣлѣ принятаго имъ раздѣленія, оно разсматриваетъ во-первыхъ преступленія, которыя уничтожаютъ права общественнаго союза или частныхъ лицъ; во-вторыхъ преступленія, которыя потрясаютъ права общественныя или частныя, и въ-третьихъ тѣ дѣйствія, которыя не уничтожаютъ и не потрясаютъ правъ, но только нарушаютъ средства, придуманныя обществомъ для обезпеченія всякому лицу пользованія предоставленными ему правами.

Въ Уложеніи преимущественно полагается наказаніе за противозаконныя дѣянія; впрочемъ есть случаи, когда наказанія преслѣдуютъ неисполненіе нѣкоторыхъ дѣйствій (10).

2). *О преступленіи, относительно воли дѣйствующаго лица.*

Къ условіямъ, образующимъ сущность дѣйствія противузаконнаго, принадлежитъ воля дѣйствующаго лица. Только воля можетъ сдѣлать то, что дѣйствіе совершенное бываетъ законнымъ или противузаконнымъ. Воля оживляетъ всякое дѣйствіе и придаетъ ему характеръ и свойства. Не каждый человѣкъ владѣетъ волею въ равной степени, и не всегда одинаково владѣетъ волею своею. Однако человѣкъ дѣйствуетъ, не смотря на то, что совершенно лишенъ возможности употребить волю, или не употребляетъ ее такъ, какъ бы

желалъ. Человѣкъ, дѣйствуя при обладаніи волею, не всегда равно виноватъ; во-первыхъ, онъ совершаетъ дѣйствія, предпринимаемыя безъ намѣренія нарушить законъ, но слѣдствіе есть противузаконіе, которое могло быть предвидѣно дѣйствующимъ лицемъ, если бы онъ больше обратилъ вниманія; во-вторыхъ, онъ предпринимаетъ дѣйствія противузаконныя добровольно, имѣя въ виду достиженіе какой нибудь особой цѣли; и въ-третьихъ, онъ предпринимаетъ дѣйствія съ тою цѣлію, чтобы совершить какое нибудь нарушеніе закона, какое представляется его вниманію. Не вдругъ сдѣлалась понятна та огромная лѣстница, которая отдѣляетъ дѣйствія, совершенныя безъ всякаго участія воли, отъ дѣйствій, предпринятыхъ съ полнымъ размышленіемъ; въ древности обращали вниманіе на внѣшнее дѣйствіе, не вникая во внутреннія побужденія человѣка; только юридическія понятія, развитыя въ духѣ Христіанскаго ученія, обратились къ внутренней сторонѣ человѣка. Основныя понятія первоначальныхъ законодательствъ Европейскихъ народовъ не благопріятствовали развитію науки о противузаконной волѣ. По своей сущности, вира смотрѣла болѣе на вознагражденіе внѣшняго вреда, на оцѣнку дурныхъ послѣдствій противузаконнаго дѣйствія, чѣмъ на опредѣленіе участія, которое имѣла воля при совершеніи нарушенія. По этому умышленно-ли кто совершилъ убійство, убивалъ-ли и увѣчилъ-ли отъ неосторожности, тѣмъ не менѣе долженъ былъ платить окупъ. Впрочемъ, Русская Правда отличаетъ *ставшаго на разбои безъ всякоя свады* (11). Когда характеръ наказаній измѣнился, въ Россіи начали раздѣлять преступленія на *хитростныя и безхитростныя*; но подъ именемъ послѣднихъ разумѣлись большею частью дѣйствія случайныя (12); притомъ такія, которыя нисколько не зависѣли отъ воли человѣка; напр. если вода принесетъ мертваго, или кто *съ древа убьетца*, или *отъ своихъ рукъ утеряетца*, или *возомъ сотретъ*, или въ водѣ утонетъ, или громъ убьетъ, или кого звѣрь съѣстъ (13). Въ Выпискѣ Уставной книги разбойнаго приказа (14) видно различіе между умышленнымъ убійствомъ и убійствомъ *неумышленнымъ* или *пьянымъ дѣломъ*. Уложеніе пользуется тѣмъ, что установлено было прежде по сему предмету: постановленіе 90-й статьи судебника, въ которомъ говорится о безхитростной утратѣ денегъ или товара купцемъ, взятыхъ у своего товарища, повторяется въ кодексѣ Алексѣя Михайловича (15). Только вмѣсто слова *безхитростное дѣло*, употребляется *невольный случай*. Постановленія о неумышленномъ убійствѣ встрѣчаются въ Уложеніи (16). Уложеніе не довольствуется тѣмъ, что нашло; оно дѣлаетъ значительный шагъ впередъ въ изслѣдованіи умысла въ дѣйствіяхъ противузаконныхъ. Уложеніе отличаетъ убійство *съ умышленіемъ* (17), под-

жегъ *умышленіемъ* ([18]), вредъ сдѣланный *нарочнымъ дѣломъ* ([19]), *хитростію* ([20]) и *небреженіемъ* ([21]), отъ убійства учиненнаго *безъ умышленія, безъ хитрости не нарочнымъ дѣломъ* ([22]), т. е. отъ стеченія обстоятельствъ случайныхъ, зависящихъ не отъ воли, но отъ дѣйствія посторонняго, отъ убійства учиненнаго надъ лицемъ, выданнымъ на правежъ ([23]), отъ убійства и увѣчья по неволѣ *отъ себя бороняся* ([24]), отъ убійства при преслѣдованіи татя ([25]), отъ *гибели*, учиненной безъ хитрости ([26]), отъ нарушеній должности безъ хитрости ([27]). Наконецъ Уложеніе допускаетъ невѣдѣніе, какъ обстоятельство, освобождающее отъ наказанія ([28]).

3) *О преступленіи въ отношеніи къ дѣйствію внѣшнему.*

Разные переходы преступнаго дѣйствія отъ того момента, въ которомъ оно завязалось въ мысли лица, помышляющаго о нарушеніи до самаго совершенія обдуманнаго заранѣе зла, впервые подверглись изслѣдованію глоссаторовъ. Италіянскіе практики развили немного подробнѣе ученіе о покушеніи; но только уголовное Уложеніе Карла V ([29]) обратило вниманіе на степень наказанности, которую должно нести покушеніе. Криминалисты Нѣмецкой школы XVI и XVII столѣтій мало сдѣлали успѣховъ въ ученіи о умыслѣ, о приготовленіи къ преступленію и покушеніи; посему, хотя въ Уложеніи этотъ предметъ не подвергся строгому розысканію, однако предусмотрѣніе тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ преступленіе разсматривается прежде исполненія, показываетъ, что составители Уложенія, предугадывали тѣ запутанныя обстоятельства, сопутствующія преступленію отъ его начала до окончанія, которыя наконецъ разгаданы критическимъ изслѣдованіемъ Криминалистовъ XVIII и XIX столѣтій. По Уложенію въ преступленіяхъ государственныхъ полагается наказаніе на того, кто *учнетъ мыслити на Государское здоровье злое дѣло, кто злое дѣло мыслить и дѣлать хотѣлъ* ([30]), и на того, кто, *хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и Государемъ быть*, и для того начнетъ *рать сбирать* или *Царскаго Величества съ недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатися и помочи имъ всячески чинити* ([31]). Въ преступленіяхъ противу частныхъ лицъ предвидѣнъ случай, если кто учнетъ *похвалятися* на кого смертнымъ убійствомъ ([32]), или похвалится какимъ *лихимъ дѣломъ*, что онъ хочетъ домъ его или гумно съ хлѣбомъ сжечь, или иной какой убытокъ учинить ([33]), или, если слуга помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ, или выметъ какое оружіе, намѣреваясь его убить ([34]).

4). *О лицахъ, совершающихъ преступленіе.*

Совершеніе преступленія находится въ связи со временемъ. Въ этомъ отношеніи представляются три момента, въ которыхъ преступленіе можетъ быть разсматриваемо: прежде совершенія, въ минуту совершенія, и послѣ совершенія. При первомъ взглядѣ кажется, что преступленіе прежде совершенія — дѣло постороннее для законодателя и судьи. Что заключается въ мысли, покрыто непроницаемой завѣсой. Что неперешло въ сферу дѣйствія внѣшняго, не нарушаетъ юридическаго порядка. Но общество не можетъ довольствоваться взглядами чисто юридическими, оно идетъ дальше и старается утвердить за собою общественную безопасность. Общество, желая обезпечить себя, должно обращать вниманіе на готовящуюся грозу; на этомъ основаніи, лице знающее о преступленіи, должно обратить вниманіе общества, бодрствующаго надъ своею безопасностію. Пріобрѣтеніе свѣдѣнія о приготовляемомъ противузаконіи, можетъ представить многочисленныя средства къ предупрежденію и къ отклоненію угрожающаго зла. По этому общество должно вмѣнить всѣмъ членамъ своимъ въ обязанность доносить о извѣстныхъ приготовленіяхъ къ преступленію. Кто не радѣетъ объ исполненіи этой обязанности, дѣлается виновнымъ противу общественной безопасности.

Въ Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ съ усиленіемъ монархической власти началъ водворяться порядокъ, вниманіе Правительства, въ особенности обращено было на устроеніе общественнаго спокойствія. Для достиженія этой цѣли, сверхъ учрежденія губныхъ старостъ и губныхъ избъ въ городахъ, чтобы преслѣдовать разбой (35), частныя лица обязаны были доносить о извѣстныхъ имъ преступленіяхъ. Мы видимъ, что въ клятвенныхъ записяхъ лица присягающія обѣщались между прочимъ объявлять все то, что услышатъ *о добрѣ* или *лихѣ* Государя и его дѣтей, и въ этомъ представляли за себя порукъ (36), »а у кого послышу язъ иркъ такое лихое дѣло и умышленье и »ссылку, и мнѣ такого человѣка не покрыти и его поймати и приводити его »въ городѣхъ къ бояромъ и воеводамъ и къ приказнымъ людемъ, а въ воло»стяхъ и въ селѣхъ къ земскимъ старостамъ и къ лучшимъ людемъ; а не »будетъ моей силы что его поймати, и мнѣ на такого человѣка такія злыя »умышленія и ссылки извѣщати въ городѣхъ Государевымъ бояромъ и вое»водамъ и приказнымъ людемъ, въ правду« (37). Уложеніе развиваетъ дальше найденныя имъ положенія: оно назначаетъ награду тому, кто приведетъ или убьетъ измѣнника, »а тому, кто его приведетъ или убьетъ, дати Государево

»жалованье изъ его животовъ, что Государь укажетъ«(38); кто свѣдаетъ или услышитъ на Царское Величество *въ какихъ людехъ* скопъ и заговоръ, или иной какой злой умыселъ, тотъ обязанъ былъ объ этомъ извѣщать Государю Царю или его боярамъ и ближнимъ людямъ, воеводамъ и приказнымъ(39). Лица, которыя знали объ этихъ преступленіяхъ, наказывались смертью безъ всякой пощады(40). Лица, связанныя съ преступникомъ самыми ближайшими узами родства, какъ жена и дѣти(41), отецъ, мать, братья родные или неродные, *дядья* или другіе родственники (42), если только вѣдали о преступленіи, подвергались тоже смертной казни. Служителямъ и крестьянамъ, живущимъ за кѣмъ нибудь *въ крестьянѣхъ*, давали вѣру въ этихъ великихъ дѣлахъ, не смотря на то, что кромѣ тѣхъ великихъ дѣлъ, ни въ какихъ дѣлахъ такимъ извѣтчикамъ не велѣно было вѣрить(43).

Участье лицъ, способствующихъ къ совершенію предступленія, можетъ быть непосредственное или посредственное, и должно всегда обращать вниманіе законодателя, по началамъ чистой справедливости. Оцѣнка же дѣйствій, предпринятыхъ послѣ совершенія преступленія, если только эти дѣйствія не составляютъ новаго преступленія, не можетъ быть сдѣлана по строгимъ началамъ чистой справедливости. Впрочемъ, начала благоустройства и благосостоянія, которыя необходимо должны быть поддерживаемы въ обществѣ, не позволяютъ, чтобы этотъ предметъ ускользнулъ отъ вниманія законодателя; по этому, при разсмотрѣніи сего предмета, слѣдуетъ тщательно вникнуть, было ли принято участіе въ преступленіи прежде, чѣмъ оно было исполнено, или послѣ его исполненія; то-есть: имѣло ли преступленіе участниковъ или пособниковъ. Всѣ эти отношенія довольно точно и опредѣленно изложены въ Уложеніи, которое, какъ и всегда, обнявъ собою понятія, приготовленныя предшествующими постановленіями, передало ихъ въ полнѣйшемъ видѣ. Въ особенности достойно примѣчанія, что Уложенію извѣстенъ *научающій къ преступленію*, который, еслибы даже не принималъ участія въ исполненіи преступленія, подвергался наказанію одинаковому съ исполнившимъ преступленіе(44); къ участникамъ преступленія Уложеніе относитъ *учинившихъ помощь* (45) *товарищей* (46), которые наказывались легче, чѣмъ преступники и *стакавшіеся* (47). Люди, защищавшіе господина своего, при отраженіи его отъ предпринятаго имъ противузаконнаго дѣйствія и даже учинившіе убійство, не считалися участниками; ихъ преступленіе не ставилось имъ въ вину, а велѣно *спрашивать* того убійства на томъ, кому они служили(48). Это постановленіе имѣетъ нѣкоторое сходство съ Статутомъ Литовскимъ, въ которомъ слуги вообще не

считались помощниками въ преступленіи своихъ господъ (49). Весьма много матеріяловъ противу способствованія преступникамъ, послѣ совершенія преступленія, нашло Уложеніе въ своихъ источникахъ; въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа приняты мѣры противу укрывавшихъ въ обыскѣ разбойниковъ и татей; противу бывшихъ въ *пріѣздѣхъ*, *въ подводѣ*, *въ поноровкѣ*, *въ поклажеи*, о которыхъ *языки* говорили, что у нихъ положили *за разбойное и за татиное* или что положили *за чисто*, или противу людей, о которыхъ языки говорили въ продажѣ *за разбойное* или *за татиное* или *за чисто безъ поруки* (50). Цѣль всѣхъ этихъ распоряженій явно выражена, *чтобъ всякимъ людемъ у себя воровъ, татей и разбойниковъ держать неповадно, а ворамъ бы, татемъ и разбойникамъ нигдѣ прибѣжища небыло* (51). Видно, что не смотря на запрещенія, пособничество въ воровствѣ и разбоѣ было довольно значительно распространено; лица, опредѣляемыя въ должности и даже нанимавшіяся въ работы, должны были представить ручательство въ слѣдующемъ: *никакимъ воровствомъ не воровати, не красть и не разбивать и ворамъ татемъ и разбойникамъ и никакимъ воровскимъ людемъ приходу и пріѣзду къ себѣ недержать, и воровскою, татиною, разбойною рухледью не промышляти* (52). Въ Уложеніи включено все, что было постановлено прежде: въ немъ запрещается укрывать и у себя держать татей и разбойниковъ, у которыхъ уши рѣзаны; съ нарушителей сего правила опредѣлена пеня въ десять рублей. Основаніемъ сему наказанію было то самое правило, какое встрѣчалось въ Выпискѣ изъ Уставной книги, что бы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать, а татемъ бы и разбойникамъ нигдѣ пристанища не было (53). Наказывались тоже тѣ, которые *ухороняли* людей оговорныхъ (54). Въ Уложеніи также повторяется постановленіе о людяхъ, на которыхъ учнутъ языки говорить съ пытокъ въ поклажѣ разбойныя и татиныя рухляди и скажутъ, что у нихъ положили за разбойное, или за татиное, или за чисто, или на которыхъ языки учнутъ говорить въ продажѣ разбойной *рухляди* (55), въ *пріѣздахъ* и въ *подводахъ* (56). Подвергались *заповѣди* тѣ, которые, видя воровъ, не изъимали и въ приказъ не приводили и изымать было ихъ *мощно* (57). Такъ же считались виновными тѣ, которые *слѣду не отвели* (58). Наконецъ господинъ, если слуга учинилъ убійство безъ вѣдома его, чтобы очистить себя, долженъ былъ привесть въ приказъ *и про такія убійства извѣстить* (59). Правило совершенно сходное съ постановленіемъ Статута Литовскаго, въ которомъ предписано господину, такого слугу поймать, посадить въ тюрьму и родственниковъ убитаго извѣстить (60).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ВѢРЫ.

Сохраненіе чистоты Св. Вѣры, по ученію Апостольскому и по положенію Святыхъ Соборовъ, было постоянною заботою пастырей древней Русской Церкви. Они старались пресѣчь ереси и расколы, разрѣшали сомнѣнія низшаго духовенства, объясняя имъ истинный смыслъ догматовъ и преданій истинныя Святыя Церкви, поучали житію сообразно съ саномъ своимъ, и старались пресѣкать всѣ отступленія и ложныя толкованія. Драгоцѣнными памятниками этого попеченія о чистотѣ Св. Вѣры служать посланія къ духовенству и къ міряпамъ, многихъ знаменитыхъ пастырей, какъ то: Митрополитовъ Фотія, Іоны и Симона, Архіепископовъ Новгородскихъ Симеона, Евѳимія, Архіепископа Ростовскаго Ѳеодосія и многихъ другихъ ([61]); въ этомъ отношеніи примѣчательно тоже *Поученіе Священнослужителямъ*, относящееся къ 1449 г. ([62]). Въ Стоглавѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго между прочимъ есть правила о сохраненіи благочинія въ церквахъ, »да никто изъ Князей Великихъ и всѣхъ »добрыхъ Христіанъ не входитъ въ церковь съ главою покровенною ([63]).

Кощунство, колдовство и остатки языческихъ обрядовъ, обратили тоже вниманіе Царя Законодателя; онъ говоритъ: »Духовенство обязано искоренять »языческія и всякія гнусныя обыкновенія. Напримѣръ: когда истецъ съ »отвѣтчикомъ готовятся въ судѣ къ бою, тогда являются волхвы, смотрятъ »на звѣзды, гадаютъ въ какія то *Аристотелевы Врата* и въ *Рафли*, предсказываютъ побѣду счастливому, умножаютъ зло кровопролитія. Легковѣрные »держатъ у себя книги Аристотелевскія, звѣздочетныя, зодіаки, алманахи, »исполненные еретической мудрости ([64]). Наканунѣ Іоаннова дни люди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, пляшутъ цѣлыя сутки; безумствуютъ и наканунѣ Рождества Христова, Василья Великаго и Богоявленія. Въ Субботу »Троицкую плачутъ, вопятъ и глумятъ на кладбищахъ, прыгаютъ, бьютъ въ »ладоши, поютъ сатаническія пѣсни. Въ утро Великаго Четверга палятъ солому и кличутъ мертвыхъ, а священники въ сей день кладутъ соль у престола »и лечатъ ею недужныхъ. Лживые пророки бѣгаютъ изъ села въ село, нагіе, »босые съ распущенными волосами, трясутся, падаютъ на землю, баснословятъ »о явленіяхъ Св. Анастасіи и Св. Пятницы. Ватаги скомороховъ, человѣкъ до »ста, скитаются по деревнямъ, объѣдаютъ, опиваютъ земледѣльцевъ, даже

»грабятъ путешественниковъ на дорогахъ, клянутся во лжи именемъ божіимъ »и скверпословятъ.« Такое состояніе Россіи побудило Царя обратить вниманіе на прекращеніе безпорядковъ; онъ говоритъ: »Отцы Духовные! пресѣките »зло, наставляйте, грозите! Казните эпитеміей: ослушники да не входятъ въ »церковь! Учите Христіанъ страху Божію и цѣломудрію, да живутъ мирно »въ сосѣдствѣ, безъ ябеды, кражи, разбоевъ, лжесвидѣтельства и клятвопре»ступленія; да будетъ вездѣ благонравіе въ нашемъ любезномъ отечествѣ »и дѣти да чтутъ родителей« (65).

Карамзинъ расказываетъ (66) о ереси, произведенной въ Новгородѣ въ концѣ XV столѣтія жидомъ Схаріей, и открытой Архіепископомъ Геннадіемъ, который доносилъ, что сіи отступники злословятъ Христа и Богоматерь, плюютъ на кресты, называютъ иконы болванами, грызутъ оныя зубами, повергаютъ въ мѣста нечистыя, не вѣрятъ ни Царству небесному, ни воскресенію мертвыхъ, и, безмолствуя при усердныхъ христіанахъ, дерзностно развращаютъ слабыхъ. Нашъ Исторіографъ расказываетъ о наказаніи, которому подверглись еретики; онъ говоритъ, что соборъ, дѣйствуя согласно съ желаніемъ Великаго князя Іоанна III Васильевича, проклялъ ересь, и безумныхъ еретиковъ осудилъ на заточеніе. Многіе изъ осужденныхъ были посланы въ Новгородъ: Архіепископъ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней, лицемъ къ хвосту, въ одеждѣ вывороченной, въ шляпахъ берестовыхъ, острыхъ, какія изображаются на бѣсахъ, съ мочальными кистями, съ вѣнцемъ соломеннымъ съ надписью: *се естъ Сатанино воинство!* Такимъ образомъ возили сихъ несчастныхъ изъ улицы въ улицу: народъ плевалъ имъ въ глаза, восклицая: *се враги Христовы!* и въ заключеніе сжегъ у нихъ на головѣ шлемы. Въ Актахъ Историческихъ, въ I томѣ (подъ № 285) помѣщена грамота 1487 г. Февраля 15 Великаго Князя Іоанна Васильевича и Митрополита Геронтія Новгородскому Архіепископу Геннадію, о преданіи этихъ жидовствующихъ еретиковъ суду. Въ грамотѣ Великаго Князя сказано, что онъ велѣлъ тѣхъ изъ нихъ, которые обличены въ преступленіи, казнить (наказать) въ Москвѣ градскою казнію: да казнивъ, послать къ нему, Архіепископу, для того, чтобы ихъ наказалъ, *и только ни покаются*, то послать къ Великняжескимъ намѣстникамъ, *и ни тамо велятъ казнити градскою же казнію*; а необличенныхъ преступниковъ велѣлъ Великій Князь обличать, и *которыхъ обыщешь, по правиломъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ будетъ достойны вашей казни церковной ино и то и самъ вѣдаешь; а будутъ достойны по правиломъ*

градскіе казни, и ты тѣхъ пошли къ моимъ намѣстникомъ, и ни ихъ велятъ казнити градскою казнею по разсужденію.

Важный документъ разсматриваемаго нами рода преступленій изданъ подъ заглавіемъ: *Акты, относящіеся къ собору на Матѳѣя Башкина* (67), въ которомъ описанъ ходъ дѣла о ложныхъ мнѣніяхъ дьяка Ивана Михайлова Висковатаго, который въ нихъ покаялся и подвергся наказанію эпитеміей на три года: »Едино ти лѣто плакатись подобаетъ, внѣ дверей стоя церковныхъ »и входящимъ вѣрно молясь, молитву творити за ся, исповѣдая своя согрѣ»шенія; потомъ же второе лѣто, послушающи божественныхъ писаній, пріятъ будеши въ церковь; и третье лѣто да стоиши съ вѣрными въ церкви, »общенія жъ не пріемлеши; скончавшимъ же си тремъ лѣтомъ святыхъ та»инъ причастникъ будеши, потому что еси по три годы отъ своего мнѣнія »не испытавъ божественнаго писанія, о тѣхъ Святыхъ честныхъ иконахъ »сомнѣніе имѣлъ и вопилъ и взмущалъ народъ православныхъ хрестьянъ, въ »соблазнъ и въ поношеніе многимъ«.

Мы уже видѣли, что Уложеніе называетъ преступниковъ противу вѣры: *Богохульниками*, *церковными мятежниками* и *безчинниками*. Богохуленіе строго запрещается. »Будетъ кто иновѣрцы, какія ни буди вѣры или и Русской »человѣкъ, возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, »или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу Богородицу и приснодѣву »Марію, или на честный крестъ, или на Святыхъ его угодниковъ: и того »Богохульника, обличивъ, сжечь (68)«. На поляхъ подлиннаго списка Уложенія, »хранившагося въ Москвѣ, въ оружейной палатѣ (69), отмѣчено, что источникомъ этой статьи былъ Моисеевъ законъ; по всему видно, что основаніемъ этой статьи было правило, изложенное въ кормчей книгѣ, Част. II, на лис. 25. Отвлекавшій Русскаго человѣка какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ, къ бусурманской вѣрѣ, и обрѣзавшій его, подвергался тому же наказанію, т. е. сожженію. Отступившій же отъ православія отсылался къ патріарху или другой власти, для учиненія ему указа по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ (70). Вѣрно поводомъ къ этой статьѣ были частые отступленія отъ православія въ Казани, новокрещенцовъ, которые оставаясь жить съ Татарами, не только что не исполняли обязанностей христіанскихъ, но даже не крестили новорожденныхъ; для отклоненія сего, новокрещенныхъ велѣно отнять отъ Татаръ. Впрочемъ, не только новокрещенные и Русскіе жили у Татаръ, у Черемисы, у Чуваши, но *и пьютъ съ ними и ѣдятъ съ одного*, и вступали въ бракъ у нихъ; а нѣкоторые Русскіе *сверстные* и *не-*

доросли жили у Нѣмецъ по слободамъ и деревнямъ *добровольно* и въ *деньгахъ*, отпадали отъ православія и *превратились* у Татаръ въ Татарскую вѣру, а у Нѣмецъ въ Римскую и *Люторскую* вѣру; для предупрежденія этихъ отступленій, запрещено было Русскимъ жить и служить у Татаръ и Нѣмцевъ ([71]). Безчинникъ, который, пришедъ въ церковь, во время литургіи, и какимъ ни буди *обычаемъ* Божественныя литургіи *совершити* не дастъ, подвергался смертной казни ([72]). Вошедшій въ церковь во время литургіи или другаго церковнаго пѣнія, и начавшій говорить непристойныя рѣчи духовнымъ особамъ, и тѣмъ учинившій Божественному пѣнію *мятежъ*, подвергался торговой казни ([73]). Въ Уложеніи также запрещалось въ церквахъ убивать ([74]), дѣлать раны ([75]). наносить удары ([76]) и безчестіе словами ([77]), бить челомъ по какимъ либо дѣламъ Царю, Патріарху, Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, чтобы отъ того »въ церкви Божіей Церковному пѣнію смятенія небыло, »понеже церковь Божія устроена приходити на молитву. И православнымъ »Христіанамъ подобаетъ въ церкви Божіей стояти и молитися со страхомъ »а не земная мыслити« ([78]). Къ сожалѣнію есть доказательства, что опредѣленіе наказаній за нарушеніе благочинія въ церквахъ произошли отъ замѣченныхъ безпорядковъ. Въ церквахъ чинился мятежъ и соблазнъ и нарушеніе святыя вѣры, мірскіе люди, приходившіе въ церковь, стояли въ церкви съ безстрашіемъ и небреженіемъ, и во время святаго пѣнія творили бесѣды *неподобныя* съ *смѣхотвореніемъ*, дѣти мірскихъ людей входили во время службы въ алтари, нищіе ходили во время служенія по церкви, съ *безстрашіемъ* человѣкъ по десяти и больше, и *отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ*, и въ церквахъ *овогда* бранятся, *овогда* и дерутся, другіе клали пелены на блюдахъ и свѣчи будтобы на постройку церквей, другіе притворялись малоумными, другіе ходили въ одеждахъ пустынниковъ, въ веригахъ съ растрепанными волосами, другіе наконецъ ползали по церкви, пискъ творили и великій соблазнъ полагали въ простыхъ человѣкахъ ([79]).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЯ.

Почти до начала XVII столѣтія понятія о преступленіяхъ государственныхъ, преимущественно выражавшіяся въ измѣнѣ, носятъ въ себѣ отпеча-

токъ прежняго государственнаго управленія въ Россіи, т. е. усилія удѣльныхъ князей дѣйствовать отдѣльно и независимо отъ Великихъ князей, и постояннаго стремленія Великихъ князей, со времени Іоанна Калиты, къ одержанію первенства и власти надъ князьями удѣльными; а наконецъ, къ образованію единодержавія въ Россіи, слитіемъ владѣній князей съ державою Велико-Княжескою. Со временъ Іоанна III, Московское самодержавіе начало возвышаться надъ удѣльными Князьями, которые были принуждены медіатизироваться въ Москвѣ, что продолжалось до временъ между-царствія. Въ періодъ удѣловъ, бояре, бывшіе членами дружины княжеской, служившіе Князю по дружбѣ и товариществу [80], могли по желанію вступать въ службу того или другаго удѣльнаго Князя и свободно переходить отъ одного къ другому. Князья поддерживали это право бояръ, которое помогало умноженію ихъ дружины: *а Боярамъ межи насъ вольнымъ воля*, выраженіе, которое неизмѣнно встрѣчается въ грамотахъ между великими и удѣльными Князьями. Поэтому отношеніе служилаго боярина къ Государю походило болѣе на договоръ, въ обезпеченіе котораго употреблялась поручная запись; а самая измѣна была не болѣе, какъ нарушеніе вѣрности, данной князю тѣмъ или другимъ бояриномъ, касательно службы. Даже съ утвержденіемъ единодержавія, когда понятіе о свободныхъ переходахъ должно было измѣниться, бояре не могли долго привыкнуть къ новой для нихъ подчиненности; своевольно переходили не только въ Литву, но и въ Польшу, и изъ этихъ державъ обратно возвращались въ Россію. Сила обычая была такъ могущественна, что даже Іоаннъ IV, который, по доносу Волынскаго, казнилъ смертію въ одинъ день 120 человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что хотѣли передать Новгородъ Литвѣ, покорялся ему. Онъ прощалъ возвращавшихся и обязывалъ ихъ вѣрностью, посредствомъ такъ называемыхъ клятвенныхъ записей. Въ этихъ записяхъ обыкновенно виновный сознавался, »что онъ *во многихъ винахъ* »*проступилъ* противу Государя своего Царя и Великаго Князя, или что Богу, »святымъ Божьимъ Церквамъ и всему Православному Христіанству вѣры своей »не соблюлъ, Государю, его землямъ и всему Православному Христіанству »измѣнилъ; и что виновный за свою вину билъ челомъ Государю такими то »лицами« (слѣдуетъ исчисленіе лицъ, принявшихъ передъ Царемъ ходатайство за виновнаго: эти лица обыкновенно были духовныя власти) »и Государь, »для прошенія и челобитья такихъ то лицъ, меня такого то своего холопа »пожаловалъ, вины мнѣ отдалъ.« Послѣ, виновный обязывается Царю и его дѣтямъ служить и ихъ землямъ, *прямити* во всемъ въ правду, безъ всякой

3.

хитрости, по крестному цѣлованію, »не отъѣхати отъ Государя и отъ Госу-»дарева роду къ иному Государю«; обыкновенно слѣдуетъ исчисленіе Государствъ, въ которыя виновному не отъѣзжать. Такъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій далъ обѣщаніе, что не отъѣдетъ, ни къ Турскому Государю, ни къ *Цесарю*, ни къ Литовскому, къ Стефану Королю и къ инымъ королямъ Литовскимъ, ни къ *Ишпанскому*, ни ко *Французовскому*, ни къ Чешскому, ни къ *Датцкому*, ни къ Угорскому, ни къ *Свейскому* королемъ, ни въ *Англію*, ни въ иные ни въ которые *Нѣмцы*, ни въ Крымъ ни въ Нагаи. Сверхъ того, виновный давалъ обѣщаніе *лиха* и измѣны никоторые *ни учинити*, быть въ службѣ, гдѣ Царь прикажетъ, въ Москвѣ ли, въ другихъ ли городахъ или въ походѣ, никакого города не сдавать и никакой измѣны не дѣлать; къ лиходѣямъ Государя не приставать и съ лиходѣями на него и и его дѣтей *лихо* ни какъ ни думать, ни мыслить, *ни дѣлати ни какими дѣлы*, ни какою *хитростью до своего живота*. »А кто мнѣ учнетъ говорити »какія рѣчи на Государя моего лихо Великаго Князя, и о его Великой кня-»гинѣ, и о ихъ дѣтехъ, и о ихъ земляхъ, Государя ли нашего земель, чело-»вѣкъ какой ни буди, мой ли господинъ, или мой братъ, или родной мой »братъ или моего племени, кто ни буди, или иной кто ни буди, Государя »нашего земель человѣкъ, или иные земли человѣкъ, Литвинъ ли, или Тата-»ринъ, или Немчинъ, или Фрязинъ, или иной кто ни буди, учнетъ мнѣ го-»ворити какіе рѣчи ни буди на Государя моего лихо Великаго Князя, и о »его Великой Княгинѣ и о ихъ дѣтехъ; и о зелье о лихомъ кто станетъ гово-»рити, чтобы дати Государю моему Великому князю, или его Великой кня-»гинѣ или ихъ дѣтемъ какое зелье дати, или иное что лихо учинити; и мнѣ »къ Государя своего лиходѣемъ ни какъ не приставати, и съ ними о томъ »ни говорити и не думати, и не дѣлати мнѣ того самому, и имъ того не »думати, ни дѣлати ни которыми дѣлы, ни которою хитростью, и тѣхъ мнѣ »на лихо рѣчей у нихъ ни какъ не слушати; а которые рѣчи кто ни буди »учнетъ мнѣ говорити, и мнѣ тѣхъ его рѣчей никакъ не утаити, а сказати »мнѣ тѣ рѣчи въ правду, безъ всякой хитрости; котораго лиходѣя извѣдаю, »или услышу, думаючи о зелье и о иномъ какомъ лихе ни буди: и мнѣ того »человѣка ни какъ не утаити, сказати мнѣ то на него въ правду безъ всякіе »хитрости.« Въ исполненіи обѣщанія виновный клялся, чтобы за всякое нарушеніе клятвенной записи не имѣть ему милости Божіей и Пречистой Богородицы и Вселенскихъ семи соборовъ и великихъ чудотворцевъ Московскихъ Петра, Алексѣя, и Іоны и всѣхъ Святыхъ и не имѣть благословенія преосвя-

щеннаго Митрополита, Архіепископовъ, Епископовъ и Архимандритовъ и Игуменовъ и всего священнаго собора Русской Митрополіи и быть ему прокляту въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ ([81]). Для большей вѣрности, виновные цѣловали крестъ и иногда представляли за себя порукъ, которые отвѣчали за ихъ вѣрность денежной суммой, иногда весьма значительной; такъ по князѣ Охлябининѣ поручители обязались платить двѣ тысячи рублей ([82]), по бояринѣ Охинѣ Плѣщеевѣ четыре тысячи ([83]), по бояринѣ Салтыковѣ пять тысячь рублей ([84]), по князьяхъ Пронскомъ и Бѣльскомъ и по бояринѣ Шереметьевѣ десять тысячъ ([85]), по князьяхъ Воротынскихъ по пятнадцать тысячъ ([85]), по князѣ Мстиславскомъ двадцать тысячъ рублей ([87]). Для большаго обезпеченія денежной пени, всегда требовалась другая поручная запись по поручителяхъ, въ случаѣ ихъ несостоятельности; въ этой поручной записи пеня раздроблялась на каждаго поручителя по частямъ.

При возшествіи на престолъ Василія Іоанновича Шуйскаго, люди всякаго званія, при приведеніи ихъ къ присягѣ на вѣрность ему, клялись *ему хотѣть* добра во всемъ вправду, служить вѣрою и правдою безъ всякой хитрости, другаго Государя не хотѣть, гдѣ онъ велитъ быть на службахъ, тамъ и быть, биться съ недругомъ его вправду безъ всякой хитрости и товарищей своихъ Государевыхъ людей на бою не выдавать, *лиха* никакого недумать и не мыслить, *и рѣчей неподобныхъ никакихъ не говорить*, *лихова* зелья и коренья никакого у себя не держать и никого не портить, не таить, что увидитъ и услышитъ какое лихо или какія неподобныя рѣчи, объ этомъ сказывать боярамъ и воеводамъ и приказнымъ людямъ; ложно ни на кого никакого дѣла не затѣвать ни на кого не сказывать. Скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить, до смерти никого не убивать, съ Государевой службы не съѣзжать, не измѣнять, въ другія Государства не отъѣзжать, и служить безъ всякой хитрости до своей смерти. Въ случаѣ неисполненія присяги, присягавшій клялся, чтобы ему не было милости Божіей, Пречистой Богородицы и великихъ чудотворцевъ, и чтобы не было благословенія всего вселенскаго освященнаго собора. Татары и Остяки, вмѣсто крестнаго цѣлованія, давали шерть по своей вѣрѣ и прочитавъ клятвенную запись, говорили слѣдующія слова: »Даю шерть »Государю своему Царю и Великому Князю на томъ, на всемъ, какъ въ сей »записи писано, по тому мнѣ служити и прямити и до своего живота, на »своей вѣрѣ, по шерти; а не учну язъ такъ Государю своему Царю и Вели»кому князю Василью Ивановичу всей Руси служити, какъ въ сей записи писа-

»но и буди на мнѣ Божій огненный мечь, і побей меня Государева хлѣбъ »и соль і ссеки мою голову та вострая сабля« (88).

Подкрестная запись на вѣрность службы Борису Ѳедоровичу Годунову, хотя по времени старшая клятвеннаго обѣщанія, даннаго Шуйскому, по гораздо его полнѣе; въ содержаніи ея встрѣчаемъ предметы, о которыхъ въ прежнихъ записяхъ нигдѣ не упоминается. Въ ней повторяется все то, что обыкновенно заключалося въ другихъ записяхъ, и что считалось прежде государственнымъ преступленіемъ, т. е. служить Царю въ правду, безъ хитрости, быть на его службахъ, никуды не отъѣзжать, не думать и не мыслить *лиха* на Государя, извѣщать о всѣхъ помышляющихъ о томъ, и тому под., какъ мы выше видѣли. Но сверхъ того являются новые предметы, показывающіе, что понятіе о государственныхъ преступленіяхъ расширилось, и что въ это время начали понимать въ Россіи, что могутъ быть другія преступленія государственныя, кромѣ измѣны; въ этой записи клялись еще приводимые къ присягѣ, не приходить скопомъ и заговоромъ на Царей и Бояръ и ближнихъ людей. Въ случаѣ присылки Царемъ кого либо обыскивать про *Государевы* или про *земскія* дѣла, про разбой, про татьбу, и про убивство, и про пожоги, и про истцовы иски, или про какія нибудь другія дѣла, то присягавшему сказывать противъ дѣла въ правду, другу не дружить, и не *затѣяти ни на кого ни которыми дѣлы*, по дружбѣ татей и разбойниковъ и душегубцевъ и всякихъ лихихъ людей не укрывать и добрыми людьми не называть, а на добрыхъ людей по недружбѣ, разбою и татьбы въ обыскахъ *не взводить*, разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ, по дружбѣ, въ грабежныя дѣла не сказывать, а грабежевъ по недружбѣ въ разбойные дѣла не сказывать; посуловъ и поминковъ ни отъ кого не брать. Наконецъ, присягавшій давалъ обѣщаніе сказывать Государю, Его Боярамъ и ближнимъ людямъ на тѣхъ, кто *учнетъ* въ обыскахъ лгать и татей, разбойниковъ и душегубцевъ укрывать (89).

Мы уже прежде замѣтили, что преступленія, противу особы Государя и членовъ Царскаго дома, Уложеніемъ названы: *о Государской чести и какъ Его Государское здоровье оберегать*. Тотъ, кто какимъ умышленіемъ начиналъ мыслить на Государское здоровье злое дѣло, тотъ подвергался смертной казни (90). Тому же наказанію подвергались тѣ, которые, намѣреваясь завладѣть государствомъ и престоломъ, начинали рать собирать, или съ государственными недругами дружили, и *совѣтными грамотами* ссылались, чтобы имъ дать помощь *для* завладѣнія Московскимъ государствомъ (91) и измѣнники,

сдавшіе городъ измѣною, или принявшіе *для измѣны* изъ другихъ государствъ зарубежныхъ людей (92). Тотъ, кто умышленіемъ и измѣною городъ зажжетъ или дворы, тотъ безъ всякаго милосердія подвергался сожженію (93). Во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ помѣстья, вотчины и животы (движимое имущество) измѣнника поступали на Государя, т. е. конфисковались (94). Жена и дѣти измѣнника, если не знали объ измѣнѣ, не подвергались наказанію; имъ отдѣлялось изъ имѣнія измѣнника *на прожитокъ* то̀, что Государь пожалуетъ (95); если же знали, *вѣдали*, то они подвергались смертной казни (96). Дѣти, жившіе въ раздѣлѣ съ отцемъ своимъ измѣнникомъ, и не знавшіе объ измѣнѣ, сохраняли свое имущество, если оно было у нихъ особое (97). То-же правило распространялось на родителей, на братьевъ родныхъ и неродныхъ, на дядей и на другихъ лицъ того же *роду*, хотя бы имѣніе у нихъ было общее; но если они знали объ измѣнѣ, то также подвергались смертной казни (98). Конфискація имущества была необходимымъ наказаніемъ измѣны, и даже, если царь *пожаловалъ* измѣнника, *и велитъ ему вину отдати*, то прежнія помѣстья не могли быть ему возвращены, а въ вотчинахъ его *Государь воленъ* (99). Статья 15-я I-й главы служитъ намъ доказательствомъ, что измѣнникъ лишался общаго покровительства законовъ: каждый могъ, догнавъ его на дорогѣ, убить, или, поймавъ, могъ привесть къ Царю, и тому, кто его приведетъ или убьетъ, давалось Государево жалованье, что Государь укажетъ.

Запрещалось приходить на Царя и на властей, имъ установленныхъ, *самовольствомъ, скопомъ* и *заговоромъ*, и никого не грабить и не побивать, а тѣхъ, которые это дѣлали, велѣно было казнить смертію безъ всякой пощады (100).

Сравнивая Уложеніе съ постановленіями прежними, видно, что названія государственныхъ преступленій, остались почти тѣ-же; но самое понятіе о нихъ измѣнилось. Взглядъ, приличествующій временамъ близкимъ къ удѣльному періоду, долженъ былъ измѣниться тогда, когда единодержавіе сильно укрѣпилось и ввело правильное управленіе государствомъ. Впрочемъ, въ этомъ измѣненіи, истекающемъ изъ новаго образованія устройства государственнаго, нельзя не замѣтить, что Статутъ Литовскій служилъ образцемъ. Не говоря о томъ, что, по Литовскому Статуту, совершившій и сдѣлавшій покушеніе на здравіе Государя, заговорщикъ и бунтовщикъ подвергались смертной казни (101), потому что каждое законодательство, безъ всякаго подражанія одно другому, необходимо должно опредѣлить этотъ родъ наказанія, за столь огромное преступленіе, разрушающее существованіе государства; мы встрѣчаемъ, что въ

Литовскомъ Статутѣ есть сходство съ прочими статьями Уложенія: такимъ образомъ смертной казни подвергался во-первыхъ тотъ, кто хотѣлъ овладѣть государствомъ и престоломъ, и для того собиралъ рать ([102]); также тотъ, кто имѣлъ сношеніе съ непріятелемъ и съ нимъ переписывался совѣтными грамотами, или давалъ ему какую нибудь помощь; во-вторыхъ, кто сдавалъ городъ измѣннически непріятелю, или приводилъ непріятельскихъ людей въ государство. Измѣнникъ лишался своего имущества, которое обращалось въ пользу Государя ([103]) и никогда ему не возвращалось ([104]). Сыновья, вѣдавшіе о преступленіи отца, тоже подвергались смертной казни. Дѣти и жена преступника, если не вѣдали о преступленіи отца, не наказывались, однако лишались отцовскаго имущества ([105]). Если же дѣти жили въ раздѣлѣ съ отцемъ, и имущество у нихъ было отдѣлено отъ отцовскаго, то оно у нихъ не отнималось ([106]). Кто измѣнника на дорогѣ убьетъ или поймавши приведетъ предъ Государя, тотъ не только не подвергался никакому взысканію, но признавался достойнымъ милости Государя ([107]).

Правило, изложенное въ 4-й статьѣ II-й главы Уложенія, о зажигателяхъ городовъ и домовъ умышленіемъ и измѣною, заимствовано изъ церковныхъ законовъ ([108]).

Къ оскорбленію Величества Уложеніе относитъ всѣ дѣйствія самоуправства, нарушающія права частныхъ лицъ, сдѣланныя или въ присутствіи Царя или въ Царскомъ дворцѣ. Уложеніе, сверхъ частнаго удовлетворенія, которое полагалось на виновнаго въ пользу обиженнаго, по общей системѣ взысканій, принятыхъ въ частной обидѣ, полагаетъ еще другое взысканіе за *неопасеніе* чести Государя и за честь Государева дворца. Преступленія сего рода изложены въ III-й главѣ Уложенія, которая носитъ названіе: *о Государевомъ дворѣ чтобы на Государевомъ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было.* До Уложенія нигдѣ объ этомъ родѣ преступленій не упоминается; внесеніе его въ законодательную книгу, надобно приписать вліянію Литовскаго Статута. Не можетъ быть, чтобъ случаи, исчисленные въ III-й книгѣ Уложенія, не встрѣчались до его изданія, особенно при безпрестанныхъ спорахъ о *мѣстѣ* лицъ, окружавшихъ Царя и составлявшихъ его дворъ; навѣрное, опредѣленіе наказанія, при молчаніи положительныхъ законовъ, затрудняло власти, которымъ поручался разборъ этихъ дѣлъ, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что составители Уложенія усвоили въ законодательствѣ соплеменнаго народа случаи, которые бывали часто на практикѣ. Лучшимъ тому доказательствомъ есть то, что изъ 9-ти статей, изъ которыхъ состоитъ третья глава, первыя семь чисто заим-

ствованы изъ 9-го и 10-го артикуловъ 1-го раздѣла Литовскаго Статута; въ двухъ же послѣднихъ излагаются случаи, которыхъ въ немъ нѣтъ, но навѣрное они нашли мѣсто въ Уложеніи потому, что уже встрѣчались на практикѣ. Впрочемъ, хотя случаи взяты изъ Литовскаго Статута, но наказанія за нѣкоторыя преступленія измѣнены, не только въ степени, но и въ родѣ, соображаясь съ общею системою наказаній, принятою въ Уложеніи.

Если кто обезчеститъ кого словомъ при Царскомъ Величествѣ, въ Его Государевомъ дворцѣ и въ Его Государевыхъ палатахъ, то за честь Государева дворца, обидчика велѣно посадить въ тюрьму на двѣ недѣли, а кого онъ обезчеститъ, и тому *указати* на немъ безчестіе (109). Въ Статутѣ за такое же преступленіе, кромѣ безчестія, которое доправлялось съ обидчика въ пользу обиженнаго на общемъ основаніи закона: виновный за Государеву вину подвергался тюремному заключенію въ продолженіе шести недѣль (110). Тотъ, кто въ Государевомъ дворѣ другаго *задеретъ*, и съ дерзости ударитъ рукою, тотъ на мѣстѣ подвергался задержанію *»тутъ же изъимати«* и, не отпуская его, дѣлался сыскъ про таковой бой, и за честь Государева дворца виновный сажался на мѣсяцъ въ тюрьму, а обиженный доправлялъ на немъ безчестіе. А если обидчикъ ударялъ до крови, то за честь Государева дворца сажался въ тюрьму на шесть недѣль, а обиженный доправлялъ безчестіе вдвое (111). По Литовскому Статуту, виновный за такой поступокъ также задерживался на мѣстѣ, и, не отпуская его, производилось слѣдствіе, и за Государеву вину онъ наказывался трехъ-мѣсячнымъ содержаніемъ въ тюрьмѣ, и долженъ былъ заплатить безчестіе обиженному sowito; если же ударилъ до крови, то подвергался полугодовому содержанію въ тюрьмѣ (112). Далѣе по Уложенію, если кто выметъ при Государѣ на кого саблю, или иное какое оружіе, и тѣмъ оружіемъ кого ранитъ, и отъ этой раны тотъ, кого онъ ранитъ, умретъ, то убійца подвергается смертной казни; если бы раненый не умеръ, то виновный *убійца* тоже накозывался смертною казнію, а изъ животовъ его брались кабальные долги убитаго (113); за такое же преступленіе виновный по Литовскому Статуту подвергался тоже смертной казни и долженъ былъ платить *головщину* или *навязку* (114). Уложеніе наказываетъ отсѣченіемъ руки того, кто при Государѣ выметъ на кого, какое бы то ни было оружіе, хотя бы и не ранилъ, и не убилъ (115). Совершенно въ такомъ же случаѣ, Статутъ Литовскій полагаетъ тоже самое наказаніе (116). По Уложенію, кто въ Государевомъ дворѣ, однако не въ присутствіи Государя, выметъ на кого оружіе, но не ранитъ, тотъ сажался на три мѣсяца въ тюрьму. А если ранитъ, то

раненый доправлялъ безчестіе и увѣчье противу оклада вдвое, а виновный отдавался на поруки въ томъ, что ему безъ указу изъ того города, гдѣ онъ кого ранитъ, не съѣзжать до тѣхъ поръ, пока раненый не *обможется* или не умретъ. А если раненый не обможется, то тому, кто его ранитъ, отсѣкалась рука; если же раненый отъ раны умретъ, то виновный подвергался смертной казни (117). По Литовскому статуту, вынувшій оружіе на другаго въ замкѣ, въ дворцѣ или на Государевомъ дворѣ, хотя бы и не ранилъ, подвергался тюремному заключенію тоже на три мѣсяца, безъ всякаго снисхожденія. А если ранитъ, то лишался руки, а изъ имущества его недвижимаго или движимаго, раненый получалъ *совитую* навязку. Если же рана была опасная, такъ что могло быть сомнѣніе на счетъ выздоровленія раненаго, то виновный клялся не отлучаться, пока раненый или не умретъ отъ этихъ ранъ, или не оправится; если раненый умретъ, то преступникъ подвергался смертной казни, а изъ имущества его платилась *совитая* головщина (118). Въ шестой статьѣ разсматриваемой нами главы Уложенія, запрещено во дворѣ Царскаго Величества въ Москвѣ, или гдѣ изволитъ Царское Величество въ объѣздѣ быть, стрѣлять изъ пищалей и изъ луковъ или изъ другаго какого либо оружія безъ Государева указу, и съ такимъ оружіемъ въ Государевомъ дворцѣ не ходить; если же кто въ Государевомъ дворѣ въ Москвѣ или въ объѣздѣ кого ранилъ или кого убилъ до смерти, то того тоже велѣно казнить смертію (119). Въ Статутѣ Литовскомъ существуетъ тоже запрещеніе и полагается одинаковое наказаніе, какъ и въ Уложеніи (120). Далѣе въ законѣ Царя Алексѣя Михайловича сказано, что если кто начнетъ ходить въ Государевомъ дворцѣ въ Москвѣ въ объѣздѣ съ пищалями и съ луками, хотя не для стрѣльбы, и изъ этого оружія никого не ранитъ и не убьетъ, то и за эту вину полагается наказаніе: виновнаго велѣно бить батогами и вкинуть въ тюрьму на недѣлю (121). По Литовскому Статуту тотъ, кто вопреки запрещенію дерзалъ ходить съ пищалію и лукомъ по городу или по двору Государеву, хотя бы не стрѣлялъ и никого не убилъ и не ранилъ, лишался оружія и подвергался платежу двѣнадцати копъ грошей; если же виновный не былъ въ состояніи заплатить денежнаго взысканія, то подвергался тюремному заключенію въ продолженіи двѣнадцати недѣль (122). Наконецъ по Уложенію того, кто во дворѣ Царскаго Величества что-нибудь украдетъ, въ первый разъ велѣно бить кнутомъ; а если же того татя съ краденымъ въ Государевомъ дворѣ поймаютъ во второй разъ, то велѣно бить кнутомъ, да вкинуть на полгода въ тюрьму. Если же этотъ тать будетъ пойманъ съ кра-

деннымъ въ Государевомъ дворѣ въ третій разъ, то ему отсѣкалась рука, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было воровать, въ Государевомъ дворѣ красть ([123]).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНІЯ.

Сопротивленіе распоряженіямъ правительства и неповиновеніе властямъ наказывалось слѣдующимъ образомъ:

Люди, которые оговоренныхъ людей выбивали у посланныхъ за ними, наказывались кнутомъ, и съ нихъ бралось на Государя по пятидесяти рублей ([124]). Человѣкъ, который приставу съ понятыми не давалъ вынуть поличнаго, или отнималъ вынутое поличное, подвергался пыткѣ и надъ нимъ чинился указъ *до чего доведется* ([125]) — правило, заимствованное изъ Уставной книги разбойнаго приказа, статьи 23. Люди, которые въ городахъ учнутъ дѣлаться сильными, и на поруки не учнутъ даваться въ томъ, что станутъ на судъ и воеводы будутъ писать о томъ Государю, то по тѣмъ воеводскимъ отпискамъ посылались Государевы грамоты, съ повелѣніемъ, по тѣхъ *слушниковъ* посылать стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, и по поимкѣ, когда они были приставлены въ Москву въ приказъ, велѣно наказывать батогами, кромѣ удовлетворенія истца за убытки ([126]). Отвѣтчикъ, отбившійся отъ пристава, посланнаго отъ суда, сверхъ удовлетворенія истца за то, что онъ Государева Указу непослушалъ, поруки не далъ, и отбился у пристава, въ Москвѣ бѣгалъ, подвергался тюремному наказанію въ продолженіи недѣли ([127]); еслиже отвѣтчикъ не объявлялся, желая этимъ нанести проволочку истцу, то ему за ослушаніе чинилось наказаніе, *что Государь укажетъ*, а сверхъ того *судъ на него давался* и указъ чинился *до чего доведется* ([128]). Но если отвѣтчикъ отъ пристава ухоронится или учинится силенъ, то, когда сего ослушника изъимавъ приведутъ въ Москву, то за его ослушаніе онъ подвергался наказанію батогами; а если же такой непослушникъ сдѣлаетъ это въ третій разъ, то такъ же, сверхъ взысканій судебныхъ по иску, велѣно было бить его батогами, и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ ([129]).

Взысканіе за оскорбленіе и явное неуваженіе къ присутственнымъ мѣстамъ и къ чиновникамъ при отправленіи должности, излагается въ 105,

106, и 142-й статьяхъ десятой главы Уложенія. Всѣ сіи статьи заимствованы изъ Литовскаго Статута; впрочемъ наказанія измѣнены въ нѣкоторыхъ случаяхъ, относительно степени и рода; сверхъ того Уложеніе не довольствовалось тѣмъ, что нашло, но сдѣлало нѣкоторыя пополненія. Кто, пришедши въ приказъ къ *суду* или *для* другаго какого нибудь дѣла, обезчеститъ судью *непригожимъ* словомъ, того *за Государеву пеню* били кнутомъ, или батогами, смотря потому, какъ Государь укажетъ, а судья получалъ безчестіе ([130]). По Литовскому Статуту за ту же вину, виновный наказывался шестинедѣльнымъ тюремнымъ содержаніемъ за вину Государеву; обиженному же долженъ былъ заплатить *навязку* по состоянію его ([131]). По Уложенію, тому, кто судью чѣмъ *зашибетъ*, или ранитъ, отсѣкалась рука, а судья за раны и за безчестіе получалъ *безчестіе* вдвое ([132]). По Литовскому Статуту за это преступленіе виновный подвергался смертной казни, а съ имущества его раненый получалъ совитую навязку ([133]). По Уложенію, кто убьетъ судью въ приказѣ или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, тотъ наказывался смертною казнію, а изъ его животовъ пополнялись кабальные долги убитаго ([134]); по Статуту полагалась тоже смертная казнь и взыскивалась *совитая* головщина съ имѣнія преступника ([135]). Если же убійца, послѣ того какъ нанесетъ раны или убьетъ судью, убѣжитъ, то послѣ сыску подвергался смертной казни ([136]); тоже самое опредѣлено въ Литовскомъ Статутѣ ([137]). По Уложенію велѣно истцу и отвѣтчику, ставъ передъ судьями искать и отвѣчать *вѣжливо*, смирно и не шумно, и передъ судьями ни какихъ невѣжливыхъ словъ не говорить и между собою не браниться; если же истецъ и отвѣтчикъ въ судѣ побранятся, и кто кого изъ нихъ обезчеститъ *непригожимъ* словомъ, то того, за судейское безчестіе, велѣно посадить въ тюрьму на недѣлю; а обиженному доправлялось безчестіе по указу. А если *съ дерзости* рукою *зашибетъ*, а не ранитъ: то долженъ былъ платить обиженному безчестіе вдвое. По Литовскому Статуту, за обиду словомъ, виновный сажался на шесть недѣль въ тюрьму; за обиду дѣйствіемъ, сверхъ того, долженъ былъ заплатить обиженному вмѣсто навязки двѣнадцать рублей грошей. Кто замахнется передъ судьями на кого нибудь какимъ либо оружіемъ или ножемъ, а не ранитъ, того, по Уложенію, били батогами, а если ранитъ то били кнутомъ; по Литовскому Статуту, замахнувшемуся, но не ранившему отсѣкалась рука, за рану наказывался *ни чѣмъ инымъ*, какъ

сказано въ самомъ законѣ, какъ смертною казнію. Впрочемъ, Уложеніе поставляетъ тоже смертную казнь безъ всякой пощады, если раненый умретъ отъ раны или если на мѣстѣ будетъ убитъ; а изъ животовъ и вотчинъ убійцы

доправлялись кабальные долги убитаго; по Литовскому Саатуту убійца лишался чести и жизни, и головщина взыскивалась *совито* съ имущества преступника въ пользу дѣтей и ближнихъ. Убійца, бѣжавшій изъ Суда, который учинится силенъ и не дастъ себя поймать, послѣ поимки наказывался по Уложенію смертной казнію (138). Наконецъ, Уложеніе наказываетъ тѣхъ, которые наносили обиды лицамъ, посылаемымъ съ разными порученіями отъ Правительства: такъ, если приставъ будетъ посланъ съ наказною памятью, или если сынъ Боярскій съ Государевыми Грамотами, а тотъ къ кому они будутъ посланы, начнетъ бить или велитъ его бить своимъ людямъ или крестьянамъ или постороннимъ, или же наказныя и приставныя памяти или Государевы Грамоты отниметъ и изорветъ и тѣмъ своимъ поступкомъ обезчеститъ тѣхъ приказныхъ, отъ которыхъ приставъ былъ посланъ; то такого непослушника велѣно было за Государеву Грамоту бить кнутомъ и посадить въ тюрьму на три мѣсяца, а недѣльщику доправлялось безчестіе и увѣчье противу окладу вдвое. Если же съ недѣльщикомъ были въ понятыхъ сторонніе люди, то и они получали безчестіе и убытки вдвое по сыску, противу того, что у кого будетъ взято. По Литовскому Статуту, за нанесеніе побоевъ *возньму*, обязанность котораго была почти таже, что у насъ пристава и недѣльщика, виновный подвергался тюремному заключенію на двѣнадцать недѣль, а обиженнымъ платилъ *совитую* навязку и вознаграждалъ всѣ убытки *совито*. А кто недѣльщика или понятыхъ прибьетъ до смерти, тотъ подвергался смертной казни, а съ его помѣстій, вотчинъ и животовъ взыскивались *кабальные* долги убитаго; по Литовскому Статуту, убійца тоже наказывался смертною казнію, а съ имѣнія его взыскивалась головщина *совитая*. Наконецъ, Уложеніе постановляетъ, что если побои нанесены были людьми или крестьянами безъ приказанія Господина, то они подвергались наказанію кнутомъ, и съ нихъ взыскивались убытки приставу и понятымъ вдвое (139).

О взломѣ тюремъ въ Уложеніи ничего не сказано, только если разбойники, подрѣзавъ тюрьмы, бѣжали безъ хитрости цѣловальниковъ и сторожей, то *выть* истца взыскивалась съ тѣхъ лицъ, кому надзоръ за тюрьмою былъ порученъ; а если они были несостоятельными, то выть взыскивалась съ людей, которые избирали цѣловальниковъ и сторожей, а съ губныхъ старостъ выть взыскивалась вдвое, потому что въ городахъ тюрьмами завѣдывали губные старосты, и губнымъ старостамъ вмѣнялось въ обязанность осматривать *почасту* тюрьмы и тюремныхъ сидѣльцевъ, чтобы тюрьмы были крѣпки, а у сидѣльцевъ (арестантовъ) ничего не было, чѣмъ имъ изъ тюрьмы

вырѣзываться: »а въ городахъ воры уходятъ изъ тюремъ небреженіемъ и »недосмотромъ губныхъ старостъ« (140). Основаніемъ для составленія этого правила служила 68-я статья Уставной книги Разбойнаго приказу, по которой впрочемъ выть взыскивалась съ выборныхъ людей тогда только, когда о томъ Государь указывалъ.

По всему видно, что Уложеніе при разсмотрѣніи подложныхъ составленій Государевыхъ грамотъ и приказныхъ писемъ, которымъ посвящается IV глава, состоящая изъ 4-хъ статей, имѣло въ виду Статута Литовскаго раздѣлъ 1-й, артикулъ 16-й; какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ исчисляются почти одинаковые виды преступленія и полагается почти одинаковое наказаніе: смертная казнь; и какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ одинаковое невмѣненіе преступленія лицамъ, которыя пользовались подложными актами по невѣдѣнію. Вотъ что говоритъ Уложеніе о составителяхъ подложныхъ грамотъ: если кто напишетъ грамоту отъ Государя самъ себѣ *воровски*, или въ подлинныхъ Государевыхъ грамотахъ, или въ другихъ какихъ нибудь приказныхъ письмахъ, что переправитъ своимъ вымысломъ мимо Государева Указу и боярскаго приговору, или подпишетъ подъ руку думныхъ и приказныхъ людей или подъячихъ, или сдѣлаетъ у себя такую печать, какова Государева печать; тотъ за эти вины подвергается смертной казни (141). Такому же наказанію подвергались и тѣ, которые воровствомъ отнимали Государевы печати отъ Государевыхъ грамотъ или отъ приказныхъ писемъ и прикладывали къ воровскимъ письмамъ, и тѣ, которые *наряжали* эти письма или же переправляли приказныя письма (142). Также смертной казни подвергались и тѣ, которые, хотя и не составляли актовъ, но, зная объ ихъ подложности, пользовались ими (143); если же незная держали у себя, то ихъ за то не велѣно было казнить смертію (144). Отлучаться изъ Московскаго государства для торговли или для другихъ какихъ либо дѣлъ, по Уложенію, можно было неиначе, какъ получивъ проѣзжую грамоту, которую въ Москвѣ давалъ Государь, а въ городахъ воеводы (145); кто ѣздилъ въ другія государства безъ проѣзжей грамоты для измѣны или для иного какого лихаго дѣла, того велѣно было казнить смертію (146). Если же кто ѣздилъ въ другое государство безъ проѣзжей грамоты для торговаго промысла, а не для измѣны, тотъ подвергался наказанію кнутомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно такъ было дѣлать (147). Изъ этого общаго правила исключались владѣльцы, которыхъ вотчины и помѣстья лежали съ Литовскими Нѣмецкими порубежными землями; имъ позволялось ѣздить изъ города въ городъ чрезъ пору-

бежныя земли безъ проѣзжихъ грамотъ и съѣзжаться съ Литовскими и Нѣмецкими людьми, и это имъ въ вину не ставилось потому, что они съ Литовскими и Нѣмецкими порубежными людьми живутъ смежно ([148]).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ЛИЦЪ, СЛУЖАЩИХЪ ПО СЛУЖБѢ ГРАЖДАНСКОЙ.

---

1). *Общія обязанности служащихъ.*

Общаго наставленія для лицъ, состоящихъ въ службѣ Государевой, не встрѣчаемъ какъ въ древнемъ Русскомъ законодательствѣ, такъ и въ Уложеніи; впрочемъ въ крестоприводныхъ записяхъ Царямъ Борису Ѳеодоровичу Годунову, Василію Ивановичу Шуйскому, Михаилу Ѳеодоровичу и Алексѣю Михайловичу, видно, что каждый служащій присягалъ исполнять возложенную на него обязанность и клялся не дѣлать злоупотребленій, имѣвшихъ связь съ порученнымъ имъ дѣломъ. Бояре, Окольничіе и Думные люди клялись *самовольствомъ безъ Государева вѣдома, никакихъ дѣлъ не дѣлать и царской Думы и Боярскаго приговора никому не переносить*; казначей и казенные дьяки обѣщались Государевою казною некорыстоваться и во всемъ оберегать; Думные дьяки — Государевыхъ тайныхъ дѣлъ ни Русскимъ, ни иноземцамъ не сказывать, а править *правду* по крестному цѣлованью; Стряпчіе — Государю служить и лиха никакого Государю не мыслить; Стольники — Государя ничѣмъ въ ѣствѣ не испортить, зелья и коренья лихова ни въ чемъ не дать, самому не чинить, другимъ не велѣть; Постельничьи — въ Государево платье и постеляхъ, и въ изголовьяхъ, и въ подушкахъ, и въ одѣялахъ Государевыхъ никакова дурна не учинить, зелья и лихова коренья не положить; ясельничіе и конюшіе — Государя беречь отъ всякаго лиха, никакого злаго умышленія и волшебства не учинить, ни въ гриву у аргамака, ни у коня, ни въ узды, ни въ сѣдла, ни въ сани коренья не вязать. Для подъячихъ была особенная припись въ крестныхъ грамотахъ только при Царѣ Ѳеодорѣ Борисовичѣ. Вѣроятно, они тогда возбудили противъ себя особое негодованіе Правительства, которое вооружилось противъ нихъ присягою. Они обѣщались: *за дѣлы челобитчиковъ неволочити, отдѣлывати ихъ вскорѣ, посуловъ и поминковъ ни у кого не примимати, по дружбѣ не норовити, а по недружбѣ ни закого не затѣяти.* Въ XVI части древней Русской Вивліоѳики помѣщена статья подъ слѣдующимъ

заглавіемъ: *»Чинъ бываемый, егда кто хощетъ Государю Царю служити всею правдою у его Государевыхъ дѣлъ.* Подлинникъ находится въ патріаршескомъ книгохранилищѣ. Неизвѣстно, сколько времени существовалъ такой обрядъ присяги, и не случалось ли какихъ отмѣнъ; вѣроятно только то, что обрядъ этотъ установленъ былъ въ позднѣйшія времена, т. е. прежде царствованія Алексѣя Михайловича. Причинами къ оправданію сего предположенія можетъ быть то, что присяги принимались при вступленіи въ службу, чего не видно въ прежнихъ записяхъ, и что присягали уже предъ Евангеліемъ, между тѣмъ какъ прежде клятва утверждалась единственно цѣлованіемъ креста. Обрядъ этой присяги былъ слѣдующій: священнослужитель (архіерей, архимандритъ, игуменъ или священникъ) приходилъ въ церковь съ присягающимъ, и поставивъ его противъ Царскихъ дверей, предъ налоемъ, облачался въ ризы. Діаконъ возлагалъ на налой напрестольное Евангеліе и ставилъ лампаду со свѣщею предъ лицемъ присягающаго, который клалъ предъ Евангеліемъ три земныхъ поклона, говоря: *Боже! Очисти мя грѣшнаго и помилуй мя, Создавый мя, помилуй мя! Безъ числа согрѣшихъ, Господи! Помилуй мя!* Послѣ того діаконъ начиналъ: *Благослови, Владыко!* а священникъ читалъ молитвы, псалмы, символъ вѣры, тропари, тропарь и кондакъ святаго настоящаго дня, и наконецъ читалась присяга по слѣдующей формѣ: »Азъ (имя рекъ) обѣ»щаюсь предъ симъ святымъ страшнымъ Евангеліемъ, Государю, Царю и »Великому Князю и проч., быти у Его Государева дѣла (у денежнаго или »у какова сбору), сбирати мнѣ въ правду по Его Государеву Указу, другу »не дружити, недругу не мстити, купити и продавати, какъ цѣна настоитъ, »въ правду и въ томъ никакою хитростію самому мнѣ не корыстоватися и »Государевыми деньгами мнѣ не торговати, и ни съ кѣмъ не ссужатися, и »ни на какіе расходы, кромѣ Государевыхъ, не держати. По сему Боже»ственному и священному Евангелію, ей, ей, дѣлати въ правду!« Священнослужитель за симъ произносилъ поученія присягающему, обѣщая ему блаженство со всѣми праведными, если будетъ вѣренъ своей присягѣ; когда же измѣнитъ, то предавалъ его анаѳемѣ и вѣчному мученію, заключая молитвою, которую произносилъ, ставъ съ простертыми руками предъ Евангеліемъ: *Услыши мя, Господи, грѣшнаго, молящася къ тебѣ всѣмъ сердцемъ! Воздаждь комуждо по дѣламъ его!* Тогда присягающій подтверждалъ свое обѣщаніе, говоря: Обѣщаюсь предъ Святымъ симъ Евангеліемъ Державнѣйшему и благочестивѣйшему Царю и проч. во всемъ въ правду служить. *Аще ли явлюсь преступникъ своего обѣщанія, еже рѣче Архіерей злая ей, ей, да будутъ на мнѣ,*

якоже и на прежнихъ преступницѣхъ! Священнослужитель заключалъ обрядъ вторичнымъ увѣщаніемъ (149).

Въ частности преступленія противу службы, встрѣчаемыя въ Уложеніи, суть слѣдующія: лихоимство, неисполненіе должности, неисполненіе указовъ, превышеніе власти, медленность въ отправленіи должности, подлоги по службѣ и неправосудіе.

2). *Лихоимство.*

Лихоимство и мздоимство въ особенности должны обратить вниманіе, какъ зло, долго существовавшее на практикѣ, не смотря на всѣ запрещенія. Оно даже часто было терпимо правительствомъ, которое, по свидѣтельству иностранныхъ современныхъ писателей, явно позволяло лихоимсво въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Начало этого зла скрывается въ древней Исторіи нашего отечества, и самая система управленія древней Руси много способствовала сему злу; князья перемѣщались изъ одного города въ другой, изъ одной области въ другую и тѣмъ отвлекались отъ дѣлъ внутреннихъ. Причиною этихъ движеній было то, что князья смотрѣли на себя, какъ на членовъ одного семейства и на области Русскія, какъ на нераздѣльную собственность этого семейства; при чемъ старшіе владѣли областями лучшими. Общность, нераздѣльность владѣнія одного рода всею землею, съ правомъ старшихъ на лучшіе удѣлы, условливали постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, изъ одного города въ другой. Если бы эти перемѣщенія слѣдовали порядку старшинства, если бы они были подчинены одному, всѣми равно признаваемому закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столкновенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній дало бы имъ возможность сообщить постоянство и самому ихъ управленію. Но нѣкоторыя линіи князей стремились исключить другія изъ права, и этимъ вызывали со стороны послѣднихъ усилія поддержать свои притязанія, отчего происходили междоусобія, часто производимыя претендантами съ разнымъ счастіемъ, отчего одинъ и тотъ же удѣлъ переходилъ изъ рукъ въ руки, а перемѣщенія постоянно возобновлялись. Съ перемѣною князя, большею частію измѣнялись лица, которыя пособляли ему въ управленіи. Всѣ ближайшіе, составлявшіе дружину его, чаще слѣдовали за нимъ, чѣмъ оставались въ прежнемъ его удѣлѣ. Впрочемъ, изъ Лѣтописи видно, что было два рода дружинъ: одна была дружина городская, другая собственно княжеская. Если князья по какому бы то нибыло случаю оставляли городъ, то дружина ихъ

оставалась въ старомъ уѣздѣ и вступала въ службу новаго князя; но часто нѣкоторые изъ ея членовъ, или изъ особенной привязанности къ князю, или отъ нерасположенія къ его преемнику, оставляли старый удѣлъ и слѣдовали за любимымъ княземъ въ новый. Такъ въ лѣтописи сказано (въ Ипатьев. лѣт., стр. 27): »И тако побѣже Святославъ изъ Новагорода (Сѣверскаго) Корачеву; »дружина же его, они по немъ идоша, а друзіи осташа его«. Или, на стр. 54, слова Изяслава къ дружинѣ своей: »Вы есте по мнѣ изъ Руские земли »вышли, своихъ селъ и своихъ жизнiй лишився, а язъ пакы своея дѣдины »и отчины не могу перезрѣти: но любо голову свою сложю, пакы ли отчину »свою налѣзу и вашю всю жизнь«. Нѣтъ сомнѣнія, что такая дружина пользовалась особенною привязанностію князя, предпочтительно предъ старою дружиною, найденною въ новомъ удѣлѣ; отсюда ропотъ послѣдней и негодованіе гражданъ; старая дружина, отстраненная новою и униженная ею, всѣми силами старалась сбыть пришлецовъ. Такъ по смерти Мстислава, Всеволодъ Ольговичъ привелъ въ Кіевъ своихъ Черниговскихъ дружинниковъ, которымъ роздалъ должности, предпочтительно предъ старою дружиною Кіевскою, и пришельцы сильно тѣснили гражданъ([150]). На сѣверѣ Россіи является новое начало совершенно особенное отъ южнаго: здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотрѣлъ на него какъ на собственность неотъемлемую; хотя бы даже онъ получилъ Великое Княжество, то онъ не переѣзжалъ въ стольный городъ, но оставался въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ; по смерти своей онъ, хотя раздроблялъ свой удѣлъ между своими сыновьями, но каждый Князь оставался въ своемъ удѣлѣ и не перемѣнялъ его на другой: отъ того и не было перемѣщеній; между тѣмъ Князья Южные не умѣли понимать новаго порядка вещей, начавшагося на сѣверѣ, все еще смотрѣли на удѣлы какъ на способъ доставленія *кормленія* дѣтямъ своимъ([151]). Наконецъ, съ утвержденіемъ власти верховной не только въ одномъ родѣ но и въ одномъ лицѣ, всѣ притѣсненія низшихъ властей, проистекающія отъ передвиженія Князей, должны были кончиться: но тутъ Финансовая система была причиною существованія взятокъ. Служащіе почти не получали жалованья, которое давалось только безпомѣстнымъ и преимущественно иностранцамъ. Для прочихъ *кормленіе* занимало мѣсто жалованья. Виды кормленія были: помѣстья, воеводства куда воеводы посылались для кормленія и, для лицъ служившихъ по судебной части, пошлины съ цѣны иска([152]). Кромѣ перваго рода, остальные два, какъ по самому способу взысканія положеннаго, такъ и по требованію неположеннаго, должны были родить множество злоу-

потребленій. Весьма любопытны свѣдѣнія, сообщаемыя Татищевымъ о кормленіяхъ; онъ говоритъ ([153]), что воеводства жаловались изъ милости для нажитка. Кто хотѣлъ получить Воеводство, писалъ: *прошу отпустить покормиться.* Сперва воеводства жаловались на три года и воеводы боялись грабить или дѣлать обиды. Но когда воеводства начали продаваться и давались безсрочно безъ вниманія къ достоинству лица, то вымогательства до того усилились, что по словамъ Татищева упоминать жалко и стыдно. Хотя Правительство должно было терпѣть такіе безпорядки, однако оно награждало тѣхъ, которые совѣстно исправляли свою должность; этому можетъ служить доказательствомъ случай тоже приводимый Татищевымъ: какой то дворянинъ просилъ Царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ, и объявилъ, что у него два сына годныхъ въ службу, а третій малолѣтенъ; Государь послалъ спросить въ разрядъ, есть ли городъ свободный, чтобы 500 или 600 руб. нажить. Изъ разряда донесли о Костромѣ, куда Царь его и пожаловалъ, сказавъ, чтобъ онъ наживъ, деревню купилъ. Дворянинъ, возвратившись съ воеводства, благодарилъ Государя за милость, и донесъ, что нажилъ не болѣе 400 рублей. Государь послалъ тайно спросить дворянъ Костромскихъ о маломъ нажиткѣ воеводы, и узнавъ, что онъ бралъ только то, что ему приносили, а никого не грабилъ, велѣлъ его отпустить на другой лучшій городъ. Впрочемъ, не всѣ воеводы были столь совѣстны какъ тотъ, о которомъ говоритъ Татищевъ; мы видимъ изъ Уставной Важской грамоты ([154]), что люди изъ Шенкурья и изъ Вельску били челомъ Царю, что на посадахъ многіе дворы, а въ станахъ и въ волостяхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ и отъ доводчиковъ, и что имъ Важескаго намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить *нѣмочно.* Царь въ уваженіе ихъ просьбы не велѣлъ быть у нихъ намѣстнику и его пошлиннымъ людямъ, а вмѣсто нихъ велѣлъ быть *излюбленнымъ* (выбраннымъ) головамъ, и людямъ пріѣзжающимъ изъ Москвы за оброкомъ, не велѣлъ посуловъ и поминковъ ни кому не давать. — Не менѣе любопытный примѣръ приведенъ Карамзинымъ ([155]), относящійся къ Царствованію Великаго Князя Василія Іоанновича: онъ говоритъ, что иноземцы, хваля его любовь къ справедливости, замѣтили однакожъ, что богатый рѣже бѣднаго оказывался у насъ виновнымъ въ тяжбахъ; что судьи не боялись и не стыдились за деньги кривить душею въ своихъ рѣшеніяхъ. Однажды донесли Василью, что судья Московскій, взявъ деньги съ истца и съ отвѣтчика, обвинилъ того, кто ему далъ менѣе. Великій Князь призвалъ его къ себѣ. Судья не запирался, и съ видомъ невиннаго отвѣтствовалъ: Государь! я всегда вѣрю

лучше богатому, нежели бѣдному, разумѣя, что первому менѣе нужды въ обманахъ и въ чужемъ. Василій улыбнулся и корыстолюбецъ остался по крайней мѣрѣ безъ тяжкаго наказанія.—Если доходы намѣстниковъ были незначительны, они обращались къ Государю о прибавкѣ; такъ при Іоаннѣ III Кострома была раздѣлена между двухъ намѣстниковъ; но одинъ изъ нихъ билъ челомъ Государю, что имъ обоимъ на Костромѣ *сытымъ быти не съ чего*, и одинъ изъ нихъ пожалованъ всею Костромою, а другой Владиміромъ([156]). По свидѣтельству современныхъ иностранныхъ писателей, судьи могли безнаказанно принимать подарки не дороже 8 рублей, привѣшиваемые къ иконамъ, которыя въ большемъ количествѣ украшали ихъ жилища; также, въ продолженіи 8 дней послѣ Пасхи, вмѣстѣ съ яйцами, имъ позволялось принимать нѣкоторыя малоцѣнныя вещи([157]). Въ Актахъ Юридическихъ подъ № 376 помѣщена весьма любопытная роспись расходовъ слуги Прилуцкаго монастыря Ивана Ащерина, при хожденіи его по монастырскимъ дѣламъ въ Московскихъ приказахъ. Въ Стрѣлецкомъ приказѣ онъ далъ дьяку Ивану Максимову деньгами десять рублей, пирогъ цѣною въ три алтына, голову сахару цѣною въ четырнадцать алтынъ, семгу въ тринадцать алтынъ, гребень рѣзной цѣною въ тридцать алтынъ и двѣ деньги, полъ-пуда свѣчей маковыхъ цѣною въ шестнадцать алтынъ четыре деньги, два ведра рыжиковъ цѣною въ шестнадцать алтынъ четыре деньги; да людямъ его далъ два алтына. Старому подъячему Ефиму Зотову далъ деньгами двадцать восемь рублей, пирогъ въ два алтына и двѣ деньги, ведро рыжиковъ цѣною въ восемь алтынъ и двѣ деньги а его людямъ четыре деньги. Молодому подъячему Семену Забурцову далъ деньгами три рубли да съ нимъ и съ дьячьимъ племянникомъ Даниломъ Волковымъ *выпоено* церковнаго вина на семь алтынъ. Тотъ же самый ходатай, далъ въ печатномъ приказѣ подъячему и сторожамъ два алтына четыре деньги, дьяку Өедору Кузмищеву поднесъ голову сахару, коврижку да гусь, за что онъ заплатилъ осемнадцать алтынъ и двѣ деньги, старому подъячему семгу да калачь купленый за десять алтынъ, молодому подъячему за написаніе памяти далъ три алтына и двѣ деньги. Наконецъ въ приказѣ большой казны далъ дьяку Тимоөею, Исакову сыну, Козмину ведро рыжиковъ цѣною въ шесть алтынъ и пирогъ въ три алтына двѣ деньги, подъячему Якову Гаврилову пирогъ въ два алтына и двѣ деньги, да свѣчь маковыхъ на пять алтынъ. Кошихинъ([158]), разсказывая о распространеніи фальшивой монеты, выдѣлываемой денежными мастерами, говоритъ, что не смотря на строгость законовъ, тѣ изъ нихъ, которые были богаты, отъ бѣды откупилися, давши

въ Москвѣ большіе посулы Боярину Милославскому, да думному дворянину Матюшкину, да дьякамъ, а въ городахъ давали посулы воеводамъ и приказнымъ людямъ, и они, для тѣхъ посуловъ, тѣмъ ворамъ помогали и отъ бѣды избавляли; въ послѣдствіи дѣлатели фальшивой монеты, продолжая свое дѣло въ надеждѣ на покровительство, попались, и съ пытокъ сознались, что этотъ бояринъ, да думный дворянинъ и дьяки и подъячіе, брали большіе посулы и отъ бѣды и смерти ихъ избавляли. На Боярина Царь былъ долгое время гнѣвенъ, а думнаго человѣка велѣлъ отставить прочь отъ приказу, а дьяки и подъячіе подверглись наказанію вмѣстѣ съ дѣлавшими фальшивую монету. Наконецъ, говоря о судьяхъ, Кошихинъ разсказываетъ, что не смотря на то, что за лихоимство полагаются строгія наказанія и что при вступленіи въ должность они цѣлуютъ крестъ съ жестокимъ проклинательствомъ, въ томъ, что посулы не будутъ брать, однако они не страшатся наказаній, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену или дочерь, или сына или брата или человѣка, и не считаютъ того себѣ во взятіи посулы, будто про то и не вѣдаютъ ([159]). По сказанію иностранцевъ ([160]), судьи и дьяки, которые брали посулы и кривили душею и были изобличены въ лихоимствѣ, подвергались слѣдующему безчестному наказанію: лихоимцу, заслужившему тѣлесное наказаніе, во время его исполненія привязывали къ шеѣ кошелекъ, серебро, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже соленую рыбу или другую вещь, взятую имъ въ подарокъ.

Не смотря на то, что дѣлалось въ практикѣ, положительное законодательство постоянно вооружалось противу лихоимства: въ Судебникѣ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, сперва излагается общее правило *никому въ Судѣ посула не имати; такожъ и всякому судьѣ посуловъ въ судѣ не имати* ([161]). Взявшій посулъ и обвинившій кого не по суду, кромѣ взысканій въ пользу истца и пошлинъ на Царя, ѣзда, правды, пересудовъ, хоженаго, праваго десятка и пожелѣзнаго, платимыхъ втрое, наказывался еще по усмотрѣнію Царя, *а въ пенѣ, что Государь укажетъ* ([162]). Нѣтъ сомнѣція, что на основаніи этой статьи Судебника, по указанію Царей назначались безчестныя наказанія, о которыхъ какъ выше было замѣчено, сообщено намъ извѣстіе современными иностранными писателями. Недѣльщикъ, который просилъ посулы для судей и для другихъ служащихъ лицъ, или бралъ посулы для себя, наказывался торговою казнію; посулы взыскиваливъ съ него втрое, и онъ отрѣшался отъ должности, *да изъ недѣль выкинути* ([163]). Съ недѣльщика, который понoро-

вить татю или разбойнику по посуламъ и отпустить его, доправлялся истцовъ искъ, а его велѣно было казнить торговою казнію, да вкинуть въ тюрьму, *а въ казни, что Государь укажетъ* (164). Уложеніе, какъ видно изъ сличенія статей его, въ которыхъ постановлены мѣры противу лихоимства, съ Судебникомъ, имѣло въ виду правила, постановленныя въ семъ послѣднемъ; впрочемъ сдѣланы нѣкоторыя пополненія и измѣненія. Такъ бояринъ, окольничій, думный человѣкъ, дьякъ или другой какой нибудь судья, если по посуламъ праваго обвинялъ, а виновнаго оправдывалъ, подвергался взысканію иска втрое въ пользу истца; платилъ Государю пошлины, пересудъ и правый десятокъ, да за ту же вину у боярина, у окольничаго, у думнаго человѣка *отнималась* честь, а судьи не изъ думныхъ людей подвергались торговой казни и впредь не опредѣлялись къ должности *и впередъ имъ у дѣла не быти* (165). Тому же наказанію въ городахъ подвергались воеводы, дьяки и всякіе приказные люди (166), и судьи, если поручали брать для себя взятки, брату своему, сыну, племяннику или человѣку (167). Взявшаго же посулъ для судьи, безъ его вѣдома наказывали нещадно кнутомъ, а взятое долженъ онъ былъ возвратить въ Государеву казну втрое, да сажался въ тюрьму до Государева указа (168). Недѣльщика, который норовя по посуламъ, не скоро приставлялъ истцовъ и отвѣтчиковъ къ суду, или, который бралъ хожепаго больше чѣмъ опредѣлено было закономъ, велѣно бить нещадно батогами, а лишнее хожепое взыскивалось съ него. По 8-й статьѣ Судебника, судья, или недѣльщикъ, взявшій лишнее, долженъ былъ возвратить втрое. За повтореніе сего преступленія, недѣльщика били кнутомъ и отставляли отъ должности (*изъ недѣльщиковъ выкинуть*) (169). Недѣльщикъ, посланный для поимки татей и разбойниковъ, если взявъ посулы, отпускалъ ихъ, подвергался наказанію кнутомъ и велѣно было вкинуть его въ тюрьму (170).

3). *О неправосудіи.*

Уже по Судебнику, всѣ чиновники, творившіе судъ Царя и Великаго Князя, какъ-то: бояры, окольничіе, дворецкіе и казначеи и дьяки, должны были *судъ творить вправду, судомъ никому не мстить и не дружить и посула въ судѣ не имать* (171). Это же правило повторяется въ Уложеніи, только подробнѣе и опредѣлительнѣе. Явно, что Уложеніе имѣло въ виду Судебникъ, потому что обязанность давать судъ вправду, излагается въ 1-й статьѣ Судебника, опредѣленію же этой обязанности посвящена 1-я статья X-й главы

Уложенія, содержаніе которой подобно закону Іоанна IV, посвящено преимущественно суду, и обязанность судить *право* лицамъ, которымъ порученъ судъ, выражена слѣдующимъ образомъ въ законѣ Царя Алексѣя Михайловича, »Судъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича вся Русіи: »судити бояромъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и дьякамъ, и всякимъ »приказнымъ людемъ, и судьямъ, и всякая расправа дѣлати всѣмъ людемъ »Московскаго государства отъ большаго и до меньшаго чину вправду. Также »и пріѣзжихъ иноземцевъ и всякихъ прибылыхъ людей, которые въ Москов- »скомъ государствѣ будутъ, тѣмъ же судомъ судити, расправу дѣлати по »Государеву указу вправду, а своимъ вымысломъ въ судныхъ дѣлахъ по »дружбѣ и по недружбѣ ничего не прибавляти, не убавляти и ни въ чемъ »другу не дружити, а недругу не мстити, и никому ни въ чемъ ни для »чего не норовити, дѣлати всякія Государевы дѣла, не стыдясь лица силь- »ныхъ, и избавляти обидящаго отъ руки неправеднаго«. За неправосудіе, какъ въ Судебникѣ, такъ и въ Уложеніи, полагаются наказанія, какъ за лихоимство, т. е. по Судебнику, съ судьи взымался истцовъ искъ, а пошлины на Царя и ѣздъ и правда, пересудъ и хоженое, и правой десятокъ, и пожелѣзное брались втрое, а въ пенѣ, что Государь укажетъ. Неправосудіе строже наказывалось, если оно было учинено лицами, выбранными отъ сословій, гдѣ въ видѣ исключенія или особой милости, Государь для облегченія жителей отъ намѣстниковъ и его пошлинныхъ людей, поручалъ управленіе и судебную расправу лицамъ, избраннымъ отъ жителей; такъ выборные старосты и цѣловальники, если судили не прямо и другу въ судѣ норовили, а недругу мстили или брали посулы и поминки, и не берегли Царскаго и земскія дѣла, то наказывались смертною казнію безъ *отпросу*; животы ихъ и *статки* отдавались истцамъ, а остальное передавалось тѣмъ людямъ, которые на нихъ *доведутъ* (172). Не одни посулы вели неправаго судью къ наказанію, но еще обвиненіе праваго и *оправленіе* виновнаго по дружбѣ или недружбѣ. Отъ умышленнаго неправосудія отличалось неумышленное, если судья *просудится* безъ хитрости; по Судебнику, просудившемуся *въ томъ не было пени*, т. е. что это ему не ставилось въ вину, только возвращалъ онъ взятыя имъ пошлины, а спорящія стороны получали *судъ съ головы*, т. е. искъ подвергался новому разбирательству (173). Уложеніе заставляетъ судей быть осмотрительнѣе, просудившемуся судьѣ *было за то, что Государь укажетъ*; для тяжущихся послѣдствія были тѣже, какъ и по Судебнику, дѣло поручалось

всѣмъ боярамъ, а если имъ по какой нибудь причинѣ нельзя было его рѣшить, то въ томъ дѣлѣ давался *судъ съ головы* ([174]).

4). *Подлоги по службѣ.*

Дьякъ, который по дружбѣ или по недружбѣ къ кому либо, или изъ видовъ корысти велитъ судное дѣло подъячему написать не такъ, какъ въ судѣ было, и какъ въ прежней запискѣ написано за рукою истца и отвѣтчика, и, если по приказанію дьяка, подъячій это судное дѣло напишетъ не дѣломъ, то дьякъ подвергался торговой казни, наказанію кнутомъ и отрѣшался отъ должности, а подъячій наказывался отсѣченіемъ руки ([175]). За этотъ родъ подлога, наказанія въ Уложеніи гораздо строже, чѣмъ въ Судебникѣ, по которому дьякъ наказывался только денежными штрафами въ половину противу положенныхъ съ бояръ за неправосудіе, и подвергался тюремному заключенію; а подъячій, если записывалъ дѣло не по суду безъ дьячаго приказа, подвергался наказанію кнутомъ ([176]). Уложеніе подвергаетъ отвѣтственности лицъ, выносящихъ спорныя дѣла изъ приказу для какой нибудь хитрости, и если это дѣло найдутъ за городомъ или на дворѣ, и откроется, что оно было вынесено изъ приказу по дьячему велѣнію; то за такую попоровку, истцевъ искъ и Государевы пошлины доправлялись на дьякѣ; да сверхъ того, дьякъ и подъячій наказывались кнутомъ, отставлялись отъ дѣла, и ни къ какимъ дѣламъ впередъ не опредѣлялись ([177]). Подъячій, который не вносилъ судныхъ дѣлъ въ книги, установленныя въ каждомъ приказѣ для записки судебныхъ пошлинъ, для того, чтобы самому воспользоваться ими, подвергался наказанію кнутомъ у приказу при многихъ людяхъ, за повтореніе сего подлога, подъячаго били кнутомъ по торгамъ, отставляли отъ службы и ссылали въ Украйные города въ службу, въ какую пригодится ([178]). Площаднымъ подъячимъ, которые писали фальшивыя крѣпости, заочно отъ тѣхъ, отъ имени которыхъ онѣ даны, отсѣкалась рука ([179]). Если недѣльщикъ умышленно не представлялъ скоро истцовъ и отвѣтчиковъ, то наказывался такъ, какъ при неисполненіи своей должности изъ видовъ корысти.

Остальные роды преступленій и проступковъ были слѣдующіе: 1) Промедленіе воеводами въ выдачѣ проѣзжихъ грамотъ, за что полагалось имъ быть въ великой опалѣ отъ Государя, а убытки, причиненные ихъ медленностію частнымъ лицамъ, взыскивались съ нихъ вдвое ([180]). 2) Медленность въ рѣшеніи дѣлъ изъ какихъ нибудь видовъ корысти, причиняющая проси-

телямъ убытки и волокиту. Вина ихъ наказывалась по усмотрѣнію Государя ([181]). 3) Умышленная проволочка дьяками и подъячими изготовленія дѣлъ, находившихся на ихъ рукахъ; они обязаны были платить просителю проѣсти по двѣ гривны въ день, да сверхъ того подвергались наказанію тѣлесному: дьяковъ били батогами, а подъячихъ кнутомъ ([182]). 4) Притѣсненіе воеводами, дьяками и приказными людьми жителей городскихъ и уѣздныхъ; убытки они должны были возвратить обиженнымъ и подвергались пенѣ на Государя, что Государь укажетъ, смотря по дѣлу ([183]). 5) Непредставленіе приставомъ въ приказъ на третій день послѣ суда поручной записки по истцѣ и отвѣтчикѣ, въ томъ, что имъ до рѣшенія суднаго дѣла безъ указу изъ Москвы не выѣзжать. За такое промедленіе пристава били батогами нещадно; послѣ наказанія приставъ обязанъ былъ поручную запись принести въ тотъ же день, а если онъ, не смотря на наказаніе, не принесъ записи опять, то онъ отставлялся ([184]). 6) Отпускъ губными цѣловальниками татей и разбойниковъ ([185]), и наконецъ 7) Отклоненіе судьи отъ посѣщенія приказа изъ упрямства, а не по причинѣ болѣзни, или *не для инаго какого нужнаго недосугу*; если на этомъ основаніи судья не былъ много дней въ приказѣ, то за его вину назначалось ему наказаніе, что Государь укажетъ ([186]).

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ ЛИЦЪ, ПРИЗВАННЫХЪ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ.

Уложеніе посвящаетъ одну главу, а именно VII, носящую названіе *о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства*, устройству военныхъ силъ во время службы. Оно разсматриваетъ обязанности ратниковъ, при выступленіи изъ мѣстъ жительства, вникаетъ въ ихъ поступки, когда они собраны, когда выступили противу непріятеля, и наконецъ, когда они возвращались съ Государевой службы.

Уложеніе предписываетъ, чтобы посылать въ города къ Воеводамъ и къ приказнымъ людямъ Государевы грамоты, въ которыхъ назначить: мѣсто куда ратнымъ людямъ слѣдовать, срокъ на который имъ пріѣхать для того, чтобы они высылали ратниковъ безъ всякаго *мотчанія* ([178]). Эта статья испол-

нялась слѣдующимъ образомъ: прежде всего объявляли Царскій Указъ на Постельномъ крыльцѣ Стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и другимъ служилымъ людямъ, о намѣреніи Государя идти войною на *супостатовъ*, или о томъ, что Государь изволитъ своему Государеву недругу мстить *недружбу*, или о необходимости защищать отечество. Для сего повелѣвалось имъ быть готовыми на Государеву службу, лошадей кормить и запасы готовить. Указы подобнаго содержанія разсылались съ гонцами въ города, которые ближе лежали къ мѣсту дѣйствія для объявленія дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ. — Сословія дворянъ и дѣтей боярскихъ были главнымъ основаніемъ ратей XVI и XVII столѣтій; они составляли многочисленный классъ людей свободныхъ, владѣвшихъ землями, и крестьянами, съ правомъ помѣщиковъ и съ обязанностію оборонять отечество. Оба эти сословія получили свое начало съ перемѣною дружины въ дворы; княжескіе отроки превратились въ дворянъ, а городовые отроки въ дѣтей боярскихъ. Іоаннъ III для достиженія исполинскихъ замысловъ своихъ: охраненія народной независимости, возвращенія утраченныхъ земель во время монгольскаго ига и для искорененія удѣльной системы, долженъ былъ вступить въ сильную борьбу съ врагами внѣшними и внутренними. Ему нужны были для сего значительныя военныя силы; но великій умъ его постигъ важную истину, что война не можетъ быть дѣломъ всего народа, а должна обязывать только извѣстный классъ подданныхъ; самостоятельность его воззрѣнія тѣмъ удивительнѣе, что ближайшіе его сосѣди, съ которыми онъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, не представляли ему въ томъ никакого примѣра. Іоаннъ III умножилъ свой дворъ присоединеніемъ къ нему удѣльныхъ дружинъ и увеличилъ число *воевъ*, раздавъ помѣстья многочисленному классу дѣтей боярскихъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго указа, иногда по истеченіи мѣсяца и болѣе, разсылали другіе указы изъ Разряднаго Приказа; въ нихъ опредѣлялось въ какіе города людямъ служивымъ отправлять свои запасы, къ какому сроку и въ какомъ мѣстѣ самимъ являться. Въ войскахъ съ Крымцами и Поляками назначались преимущественно сборными мѣстами Серпуховъ, Коломна, Путивль или Смоленскъ, а срокомъ Ильинъ день, Троицынъ день, Свѣтлое воскресеніе или другіе какіе либо праздники. Между тѣмъ отправлялись высыльщики въ помѣстья дворянъ и дѣтей Боярскихъ съ объявленіемъ, кто именно долженъ выступить въ походъ, основываясь на спискахъ выдаваемыхъ изъ разряда или отъ воеводъ. По исполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ, выѣзжали ратные люди и везли за собою съѣстные припасы: сухари, толокно, сушеное и соленое мясо

и хлѣбъ, ибо каждый помѣщикъ долженъ былъ заботиться о своемъ продовольствіи на все время похода, получая денежное жалованье только въ самыхъ продолжительныхъ войнахъ. Въ сборныхъ мѣстахъ дѣлали смотръ; назначенный для сего бояринъ выкликалъ поименно каждаго ратника, наблюдая особенно за тѣмъ, что бы всѣ означенные въ спискѣ были на лицо. Но какъ многіе избѣгали службы, сказывались больными и скрывались въ лѣсахъ, то за неявившимися *нѣтями*, отправляли высыльщиковъ ([188]). Законными причинами увольненія отъ службы были старость, увѣчье и болѣзнь; ратники эти могли ставить вмѣсто себя достигшихъ 18-ти лѣтняго возраста родственниковъ а именно братьевъ, сыновей, племянниковъ и внуковъ безпомѣстныхъ, которые не служили въ Государевой службѣ и ни въ какіе чины не были записаны. Когда же у нихъ такихъ родственниковъ не было, то должны были поставить даточныхъ людей или внести деньги, количество которыхъ соразмѣрялось съ ихъ помѣстьями, вотчинами и прожиткомъ ([189]). Ратнымъ людямъ, шедшимъ на Государеву службу, вмѣнялось въ обязанность, на дорогѣ и на станахъ никому не дѣлать убытка и насилія, своихъ и конскихъ кормовъ ни у кого безденежно не брать ([190]), а покупать прямою цѣною; на поляхъ хлѣба, а въ запертыхъ лугахъ сѣнныхъ покосовъ не травить ([191]). Впрочемъ, когда луга были не заперты, т. е. до Троицына дня, ратники могли ставиться безпенно; когда же луга были заперты, то отъ дороги могли ставиться на одну сторону поперегъ на пять саженъ ([192]). За насиліе же, ратники подвергались наказанію, смотря по винѣ, а убытки съ нихъ доправлялись ([193]); однако же владѣльцамъ запрещалось продавать ратникамъ кормъ не прямою цѣною ([194]). Тѣже, которые за это требовали дорогихъ цѣнъ, наказывались тоже по винѣ, а лишне взятое отдавалось ратникамъ ([195]).

Ратникамъ, распредѣленнымъ по полкамъ, запрещалось оставлять службу не дождавшись отпуска; за первый побѣгъ они наказывались кнутомъ, за второй сверхъ наказанія кнутомъ имъ убавлялось изъ помѣстнаго оклада пятьдесятъ четвертей, да денегъ съ помѣстнаго ихъ окладу со ста четвертей по рублю, за третій побѣгъ помѣстье у нихъ отнималось и отдавалось въ раздачу ([196]). Побѣгъ со службы иноземца, кормоваго человѣка, стрѣльца, казака или даточнаго человѣка, наказывался строже; бѣглые подвергались жестокому наказанію кнутомъ и высылались къ службѣ съ приставами; изъ ихъ жалованья производился вычетъ по расчету; за побѣгъ даточнаго человѣка, взыскивалось съ того, кто его поставилъ на службу, двадцать рублей ([197]). Отпускать ратныхъ людей со службы разрѣшалось боярамъ и воеводамъ въ

самыхъ крайнихъ случаяхъ, какъ то: при домашнемъ разореніи, при побѣгѣ крестьянъ или по инымъ какимъ самымъ нужнымъ дѣламъ ([198]); но при извѣстіи о непріятелѣ, отпускъ ни подъ какимъ предлогомъ не дозволялся ([199]). Если же бояре и воеводы отпускали ратныхъ людей безъ Царскаго указа, прельщаясь посулами и поминками, то они подвергались жестокому наказанію, по усмотрѣнію Царя ([200]). Сотеннымъ головамъ нельзя было никого отпускать; за нарушеніе сего правила *вина ихъ сказывалась при многихъ людяхъ*, и они подвергались наказанію кнутомъ и содержанію въ тюрьмѣ, для того, чтобы другимъ сотеннымъ головамъ не было повадно такъ поступать ([201]). За побѣгъ ратнаго человѣка съ бою, виновному убавлялась половина изъ денежныхъ окладовъ его, половина помѣстій его бралась на Государя и сверхъ того, били его кнутомъ нещадно ([202]). Измѣнники, т. е. тѣ, которые переѣзжали изъ своихъ полковъ въ непріятельскіе и сообщали извѣстіе непріятелю, подвергались смертной казни, ихъ вѣшали и имущество ихъ конфисковалось ([203]). Служилые люди, состоявшіе на Государевой службѣ, если брали насильно хлѣбные запасы и конскіе кормы, или грабили или опустошали дворы и огороды, должны были заплатить убытки вдвое ([204]). Для предупрежденія самоуправства со стороны служилыхъ людей, постановлено было, чтобы ратные люди, у которыхъ не станетъ кормовъ и хлѣба, а которые за своею скудостію по дороговизнѣ цѣнъ не были въ состояніи купить оныхъ на торгахъ, обращались къ воеводамъ, если цѣны указныя для кормовъ и хлѣба были дешевле торговой, чтобы имъ позволено было произвести покупку по указнымъ цѣнамъ. Воеводы посылали съ челобитчикомъ приставовъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ онѣ присмотрѣлъ хлѣбные запасы и кормы, чтобы эти люди уступили ратнику свои произведенія по указной цѣнѣ. Впрочемъ это распоряженіе допускалось только, когда произведенія были въ избыткѣ противу домашнихъ расходовъ; въ противномъ случаѣ запрещалось брать хлѣбъ и кормы по указнымъ цѣнамъ. — Безъ вѣдома воеводъ и безъ приставовъ нельзя было ратнымъ людямъ брать хлѣбъ и кормы по указнымъ цѣнамъ. Запрещалось тоже ратнымъ людямъ разорять дворы, гдѣ они стояли, городьбу около дворовъ и огородовъ жечь и опустошать и въ полѣ травить хлѣбъ нарочно ([205]). За потраву хлѣба лошадьми, или, если ратники жали хлѣбъ и возили въ станы для корму лошадей, кромѣ платежа вдвое убытковъ, виновные еще наказывались по разсмотрѣнію ([206]). За крайжу ратникомъ ружья, виновный подвергался наказанію кнутомъ нещадно и украденная вещь возвращалась хозяину ([207]). За покражу лошади отсѣкалась рука ([208]). Наконецъ, если ратные люди, отправ-

ляясь на Государеву службу или возвращаясь домой, становились по селамъ и деревнямъ, въ дворахъ, гумнахъ для воровства и чинили убійства или насиліе женскому полу, то подвергались смертной казни; а за насиліе и грабежъ, какъ то: за потраву хлѣба въ гумнахъ или за насильную ловлю рыбы изъ прудовъ и садовъ, убытокъ доправлялся съ нихъ вдвое и наказаніе имъ чинилось по винѣ (209). Если же служилый человѣкъ пріѣхалъ къ кому на станъ по недружбѣ *нарядныъ дѣломъ*, для задора и между ними происходили брань и бой, и пріѣхавшій убьетъ, ранитъ или ограбитъ, то за убійство наказывался смертію; а если ударитъ, но не ранитъ, или словомъ кого обезчеститъ или грабежемъ что либо возметъ, то подвергался наказанію, смотря по винѣ, а обиженный могъ доправить безчестіе и грабежъ вдвое (210). Хотя въ спискѣ источниковъ, изъ которыхъ почерпнуто Уложеніе, заимствованномъ изъ подлиннаго списка Уложенія, хранившагося въ Москвѣ въ Оружейной палатѣ, противу VII главы помѣчены только три статьи, а именно: 30 ст. изъ Литовскаго Статута, а 28-я и 29-я изъ градскихъ законовъ; однако ближайшее сравненіе II раздѣла Литовскаго Статута показываетъ, что кромѣ 30-й статьи многія другія составлены при видимомъ вліяніи Кодекса западной Россіи. Впрочемъ, это сходство обоихъ постановленій преимущественно усматривается въ наказаніяхъ за преступленія и проступки служащихъ лицъ, и въ порядкѣ сбора и замѣненія ратныхъ людей. Основныя начала защиты Государственной были различны; въ Россіи, какъ мы видѣли уже, кромѣ постоянныхъ войскъ, учрежденныхъ въ позднѣйшія времена, защита отечества по мудрому взгляду на сей предметъ Великаго Князя Іоанна III, поручалась въ особенности свободному сословію дворянъ и боярскихъ дѣтей, между тѣмъ какъ въ Литвѣ всѣ сословія призывались къ этому дѣлу (211). Лицо, обязанное службою, если не являлось или, явившись, оставляло службу безъ отпуска, лишалось своего имущества (212). Служилые люди собирались посредствомъ писемъ хорунжихъ каждаго уѣзда; въ письмахъ извѣщалось мѣсто и время назначенныя для сбору (213). Служащіе при дворѣ должны были поставить вмѣсто себя брата, родственника или дворянина, столь добраго, какъ и они сами (214). Вольные могли вмѣсто себя поставить даточнаго человѣка добраго и достойнаго (215), а дворянинъ могъ вмѣсто себя поставить сына, достигшаго 18-ти лѣтняго возраста, если только сынъ не былъ отдѣленъ отъ отца (216). Это явное сходство съ неверстанными сыновьями, о которыхъ говоритъ Уложеніе. Бѣжавшій съ боя, лишался чести и имущества (217). Кто изъ служилыхъ людей имѣлъ недостатокъ въ провіантѣ или фуражѣ, тотъ съ вѣдома Гетмана

могъ брать опые, за цѣну установленную отъ Государя или Гетмана; впрочемъ Гетманъ долженъ былъ назначить видоковъ, которые присутствовали при производствѣ этой покупки([218]). Однако тѣ, которые имѣя провіантъ и фуражъ въ достаткѣ, не смотря на это, искали себѣ въ другомъ мѣстѣ, должны были взятое *совито* возвратить. Также запрещалось разрушать дворы, жечь заборы, ловить рыбу въ прудахъ и садахъ и травить нарочно хлѣбъ и за всѣ эти ущербы доправлялся убытокъ *совито*([219]). Кто же пріѣхавъ въ лагерь (на станъ), или дорогою началъ споръ или же напалъ на кого нибудь и произвелъ убійство или нанесъ раны, тотъ подвергается смертной казни. Если же не ранилъ, но умышленно ударилъ, или даже, если не ударилъ, но обидѣлъ неприличнымъ словомъ или нанесъ какой нибудь убытокъ, то долженъ былъ подвергнуться наказанію по усмотрѣнію Гетмана и по силѣ особыхъ постановленій, которые издавались для охраненія спокойствія въ войскѣ ([220]). Наконецъ, въ 18-мъ артикулѣ 11-го раздѣла Литовскаго Статута полагается наказаніе на тѣ самые случаи, которые изложены въ 30-й статьѣ VII главы Уложенія; вотъ что въ немъ сказано: кто слѣдуя на службу или возвращаясь домой со службы, сдѣлаетъ нападеніе на домъ или гумно или насильно будетъ ловить рыбу изъ прудовъ и садовъ, или же будетъ наносить какой либо ущербъ, и при этомъ насиліе: кого либо убьетъ, ранитъ, прибьетъ или нанесетъ насилье женскому полу, то подвергается смертной казни; если же не ранитъ, не убьетъ и не причинитъ ни какихъ побоевъ, а только возметъ что либо или нанесетъ вредъ, то насиліе и убытокъ доправлялись съ него *совито*; какъ въ Статутѣ Литовскомъ, такъ и въ Уложеніи, въ случаѣ недостатка доказательствъ, позволялось подкрѣплять истцу свою претензію присягою.

Источникомъ 28-й и 29-й статей разсматриваемой нами главы, о похищеніи лошадей и ружья во время войны, были градскіе законы, въ которыхъ сказано: »Иже во станѣхъ и въ полкахъ на войнѣхъ крадующіи, или »оубо оружія оукрадетъ, соурово повелѣваемъ бити его, аще же подъяремника, рекше коня, или мща или осля, таковымъ роуцѣ оусѣченѣ бываютъ ([221]). Статья 20-я, въ которой говорится о измѣнникахъ, какъ намъ показываютъ подлинныя отмѣтки объ источникахъ Уложенія, тоже заимствована изъ градскихъ законовъ; впрочемъ, самый видъ смертной казни Уложеніе измѣнило: оно предписываетъ вѣшать измѣнниковъ, между тѣмъ по Градскимъ законамъ »предаваяй противнымъ своя, главы оусѣченіемъ моучится« ([222]).

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ и ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВУ ИМУЩЕСТВА и ДОХОДОВЪ КАЗНЫ.

1). *О дѣланіи фальшивой монеты.*

Чеканъ монеты въ древнѣйшія времена производился подъ надзоромъ Правительства. Князья установляли вѣсъ и пробу, поручали дѣланіе монеты частнымъ людямъ, со взысканіемъ съ нихъ извѣстной платы; въ послѣдствіи право чекана монеты ограничилось нѣкоторыми только мѣстами (223). Извѣстно, что вездѣ, гдѣ только чеканъ монеты поручался частнымъ лицамъ, злоупотребленія были значительны; потому нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ Россіи, при такомъ порядкѣ дѣлъ, часто происходили безпорядки. Вотъ извѣстіе, сообщаемое Карамзинымъ, почерпнутое имъ изъ Синодальной Новгородской лѣтописи, № 349, л. 152. »Того же лѣта (1446) начаша Новгородци »денги хулити серебреныя, и вси люди, другъ на друга смотря; и бысть »межю ими голка и мятежъ и нелюбье, и посадникъ и тысяцкій, и весь »Новгородъ уставиша 5 человѣкъ денежниковъ, и начаша въ старыхъ день»гахъ новіи ковати, въ ту же мѣру, на четыре почкѣ таковы же, а отъ »дѣла отъ гривнѣ по полуденгѣ, и бысть христіаномъ убытокъ великъ и по »волостямъ: да и сіе незабвенно будетъ въ послѣдниихъ родѣхъ. Того же »лѣта охулиша Новгородци старыи рубли, и бысть денежникамъ прибытокъ, »а рубли передѣлали на денги, а у денежниковъ посулы поимаша«. Въ Синодальной Новгородской лѣтописи, № 347, г. 1447, сказано: »Выведе Сѣ»кира посадникъ ливца и вѣсца серебрянаго Ѳедора Жеребца, и напоивъ его, »нача сочити: на кого еси лилъ рубли? онъ же оговори 18 человѣкъ, и по »его рѣчамъ иныхъ съ мосту сметаша, иныхъ домы разграбиша и изъ цер»квей вывозиша животы ихъ; а преже того по церквамъ не искивали. И еще »того же Ѳедора начаша безправдивіи бояре наущати говорить на многихъ »людей, претяще ему смертію. Онъ же протрезвился, рече: на всихъ есмь »лилъ и вѣсилъ съ своею братіею ливци. Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи, »а голодники и ябедники радовахуся; только бы на кого выговорилъ и того »самаго смерти преда (посадникъ), а животъ его въ церкви раздѣли и раз»граби. И бысть въ градѣ мятежъ великъ, и оттолѣ и самъ Сѣкира разбо»лѣся и умре« (224). Въ царствованіе Іоанна IV опять были безпорядки:

» Князь Великій и мати его, видѣвъ неправду въ людехъ, денегъ умножись » поддѣльныхъ и рѣзаныхъ, и восхотѣ то лукавство вывести, и повелѣ дѣ» лати деньги новые, изъ гривенки по три рубли, а старые и поддѣльные и » рѣзаные передѣлывати, а поддѣльнымъ и рѣзанымъ не ходити; а въ ста» рыхъ въ деньгахъ въ добрыхъ въ Новгородкахъ и въ Московкахъ, въ гри» венкѣ полтретья рубля съ гривною; и Великая Княгиня велѣла прибавити » въ гривенку новыхъ денегъ, чтобъ было людемъ не великій убытокъ отъ » лихихъ денегъ . . . . . . и впредь не велѣла лихимъ деньгамъ ходити; а » поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ велѣла обыскивати и казнити. Повелѣ Вели» кій Князь дѣлати новые деньги на свое имя безъ всякаго примѣса изъ » гривенки изъ каловые 300 денегъ Новгородскихъ, а въ Московское число » три рубля ровно; а по указу отца его изъ гривенки дѣлали 250 денегъ » Новгородскихъ, а въ Московское число полтретья рубли съ гривною . . . . » Безумніе въ толико безуміе пришедше, яко половину у всякой деньги отрѣ» зати и гривенку доспѣти въ 500 денегъ и больше . . . . . и того ради въ » людехъ клятвы и злыхъ словесъ безъ числа наполнися . . . . иніи вмалѣ » обогатѣша, а вскорѣ погибоша; многи напрасными и безгодными смертьми » изомроша . . . . И начаша (въ Новѣгородѣ) дѣлати новые деньги Іюня въ » 20; а въ дворѣ денежномъ велѣлъ Князь Великій смотрѣти накрѣпко ма» стеровъ своему гостю Московскому Богдану Семенову, сыну Курюкова съ товарищи! Въ лѣто 7042 (1534) Сент. на Москвѣ казнили многихъ людей » въ деньгахъ, Москвичъ и Смольнянъ, и Костромичъ, и Воложанъ и Яро» славцовъ, и иныхъ многихъ городовъ Московскихъ, а казнь была: олово » лили въ ротъ, да руки сѣкли« ([225]).

Весьма примѣчательна окружная грамота Царя Михаила Ѳедоровича, объ учиненномъ наказаніи дѣлателямъ ложной монеты, съ строгимъ подтвержденіемъ, что впередъ таковые преступники будутъ по прежнему казнимы смертію ([226]). Изъ нея мы видимъ, что въ прошлыхъ годахъ и въ 7145 году (1637) обнаружились денежные воры, которые были пойманы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; они въ распросахъ и съ пытокъ показали, что они сами рѣзали матошники, и съ матошниковъ переводили чеканы, и деньги чеканили мѣдныя, и тѣ деньги серебрили или мѣдь мѣшали въ серебро въ половину или въ треть, а другіе лили въ опоки и разнымъ воровствомъ деньги дѣлали, и наконецъ нѣкоторые завѣдомо покупали воровскія деньги у денежныхъ воровъ, и тѣ деньги сбывали на разныя покупки врознь. При прежнихъ Великихъ Государяхъ, таковымъ ворамъ бывала казнь смертная:

заливали горло воровскими деньгами; а при Царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ эта казнь была отмѣнена и велѣно наказывать поддѣлывателей монеты торговою казнiю. Царь надѣялся, что воры уймутся отъ наказанiя безъ смертной казни; но воры Государевой милости къ себѣ не узнали и отъ воровства не унялись, а напротивъ число ихъ умножилось, такъ что многiе простые невинные люди отъ того пострадали. Царь по своему милосердному *обычаю*, тѣмъ ворамъ, которые пойманы до изданiя этой грамоты, смертную казнь *отдалъ*, т. е. не велѣлъ ихъ наказывать смертiю, а велѣлъ ихъ наказывать кнутомъ, а послѣ наказанiя разослать въ города въ тюрьмы по смерть скованныхъ, и залить желѣза до ихъ смерти, а *для* улики впередъ велѣлъ ихъ клеймить на щекахъ, а въ клеймѣ написать слово *воръ*, чтобы эти воры впередъ были *знатны*. А на будущее время Царь приказалъ всѣхъ поддѣлывающихъ монету или торгующихъ фальшивою монетою, наказывать по прежнему безъ всякой пощады, а именно: пущимъ заливать горло растопленными воровскими деньгами, и имущество ихъ конфисковать, а прочихъ въ томъ числѣ и вѣдающихъ объ этомъ преступленiи и неизвѣстившихъ, казнить смертiю *разными казнями*. А людей, которые *узнаютъ* за кѣмъ *денежное дѣло* и приведутъ воровъ къ воеводѣ, а если *чья мочь поимать не сляжетъ*, извѣстятъ объ этомъ, велѣно награждать всѣмъ имуществомъ преступниковъ; эту награду велѣно выдавать даже участникамъ въ преступленiи, если они откроютъ своихъ товарищей. Для всеобщаго извѣстiя велѣно было эту Государеву грамоту объявить людямъ всякихъ чиновъ; во время торговъ, въ городахъ, въ селахъ, въ волостяхъ и по слободамъ и по малымъ торжкамъ *кликать бирючамъ* въ продолженiи многихъ торговыхъ дней, и списки съ сего Указу велѣно приклеивать въ таможняхъ и у городовыхъ воротъ, въ рядахъ, по улицамъ и по малымъ торжкамъ, и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываютъ собранiя людей, за исключенiемъ церквей.

Не смотря на строгость мѣръ, принятыхъ Царемъ Михаиломъ Өедоровичемъ, злоупотребленiя часто повторялись. Кошихинъ (227) говоритъ, что денежные мастера нанимались изъ вольныхъ людей, съ порукою и крестнымъ цѣлованiемъ въ томъ, что *имъ будучи у Царскаго дѣла*, не воровать серебра и денегъ не красть, и въ серебро мѣди и олова не примѣшивать, и въ домахъ своихъ воровскихъ денегъ не дѣлать, чекановъ не красть и воровски подъ чеканы не подрѣзываться. Когда мастера приходили въ денежный дворъ или выходили изъ онаго, то ихъ осматривали донага, чтобы они не приносили мѣди, олова и свинцу, или со двора чего не снесли. При открытiи злоупо-

требленія мастеровъ, ихъ пытали для узнанія сколько разъ они воровали, кому что продавали и кто ихъ сообщники. Главнымъ виновникамъ заливали горло оловомъ, а прочимъ, смотря по винѣ, отсѣкали руку, отрѣзывали уши, били кнутомъ, отнимали домы и животы, и ссылали въ ссылку. Во время войны Царя Алексѣя Михаиловича съ Польскимъ Королемъ Яномъ Казиміромъ, появилось въ Москвѣ и въ другихъ городахъ много воровскихъ денегъ; лицъ, поймацыхъ съ фальшивою монетою, задерживали и пытали о томъ, откуда они имѣли эти деньги; но они въ воровствѣ не винились, а говорили, что они ихъ получали отъ разныхъ людей съ другими деньгами. Тогда начали подозрѣвать денежныхъ мастеровъ, серебряниковъ, котельниковъ и оловянишниковъ, потому что до введенія мѣдныхъ денегъ, они жили *не богатымъ обычаемъ*, а при мѣдныхъ деньгахъ построили себѣ дворы каменные и деревянные, и платье себѣ и женамъ подѣлали *съ боярскаго обычая*, и начали покупать дорогою цѣною въ рядахъ товары, серебряные сосуды и съѣстные запасы, не жалѣя денегъ. Послѣ того какъ мастера сознались, нѣкоторыхъ подвергли смертной казни, а прочимъ отсѣкали руки и прибивали у денежныхъ дворовъ на стѣнахъ, а дома и имущество ихъ было конфисковано. Однако, денежные мастера не смотрѣли на всѣ мученія, на смерть и разореніе, они постоянно дѣлали фальшивую монету, пока существовали мѣдные деньги, такъ что немногіе изъ нихъ не подверглись наказанію. Не только мастера, но и головы и цѣловальники, приставленные для присмотра, пріема и расхода мѣди и денегъ, участвовали въ дѣланіи фальшивой монеты; они покупали мѣдь и привозили на денежные дворы вмѣстѣ съ Царскою мѣдью, велѣли дѣлать деньги, и сдѣлавъ, свозили съ денежнаго двора съ Царскими деньгами; Царскія деньги отдавали въ казну, а свои къ себѣ отвозили. Они тоже были наказаны, когда открылось ихъ злоупотребленіе; имъ отсѣкали руки, ноги и пальцы отъ рукъ и отъ ногъ, и ссылали въ ссылку въ дальніе города.

Не смотря на разнородность наказаній, о которыхъ говоритъ Кошихинъ, въ законѣ Царя Алексѣя Михаиловича полагается одно наказаніе — залитіе горла, какъ за дѣланіе мѣдныхъ, оловянныхъ и укладныхъ денегъ, такъ и за примѣсь къ серебру мѣди, олова и свинца ([228]).

2). *О корчемствѣ.*

Продажа питей, кажется, всегда была ограничена и составляла особую принадлежность Князей, а въ городахъ, въ которыхъ элементы муниципаль-

ной жизни развились, самихъ городовъ. Въ Псковской судной грамотѣ, изданной г. Мурзакевичемъ, сказано: »а княжимъ людемъ по дворамъ корчмы »не держать, ни во Псковѣ, ни на пригородѣ, ни въ ведро, ни въ корецъ, ни бочкою меду не продавати« (229). Карамзинъ (230) сообщаетъ выписку изъ сочиненія діакона Тимоѳея Каменевича-Рвовскаго, о древностяхъ Россійскихъ, писаннаго его собственною рукою и хранящагося въ Синодальной библіотекѣ подъ № 529, въ которой между прочимъ сказано, что на Мологѣ было 70 кабаковъ винныхъ и питей всякихъ. Въ договорѣ, заключенномъ Новгородцами съ Польскимъ Королемъ Казиміромъ въ 1471 году, сказано: *а медъ и пиво съ перевары по силѣ* (231); изъ чего можно заключить, что съ варенья пива и меду платилась извѣстная пошлина. Въ Уставной Важской грамотѣ 1552 года Марта 21 (232) вмѣнено въ обязанность выборнымъ головамъ *накрѣпко* смотрѣть, чтобы посадскіе люди, становые и волостные крестьяне не держали питей въ продажу, на разстояніи пяти и десяти верстъ отъ Шенкурья и Вѣльска, а у тѣхъ, которые будутъ держать питья для продажи, велѣно *вынимать питья*, *а заповѣди имать* съ нихъ на Царя два рубля, а *съ питуховъ* по полуполтинѣ съ человѣка, а тѣмъ людямъ, которые впередъ будутъ держать корчмы, быть отъ Царя казненнымъ (наказаннымъ); а тѣмъ людямъ, которымъ случится варить наканунѣ праздниковъ, или родителей помянуть, или крестины или родины, велѣно было докладывать выборнымъ головамъ, которые разрѣшали варить питья и распивать дня на три, четыре или пять, а по минованіи урочныхъ дней, если головы найдутъ питья, то должны были брать *заповѣди* по указу.

Въ Уложеніи встрѣчаемъ слѣдующія постановленія противъ корчемства: у кого *вымутъ* корчму или кто на продажу куритъ вино, то съ того взыскивались *заповѣди* пять рублей, а съ *питуховъ* по полуполтинѣ съ человѣка; за повтореніе проступка *заповѣдь* удвоивалась, и сверхъ того, корчемниковъ били кнутомъ по торгамъ, а *питуховъ* били батогами (233). Если же въ третій разъ попадались въ этомъ продавцы, то должны были платить *заповѣди* двадцать рублей, подвергались наказанію кнутомъ, да сажались въ тюрьму до Государева указа; если же *питухи*, то платили одинъ рубль и наказывались кнутомъ (234). За тайную продажу питей, если продавцы запирались, послѣ пытки они наказывались кнутомъ по торгамъ, да взыскивалось съ нихъ *заповѣди* за первый разъ пять рублей; за второй разъ, кромѣ наказанія кнутомъ, десять рублей, и сверхъ того, они отдавались на крѣпкія поруки; за тайную продажу въ третій разъ они наказывались тоже

кнутомъ по торгамъ, да сажались въ тюрьму на полгода; покупщики же за первый разъ платили заповѣди два рубля, да наказывались батогами *нещадно*; за повтореніе запрещеннаго дѣйствія платили четыре рубля, наказывались кнутомъ на козлѣ и сажались въ тюрьму на двѣ недѣли; за третій же разъ заповѣди взыскивалось шесть рублей, наказывали кнутомъ на торгахъ и сажали въ тюрьму на мѣсяцъ, и сверхъ того, виновные отдавались на поруки въ томъ, что они корчемнаго вина нигдѣ не будутъ покупать и пить. Кто же наконецъ продавалъ корчемное вино въ четвертый разъ, тому велѣно чинить *жестокое* наказаніе кнутомъ по торгамъ и ссылать въ дальніе города, куда Государь укажетъ, а животы всѣ, дворы, помѣстья и вотчины брались на Государя; а покупщики за покупку корчемнаго вина въ четвертый разъ подвергались жестокому наказанію кнутомъ по торгамъ и сажались въ тюрьму на годъ (235). Если въ корчемствѣ изобличены были принадлежащіе кому либо крестьяне или дворники, провинившіеся безъ вѣдома бояръ своихъ, то наказывались кнутомъ по торгамъ и отдавались господамъ своимъ, для того, чтобы они *накрѣпко* за ними смотрѣли. Если же они были изобличены вторично въ той винѣ, происшедшей отъ небреженія тѣхъ, у кого они жили, то съ господъ взыскивалось пени по десяти рублей съ человѣка, а винопродавцевъ велѣно бить кнутомъ по торгамъ и сажать въ тюрьму до Государева указу (236). Пяти рублей заповѣди и конфискаціи напитка подвергались тѣ, которымъ не велѣно держать питья *безъявочно* (237).

ОТДѢЛЪ ОСЬМОЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ и ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВУ ОБЩЕСТВЕННАГО БЛАГОУСТРОЙСТВА и БЛАГОЧИНІЯ.

---

1). *О нарушеніи правилъ, постановленныхъ о путяхъ сообщеніяхъ.*

Собираніе платы съ мытъ и перевозовъ позволялось только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существовали изстари, и на которое были даны жалованныя грамоты (238); кто же заводилъ вновь для своего *пожитку своимъ вымысломъ* безъ указу, то у него все бралось на Государя (239). Тоже самое правило, и тѣ самыя взысканія положены были въ Статутѣ Литовскомъ (240). Впрочемъ,

позволялось владѣльцамъ, у которыхъ проѣзды на дорогѣ были худы, или у которыхъ никогда не было гатей на грязяхъ и мостовъ на грязныхъ рѣкахъ, просить позволенія сдѣлать для проѣзду мосты, съ тѣмъ, чтобы на пополненіе издержекъ собирать съ проѣзжихъ людей мостовщину, наравнѣ съ другими мостами (241); въ Литовскомъ Статутѣ этотъ случай тоже предвидѣнъ (242). Владѣльцы, которые до изданія Уложенія завели самовольствомъ мыты, перевозы и мостовщины и собирали мыто, перевозъ или мостовщину или въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ прежде онѣ существовали, или же вновь поставили мельницы и тѣмъ воду подняли, а прежде въ сихъ мѣстахъ бывали дороги и броды, а они тѣми запрудами дороги и броды *отняли* и брали перевозы, мостовщину и мыта, должны были эти мельницы, мосты и перевозы снести (243). Однако, если эти владѣльцы просили, чтобы ихъ мельницъ не ломать, то позволялось удовлетворить ихъ просьбѣ съ тѣмъ, чтобы они мостовщины и перевознаго не брали (245). Владѣльцы, которые потопляли дороги прудомъ, вспахивали къ своей землѣ для своей корысти, обязаны были на своей землѣ, близко старыхъ дорогъ устроить новыя; если же они пролагали новыя дороги хуже старыхъ, или объѣздъ былъ великъ, то обязаны были возстановить старыя дороги (245). Тоже самое правило встрѣчаемъ въ Литовскомъ Статутѣ(246).— Если съ одной стороны владѣльцы получали доходъ съ мостовъ и перевозовъ, то съ другой стороны они обязаны были содержать ихъ въ исправности, на свой счетъ починять гати, мосты и перевозы, для того, чтобы проѣзжимъ ни въ чемъ простою, задержанія и убытковъ не было (247); если же отъ неисполненія сей обязанности происходили какіе либо убытки, какъ-то: если у служилыхъ людей потонутъ или погрязнутъ лошади, запасы или служилая всякая рухлядь, а у торговыхъ или у другихъ людей товары или иныя какія либо вещи, то владѣльцы должны были возвратить проѣзжимъ всѣ убытки и обязаны были сдѣлать новые мосты, гати и плотины, для того, чтобы проѣзжимъ впередъ не было простою и убытковъ (248). На Государевыхъ мостахъ и перевозахъ, при которыхъ были поставлены вѣрные головы, цѣловальники, откупщики, приставленные отвѣчали за всѣ убытки, которые могли случиться проѣзжимъ, отъ неисправности мостовъ, перевозовъ, паромовъ и плотовъ (249). По Литовскому Статуту, владѣльцы тоже должны были возвратить убытокъ проѣзжимъ случившійся отъ неисправности гатей, мостовъ и плотинъ; на Государевыхъ мытахъ старосты откупщики (dzierzawcy) и мытники отвѣчали за убытки (250). По рѣкамъ судоходнымъ запрещалось дѣлать новые пруды, плотины и мельницы; а кто на

такой рѣкѣ плотину устроивалъ, то долженъ былъ у той плотины сдѣлать ворота для судоваго ходу; а на тѣхъ судоходныхъ рѣчкахъ, на которыхъ встарину, а не вновь устроены *езы* для рыбной ловли, велѣно было дѣлать ворота; городить же на глухо *езы* запрещено было; за проходъ судовъ чрезъ ворота нельзя было брать мыта [251]. Тоже самое правило поставлено въ Статутѣ Литовскомъ [252]. Прибрежнымъ владѣльцамъ запрещалось въ зимнее время окалывать ледъ у береговъ и около мостовъ для взыманія мостовщины; за нарушеніе сего постановленія, виновные подвергались наказанію кнутомъ, и сверхъ того бралась съ нихъ пеня, что Государь укажетъ [253].

Отъ платежа мытъ, перевознаго и мостовщины освобождались дворяне, дѣти боярскіе, иноземцы, служилые люди съ своими людьми и запасами, и гонцы, которые посылались для Государевыхъ дѣлъ [254]; по Литовскому Статуту тоже были привилегированныя лица, которыя освобождались отъ платежа мыта за себя и за свои произведенія; это были: князья, паны радные, духовные и шляхтичи [255]. Мытчики, перевозщики и мостовщики, которые нарушали правило, изложенное въ Уложеніи въ 1-й статьѣ IX главы, должны были взятое отдать втрое тѣмъ людямъ, у которыхъ взяли неправильно, и сверхъ того подвергались наказанію кнутомъ [256]. Привилегированные люди, если перевозили съ собою торговцевъ съ товарами, подвергались тоже наказанію кнутомъ и должны были мыто, мостовщину и перевозъ заплатить втрое въ пользу мостовщиковъ [257]. Торговые люди, которые *промыгались* именемъ служилыхъ людей, подвергались наказанію кнутомъ и платили пени на Государя по пяти рублей съ человѣка [258].

Наконецъ, запрещено было брать съ служилыхъ людей постоялаго на дорогахъ, въ селахъ и въ деревняхъ, и о томъ велѣно было сдѣлать въ Москвѣ и въ городахъ *заказъ крѣпкій* [259].

Сравнивая IX главу Уложенія съ 29 и 30 артикулами I-го раздѣла Литовскаго Статута, легко замѣтить, что главныя основанія Статута были усвоены Уложеніемъ, которое сдѣлало нѣкоторыя дополненія, назначивъ наказанія за злоупотребленія привилегированныхъ лицъ и мытчиковъ и за окалыванье льда, чего нѣтъ въ Статутѣ.

2). *О пристанодержательствѣ.*

Кто укрывалъ или держалъ у себя татей и разбойниковъ и не отводилъ къ воеводамъ, къ приказнымъ людямъ или къ губнымъ старостамъ, тотъ подвергался пенѣ десяти рублей, чтобы на то смотря, инымъ неповадно

было такъ дѣлать; а татямъ и разбойникамъ нигдѣ пристанища небыло ([260]). Помѣщикъ, который нашелъ между своими людьми или крестьянами разбойниковъ, не представилъ ихъ въ губу и тѣмъ укрывалъ за собою воровъ, лишался своего помѣстья, которое отдавалось *въ раздачу*, и сверхъ того долженъ былъ удовлетворить истцовы иски. Непомѣстный человѣкъ подвергался наказанію кнутомъ по торгамъ, да съ него тоже доправлялись истцовы иски ([261]). Кто оговоренныхъ людей *язычною молкою* ухоронитъ или *изъ за себя* вышлетъ вонъ, тотъ долженъ былъ заплатить *выть*, да съ него же взыскивалось на Государя пятьдесятъ рублей, и сверхъ того отдавался онъ на поруки ([262]).

3). *О ябедѣ.*

Съ того, кто искалъ *поклепнаго* иску напрасно, въ намѣреніи *испродать* кого напрасно, взыскивалось въ пользу отвѣтчика проѣсти по гривнѣ въ день, со дня начатія суднаго дѣла по день вершенія, для того, чтобы инымъ не повадно было поклепными исками другихъ напрасно *убытчить* ([236]). Истецъ, который приписывалъ лишнее въ своемъ искѣ, получалъ отказъ въ *лишкѣ*, да на немъ же доправлялось Государевой пошлины втрое съ *приписнаго* иску, *за то: ищи прямого, а лишняго не приписывай*([264]). Кто *приставитъ* къ кому во многихъ поклепныхъ искахъ, въ бою и въ грабежѣ, и не ходя въ судъ возметъ съ того, къ кому онъ приставитъ, *что небольшое*, отступится отъ того дѣла, потому что наклепалъ, съ того взыскивалось пени на Государя пять рублей; а взятое за отступленіе возвращалось вдвое тому, у кого взято, да сверхъ того виновный подвергался жестокому наказанію кнутомъ нещадно у приказу при многихъ людяхъ, и сажался въ тюрьму на сколько Государь укажетъ([265]); за повтореніе сего преступленія, виновный платилъ Государевой заповѣди десять рублей и возвращалъ взятое вдвое и наказывался у приказу кнутомъ на козлѣ, а сажался въ тюрьму на сколько Государь укажетъ, а до тюрьмы велѣно было бить его кнутомъ нещадно([266]), въ третій разъ виновный платилъ на Государя заповѣди двадцать рублей, взятое возвращалъ вдвое, да подвергался наказанію кнутомъ на козлѣ у приказу и посылался въ торгъ по рядамъ, чтобы всѣ люди знали, за что ему дѣлается наказаніе, и наказавъ его по торгамъ, велѣно было вкинуть его въ тюрьму на сколько Государь укажетъ, и онъ навсегда лишался права объявлять иски([267]). Давшій на себя какую крѣпость, если являлъ и билъ челомъ Государю, что на него та крѣпость взята по неволѣ и слался на стороннихъ

людей по стачкѣ, а между тѣмъ крѣпость писана на площади и въ *послусѣхъ* писалися площадные подъячіе и рука истца была у крѣпости, и откроется что его крѣпость *прямая*, а не *нарядная*, то самъ челобитчикъ и тѣ люди, которые *по немъ* говорили ложно по стачкѣ, подвергались жестокому наказанію кнутомъ нещадно при многихъ людяхъ, чтобы и другимъ впередъ неповадно было такъ дѣлать, да съ виновнаго же велѣно было доправить безчестіе въ пользу того, противу кого дѣло затѣялъ напрасно, и еще онъ подвергался тюремному заключенію на полгода ([268]).

4). *О ложныхъ показаніяхъ на повальныхъ обыскахъ.*

Въ дѣлахъ уголовныхъ обыскъ служилъ средствомъ для рѣшенія вопроса: обвиняемый есть ли человѣкъ *добрый* или *лихой*. Если изъ обыска открывалось, что обвиняемый человѣкъ добрый, то для обвиненія его нужно было внѣшнее дѣйствіе; если же напротивъ, въ обыскѣ оговаривали обвиняемаго какъ вѣдомаго лихаго человѣка, то онъ всегда подвергался наказанію, а внѣшнее дѣйствіе считалось нужнымъ только для того, чтобы опредѣлить степень его. Обыскъ употреблялся когда былъ поводъ подозрѣвать обвиняемаго, не только изъ доносовъ, обвиненія со стороны истца, но когда преступникъ, подвергаемый пыткѣ (*языкъ*), называлъ кого сообщникомъ своимъ. Вообще въ нашихъ древнихъ постановленіяхъ, которыя служили основаніемъ Уложенію и въ самомъ Уложеніи, обыскъ имѣлъ важныя послѣдствія для оговореннаго; по этому обращаемо было вниманіе, чтобы не могло быть въ немъ злоупотребленій. Для достиженія сей цѣли, сыщики, посылаемые для отобранія показаній, должны были внушить обыскнымъ людямъ, чтобы они сказывали въ обыскѣ прямо вправду, никого не страшась и никому не норовя, и что за ложное показаніе будутъ они отъ Государя въ великой опалѣ и въ казни. Сыщики обязаны были обыскивать вправду, другу не дружить, а недругу не мстить и смотрѣть *накрѣпко*, чтобы обыскные люди семьями стакавшись не лгали; за нарушеніе своей обязанности, сыщики подвергались великой опалѣ и казни отъ Государя ([269]). За ложныя показанія въ обыскахъ, обыскные люди подвергались слѣдующему наказанію: платили пеню на Государя, Архимандриты пятьдесятъ рублей, игумены и келари сорокъ рублей, казначеи, строители и соборные старцы тридцать рублей, рядовые братья пять рублей, служки монастырскіе большихъ монастырей двадцать рублей, служки меньшихъ монастырей и дѣтеныши всѣхъ монастырей пять рублей, протопопы сорокъ рублей, протодьяконы тридцать рублей, попы

двадцать рублей, дьяконы и церковные дьячки десять рублей, стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, жильцы, городовые дворяне, дѣти боярскіе и ослушники, которые обысковъ дать не захотѣли, тридцать рублей; посадскіе старосты двадцать рублей; посадскіе люди, ямщики, прикащики вотчинниковъ и помѣщиковъ десять рублей, крестьяне и бобыли по рублю. Сверхъ того изъ обыскныхъ людей десятый подвергался наказанію кнутомъ, а лица, принадлежавшія къ духовному званію, отсылались для смиренія къ Патріарху, къ Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, кто въ чьей *области* былъ. Кромѣ того, обыскные люди, если лживымъ своимъ показаніемъ нанесли убытокъ истцу или отвѣтчику, должны были возвратить всѣ убытки, проѣсти и волокиты; если же вслѣдствіе ложныхъ показаній кто либо былъ пытанъ, то пытанному платили безчестіе и увѣчье въ четверо, чтобъ впередъ не лгать (270). Обыскные люди, которые скрывали разбойниковъ и татей, говоря во время обыска, что ихъ нѣтъ, подвергались тому же наказанію, какъ положено было за лживыя показанія (271). Правило это заимствовано Уложеніемъ изъ Уставной книги Разбойнаго Приказа (272), по которой за такой проступокъ съ обыскныхъ людей доправлялась выть, да изъ *лучшихъ* людей человѣка по два или по три велѣно бить кнутомъ.

Если *обчая ссылка* по посуламъ, или почему нибудь другому, преступивъ законъ Божій, солгала и оговорила кого не по винѣ, то она подвергалась *жестокому* наказанію, *нещадному* біенію кнутомъ и должна была возвратить убытки, происшедшіе отъ ложнаго наказанія (273).

5). *О бродяжничествѣ и укрывательствѣ бѣглыхъ.*

Уложеніе говоритъ объ этомъ предметѣ въ XI главѣ, названной *судъ о крестьянахъ*. Глава эта есть пополненное и исправленное собраніе правилъ о крестьянахъ, изданныхъ въ разныхъ узаконеніяхъ, предшествовавшихъ Уложенію, какъ то: указа Царя Ѳеодора Іоанновича, по которому онъ въ 1592 г. велѣлъ составить книги для приписки крестьянъ къ извѣстнымъ землямъ и къ владѣльцамъ, отъ которыхъ они не могли болѣе отходить, постановленіе измѣненное указомъ Царя Бориса Ѳеодоровича Годунова 21 Ноября 1601, по которому крестьянамъ опять разрѣшено было переходить отъ одного владѣльца къ другому съ нѣкоторыми ограниченіями и Боярскаго приговора 1 Февраля 1606, по которому крестьянамъ положено было остаться у тѣхъ владѣльцевъ, за которыми они были писаны по книгамъ 1592 г. и нѣкоторыхъ

другихъ узаконеній, служившихъ пополненіемъ къ симъ главнымъ узаконеніямъ.

Крестьяне, бѣжавшіе изъ селъ Государевыхъ разныхъ наименованій къ частнымъ владѣльцамъ, должны были быть возвращаемы безъ урочныхъ лѣтъ на старые *жеребья*, по писцовымъ книгамъ съ женами, дѣтьми и со всѣми ихъ животами (273); тоже самое правило существовало для владѣльческихъ крестьянъ, бѣжавшихъ въ Государевы волости (274); впрочемъ возвращались только тѣ крестьяне, которые бѣжали послѣ составленія писцовыхъ книгъ (275). Съ изданія Уложенія велѣно было бѣжавшихъ отъ одного владѣльца къ другому всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей съ братьею, съ дѣтьми, племянниками и внуками, съ женами и съ дѣтьми, со всѣми животами, съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ, отдавать тѣмъ владѣльцамъ, отъ которыхъ бѣжали, и впредь отнюдь никому чужихъ крестьянъ не принимать и за собою не держать (276) и кромѣ того съ передержателя взыскивалось въ пользу владѣльца по десяти рублей въ годъ за каждаго крестьянина (277). Если съ помѣстья убѣжитъ крестьянская дочь дѣвка, или вдова и выйдетъ за чьего кабального человѣка или крестьянина, то она возвращалась владѣльцу съ мужемъ и дѣтьми (278), но если она выйдетъ за вдовца, то хотя мужъ отдавался, но дѣти отъ перваго брака оставались за владѣльцемъ (279). Бѣглый человѣкъ, женившійся въ бѣгахъ на дочери посадскаго, возвращался владѣльцу съ женою и съ дѣтьми (280). Если къ владѣльцу явится вольный человѣкъ и захочетъ записаться за нимъ, то владѣлецъ долженъ былъ сперва подлинно провѣдать прямо ли онъ вольный человѣкъ (281); если же подлинно не провѣдавъ пріиметъ чужаго крестьяна или бобыля, то долженъ былъ заплатить въ годъ за каждаго человѣка по десяти рублей, на томъ основаніи *что не провѣдавъ подлинно, не пріимай чужаго* (282). Кто, желая укрѣпить чужихъ бѣглыхъ людей, возметъ на нихъ кабалы или *записи во многой ссудѣ*, тотъ не имѣлъ суда по тѣмъ кабаламъ и крѣпостямъ, такъ какъ онымъ не велѣно было вѣрить, а посему и лишался ссуды своей на основаніи слѣдующаго правила: *не пріимай чужихъ крестьянъ и бобылей и не давай имъ ссуды* (283). Кто въ судѣ запирался въ передерживаніи чужихъ крестьянъ и въ томъ *отцѣловался*, а послѣ тѣ крестьяне объявятся у него, то велѣно было отобрать ихъ у него со всѣми животами, а ему за вину, что онъ крестъ поцѣловалъ не по правдѣ чинилось жестокое наказаніе кнутомъ по торгамъ въ продолженіи трехъ дней, чтобы многимъ людямъ было вѣдомо, за что его такому наказанію подвергнули и сверхъ того сажался онъ въ тюрьму на годъ и впредь ему ни въ чемъ не вѣрили и

ни въ какихъ дѣлахъ ни на кого суда не давали (284). Если же отъ владѣльцевъ крестьяне убѣжали за рубежъ въ Нѣмецкую или Литовскую сторону, и за рубежомъ женились на бѣглыхъ женкахъ или дѣвкахъ другихъ помѣщиковъ, а послѣ возвратились къ прежнимъ владѣльцамъ, то имъ давали жребій, и кому выймется, тому за дѣвку или женку или за мужика велѣно дать выводу пять рублей, для того, что они оба были въ бѣгахъ за рубежомъ (285).

ОТДѢЛЪ ДЕВЯТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ.

Въ Уложеніи немного постановленій, относящихся къ преступленіямъ противу нравственности; даже въ составъ его не вошли распоряженія, встрѣчаемыя въ разныхъ особыхъ постановленіяхъ, предшествовавшихъ ему. За противузаконное сожительство владѣльца въ дому съ рабою и прижитье съ нею дѣтей, виновные отсылались въ Москвѣ на Патріаршій дворъ, къ патріаршимъ приказнымъ людямъ, а въ городахъ къ Митрополитскимъ и Архіепископскимъ приказнымъ людямъ, гдѣ изслѣдованіе производилось Святительскимъ судомъ, а наказаніе полагалось по правиламъ Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ (286). Сводничество тоже запрещалось; вотъ что Уложеніе говоритъ объ этомъ предметѣ: »а будетъ кто мужескаго полу или женскаго забывъ страхъ »Божій и Христіанскій Законъ, учнутъ дѣлати сводны женками и дѣвками на »блудное дѣло, а сыщется про то допряма: и имъ за такое беззаконное и »скверное дѣло учинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ« (287). На поляхъ подлиннаго списка Уложенія, хранившагося въ Оружейной Палатѣ, отмѣчено противу этой статьи, что она заимствована изъ Литовскаго Статута; и если сравнить самое содержаніе этой статьи съ Литовскимъ Статутомъ, то вполнѣ можно убѣдиться въ справедливости отмѣтки; только въ опредѣленіи наказанія существуетъ большое различіе: въ Статутѣ Литовскомъ за этотъ родъ преступленія опредѣлено было наказывать отрѣзываніемъ носа, ушей, рта и изгнаніемъ изъ города; а если виновные послѣ наказанія опять снискивали пропитаніе столь гнуснымъ промысломъ, то подвергались смертной казни (288).

ОТДѢЛЪ ДЕСЯТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ И ПРОСТУПКАХЪ ПРОТИВУ ЗАКОНОВЪ О СОСТОЯНІЯХЪ.

Когда Новгородъ слился съ Московскимъ Государствомъ своимъ существомъ, своими богатствами и торговымъ образованіемъ, тогда Москва изъ военнаго стана быстро сдѣлалась столицею промышленности: внѣ города Бѣломѣстцевъ (дворянъ) раскинулся обширный городъ чернослободцевъ; Москва сдѣлалась городомъ. Однако не смотря на свою блестящую наружность, до временъ Уложенія она состояла на деревенскомъ положеніи; прочіе города Московскаго Государства были также большими деревнями. Изъ XIX-й главы Уложенія *о посадскихъ людехъ* видно, что до того времени Москва была ни-что иное, какъ военный станъ Московскихъ Государей и собраніе отчинныхъ деревень. Кремль, обнесенный множествомъ дворянскихъ домовъ съ птичными дворами, житницами, кладовыми, погребами, составлялъ Царевъ-городъ; онъ опоясывался Бѣлымъ городомъ, гдѣ жили военные чины съ ихъ прислугами. Въ земляномъ городѣ начинались дѣловыя и оброчныя слободы, принадлежавшія въ собственность Царю, Патріарху, Митрополитамъ, монастырямъ, боярамъ, дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ. Москва была объята крѣпостнымъ правомъ; прочіе города болѣе или менѣе были также вотчинами дворянства, духовенства и двора Государева. Царь Алексѣй Михайловичъ, вѣрный своей мысли утвердить *свое Государево Государство*, повелѣлъ, чтобы вездѣ было его Великаго Государя Государство, и чтобы горожане ни чьимъ именемъ, кромѣ его Государева имени, не назывались, и навсегда избавилъ города отъ крѣпостнаго состоянія. Съ сего времени крѣпостные слобожане должны были или продать свои городскіе домы и лавки тяглымъ Государевымъ людямъ, или оставивъ сельское званіе, навсегда вступить въ городское сословіе(289). Для достиженія этой цѣли, принимаемы были Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ разныя мѣры, даже въ то самое время, когда Уложеніе слушалось и составлялось; такъ изъ сыскныхъ дѣлъ(290), сыскиваемыхъ бояриномъ княземъ Юрьемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, видно, что встарину при Царяхъ Іоаннѣ IV и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ во всемъ Московскомъ Государствѣ въ Москвѣ и по городамъ, на посадахъ и около посадовъ, слободъ и пашенъ и въ кабацкихъ откупщикахъ, патріаршихъ, митрополичьихъ, владычнихъ, монастырскихъ боярскихъ и околничихъ и думныхъ и ближнихъ и другихъ

чиновъ, ничьихъ крестьянъ небывало, а въ Царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ городахъ, гдѣ прежде бывали выгоны, устроены патріаршія, монастырскія, боярскія и людей другихъ чиновъ слободы и пашни на искони вѣчной Государевой землѣ; да кромѣ того, эти крестьяне покупали и брали въ закладъ тяглые дворы, лавки, погреба каменные, и торговали всякими товарами *и своею мочью и заступою*, откупали въ Москвѣ и по городамъ таможни, кабаки и всякіе откупа, оттого служилые и тяглые люди обѣднѣли и *одолжали* неоплатными долгами. Государь велѣлъ всѣхъ этихъ крестьянъ, живущихъ въ городахъ до 1613 г. записать въ тягло и быть имъ за Государемъ *и ни за кого въ закладчики* не записываться и ничьими крестьянами и людьми не называться, въ противномъ случаѣ велѣно было имъ чинить жестокое наказаніе, бить ихъ кнутомъ по торгамъ и ссылать въ Сибиръ на житье на Лену; тому же наказанію подвергались и тѣ, которые принимали ихъ въ *закладчики.* По Указу 1649 Сентября 15 ([291]) запрещено было въ Галичѣ имѣть боярскимъ и монастырскимъ крестьянамъ амбары, лавки, погреба и варницы; за нарушеніе указа, проданное имущество поступало безсрочно и безденежно на Государя, а продавцевъ велѣно было бить кнутомъ нещадно, чтобъ инымъ впередъ не повадно было мимо Указу того дѣлать.

Въ самомъ Уложеніи находимъ слѣдующія распоряженія: всѣхъ кабальныхъ людей, жившихъ въ Московскихъ слободахъ, велѣно было свести на свои дворы ([292]), всѣмъ пашеннымъ крестьянамъ въ Москвѣ и въ городахъ, у которыхъ были лавки, погреба и соляныя варницы, велѣно было продать оныя Государевымъ тяглымъ людямъ, а впредь запрещено было держать ([293]). Выгонныя земли, принадлежащія городамъ, кѣмъ либо взятыя, велѣно было отобрать и возвратить городамъ ([294]). Всѣмъ Государевымъ людямъ запрещено было записываться за кого либо въ закладчики и называться чьими либо людьми или крестьянами; за нарушеніе сего постановленія, велѣно имъ дѣлать жестокія наказанія, бить кнутомъ по торгамъ и ссылать въ Сибирь на житье на Лену; тѣмъ же, которые принимали за себя Государевыхъ людей въ закладчики, поставлено было быть въ великой опалѣ отъ Государя, и земли, на которыхъ жили закладчики, велѣно *имать* на Государя ([295]). Кто своихъ людей не имѣлъ, тотъ могъ держать на своихъ загородныхъ дворахъ и огородахъ по одному человѣку на каждомъ; кто же держалъ многихъ крестьянъ и бобылей, у тѣхъ они отбирались и отдавались въ тягло ([296]). Крестьянинъ, купившій послѣ изданія Уложенія тяглые дворы или лавки и погреба, ли–

шался своей покупки въ пользу Государя, да подвергался великой опалѣ отъ Государя и торговой казни ([297]). Кабальная запись, данная посадскимъ, не имѣла законной силы ([298]). Тяглые люди не могли продавать *бѣломѣстцамъ* своихъ дворовъ; тоже запрещено было писать закладныя вмѣсто купчихъ; за неисполненіе сего постановленія, дворы отдавались въ сотни безденежно, а продавцы наказывались кнутомъ ([299]).

Холопъ, который бѣжалъ отъ стараго своего боярина и билъ челомъ въ дворъ иному и тѣмъ учинившій ссору, подвергался наказанію кнутомъ на козлѣ нещадно передъ холопьимъ приказомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было ([300]). Кто бралъ кабалу *подставою*, тотъ подвергался наказанію кнутомъ ([301]).

Нѣмцамъ и Нѣмкамъ запрещено было у Русскихъ людей покупать и брать въ закладъ дворы и дворовыя мѣста въ Москвѣ въ Китаѣ, въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ и загородныхъ слободахъ, и для сего запрещено было принимать къ запискѣ купчія; Русскіе же, которые закладывали или продавали свои дворы Нѣмцамъ, подвергались опалѣ отъ Государя ([302]).

ОТДѢЛЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ЛИЧНЫХЪ ПРАВЪ ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

---

1). *Смертоубійство.*

Въ древнѣйшемъ законодательствѣ нашемъ, смертоубійство называлось *разбоемъ.* Разбой былъ общимъ названіемъ какъ для убійства, такъ и для грабежа, и для насильственнаго завладѣнія чужимъ имуществомъ. Въ этомъ смыслѣ слово разбой встрѣчается въ Русской правдѣ. Лѣтописецъ, сообщая объ отмѣнѣ Владиміромъ смертной казни, говоритъ: *Умножишася зѣло разбоеве.* Карамзинъ объясняетъ, что подъ разбоемъ разумѣли въ то время убійство ([303]). Въ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Ростиславича съ Ригою, Готландіею и Нѣмецкими городами, сказано: »Богъ того не дай, »оже разбой погрѣхомъ пригодиться межи Нѣмци и Руси, что зачто платити, »абы миръ не раздрушенъ, абы Нѣмцичю любо было ([304])«. Здѣсь тоже разбой принимается за родовое понятіе, котораго виды были: убійство, увѣчье, раны, побои и т. п.; даже до конца XIV вѣка онъ имѣлъ это значеніе ([305]). Но

сначала XV столѣтія, когда гражданскія преступленія получили болѣе опредѣленности, смертоубійство начали отдѣлять отъ разбоя; оно получило названіе *душегубства* (306). Въ Судебникѣ убійство продолжаетъ называться душегубствомъ (307). Но въ послѣдствіи и это названіе исчезаетъ, а остается названіе *убійства* (308). Въ Уложеніи это понятіе выражается слѣдующими словами: *побиваніе людей*, *убійственныя дѣла*, *смертное убійство* и *убійство*. Впрочемъ, до Уложенія, смертоубійство всегда разсматривалось вмѣстѣ съ разбоемъ, грабежемъ и татиными дѣлами, даже тоже самое замѣчалось въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, полнѣйшемъ сборникѣ древняго Русскаго Уголовнаго законодательства. Можно сказать, что смертоубійство было почти только обстоятельствомъ, усиливающимъ виновность людей, занимающихся разбоемъ и воровствомъ, и что оно не разсматривалось отдѣльно отъ нихъ; но Уложеніе сдѣлало важное пополненіе: оно недовольствуясь прежнимъ взглядомъ разсматриваетъ смертоубійство отдѣльно отъ другихъ преступленій. Этотъ важный шагъ въ усовершенствованіи понятій о предметахъ, относящихся къ Уголовному праву, слѣдуетъ приписать знакомству съ Литовскимъ Статутомъ и тщательнѣйшему изученію Уголовныхъ Греческихъ законовъ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому служитъ то, что смертоубійство разсматривается въ двухъ главахъ Уложенія: въ XXI и XXII; въ первой изъ нихъ, основанной на древнемъ Русскомъ правѣ, смертоубійство разсматривается въ совокупности съ разбоемъ, съ татиными дѣлами, а во второй — смертоубійство разсматривается отдѣльно отъ нихъ, а въ этой XXII главѣ почти всѣ статьи основаны на градскихъ законахъ и на Литовскомъ Статутѣ, какъ это даже отмѣчено на поляхъ списка Уложенія, хранившагося въ Оружейной палатѣ; въ X главѣ говорится объ убійствѣ, какъ о послѣдствіи споровъ, обидъ, боя и насильства.

Сынъ или дочь, убившіе отца или мать, подвергались смертной казни безъ всякой пощады (309). Правило это взято изъ градскихъ законовъ, какъ это и отмѣчено въ спискѣ Уложенія, только въ градскихъ законахъ полагается видъ смертной казни, именно: сожженіе (310). Лица постороннія, которыя учинили убійство вмѣстѣ съ дѣтьми, подвергались тоже смертной казни безъ всякой пощады (311). Родители, убившіе дѣтей досмерти, сажались въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ положенный срокъ, они должны были приходить въ церковь и въ церкви объявлять свой грѣхъ всѣмъ людямъ вслухъ; смертью же наказывать родителей за убійство дѣтей запрещено было (312). Правило это взято изъ Литовскаго Статута, по которому родители

за умышленное убійство дѣтей своихъ подвергались тюремному наказанію въ продолженіе года и шести недѣль, а послѣ того, какъ отсидѣли положенный срокъ, должны были въ продолженіе года четырежды при церкви или костелѣ во время служенія творить покаянія и явно объявлять свой грѣхъ всему собранію христіанъ (313). Убившій брата или сестру, или приказавшій ихъ умертвить, подвергался смертной казни вмѣстѣ съ исполнившими приказаніе (314). Это правило тоже взято изъ Литовскаго Статута, по которому положена была тоже смертная казнь, а сверхъ того имущество убійцы отдавалось оставшимся братьямъ и сестрамъ или ближайшимъ родственникамъ (315). Слуга, убившій господина своего, подвергался смертной казни безъ всякой пощады; если же вынималъ оружіе противу господина своего, въ намѣреніи убить, то ему отсѣкалась рука (316). Въ Литовскомъ Статутѣ постановлены тѣже самыя наказанія (317). Жену, которая убьетъ мужа, или окормитъ его отравою, живую *окапывали* въ землю безъ всякой пощады, хотя бы дѣти убитаго или ближніе родственники не желали, чтобы ее казнить; ей *отнюдь* не велѣно было *дать милости* и велѣно держать ее въ землѣ до тѣхъ поръ, пока умретъ (318). Убійца, совершившій смертоубійство съ умысломъ, подвергался смертной казни (319). Слуга, учинившій убійство своимъ умышленіемъ безъ приказанія своего господина, наказывался смертью; но господинъ, для устраненія себя отъ виновности, долженъ былъ представить убійцу въ Приказъ и самъ о преступленіи извѣстить (320). Эта статья взята изъ Литовскаго Статута (321). Отравитель тоже подвергался смертной казни, только сперва допрашивался, не дѣлалъ ли онъ подобнаго преступленія прежде (322). Пріѣхавшій къ кому нибудь на дворъ насильствомъ, скопомъ и заговоромъ *умысля воровски* и учинившій надъ его женою, дѣтьми или людьми смертное убійство, подвергался смертной казни, а товарищи наказывались кнутомъ и ссылались, куда Государь указывалъ (323). Это постановленіе тоже заимствовано изъ Литовскаго Статута; впрочемъ Уложеніе измѣнило наказаніе для товарищей убійцы, которые по Статуту подвергались одинаковому наказанію съ убійцею, а именно: смертной казни (324). Разбойники и тати, сопровождавшіе свои насильственныя дѣйствія смертоубійствомъ, подвергались смертной казни (325). Источникомъ для этой статьи былъ боярскій приговоръ, данный въ Разбойный Приказъ при Царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ (326). Блудница, погубившая дѣтей прижитыхъ въ блудѣ или кто либо другой лишившій ихъ жизни по ея велѣнію, подвергались смертной казни безъ всякой пощады, чтобы на то смотря, иные таковаго беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялись (327).

Кромѣ убійства умышленнаго, въ Уложеніи разсматриваются разные случаи неосторожнаго и случайнаго убійства. Человѣкъ съ похвалы или пьянства или съ умысломъ наскакавшій на лошади на женщину, и лошадью ея стоптавшій и поваливший, подвергался жестокому наказанію — біенію кнутомъ нещадно, платилъ безчестіе и увѣчье вдвое, да сажался въ тюрьму на три мѣсяца, если женщина беременная оставалась жива, а дитя будетъ рождено мертвое; но если женщина умретъ, то виновный подвергался смертной казни (328). Хотя въ подлинномъ спискѣ Уложенія, хранившемся въ Оружейной Палатѣ противу этой статьи отмѣчено, что она взята изъ Литовскаго Статута, однако въ наказаніи замѣтно большое различіе; за это дѣйствіе по Литовскому Статуту, виновный, если мать останется жива, а только плодъ погибнетъ, подвергался тюремному содержанію на три мѣсяца, и въ продолженіе года четыре раза, а именно: въ праздникъ Рождества Христова, въ Срѣтеніе, въ день Пасхи и въ день Сошествія Святаго Духа, долженъ былъ внутри церкви, стоя на мѣстѣ нарочно для сего приготовленномъ, возвышенномъ на локоть отъ земли, явно объявить свой грѣхъ всѣмъ входящимъ людямъ, и давать обѣщаніе въ томъ, что будетъ избѣгать повторенія; если же мать лишалась жизни, то виновный подвергался смертной казни (329). Если боярскій человѣкъ убьетъ боярскаго человѣка неумышленіемъ, въ дракѣ, пьянымъ дѣломъ, то послѣ того, какъ подвергался наказанію кнутомъ, убійца отдавался на чистую поруку, съ записью, что ему впредь *не воровать* и выдавался тому, у кого онъ человѣка убилъ, въ холопи, съ женою и дѣтьми; но если владѣлецъ убитаго не хотѣлъ принимать убійцу, то получалъ пятьдесятъ рублей съ того, кому убійца служилъ (330). Въ случаѣ неумышленнаго убійства крестьяниномъ крестьянина, принадлежавшаго другому владѣльцу, полагалось тоже самое наказаніе; только если владѣлецъ не хотѣлъ принимать къ себѣ убійцу, онъ не получалъ денегъ, но выдавался ему другой крестьянинъ (331); если же убійство чужаго крестьянина совершено неумышленно сыномъ Боярскимъ, его сыномъ, племянникомъ или прикащикомъ, то выбирался лучшій человѣкъ изъ его помѣстья и, со всѣмъ семействомъ и животами, отдавался владѣльцу убитаго; сверхъ того доправлялись съ убійцы кабальные долги убитаго и сажался онъ въ тюрьму до Государева указу (332). Всѣ сіи правила о вознагражденіи владѣльцевъ за неумышленное убійство взяты, за небольшими измѣненіями, изъ боярскихъ приговоровъ 1625 г. Октября 17 и 1626 г. Февраля 17, состоявшихся по докладу боярина князя Дмитрія Михайловича Прозоровскаго и помѣщенныхъ въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа (333).

Уложеніе, пользуясь правилами, изложенными въ 15 и 23 артикулахъ XI раздѣла Статута Литовскаго, исчисляетъ виды случайнаго убійства: 1) когда лошадь отчего испугавшись, узду изорвавъ, разнесетъ и нельзя будетъ ее удержать; 2) когда кто будетъ стрѣлять изъ пищали или изъ лука по звѣрю, или по птицѣ, или по *примѣтѣ*, и стрѣла или *пулька* всплыветъ и убьетъ кого за горою или за городьбою; 3) если кто какимъ нибудь *обычаемъ* кого убьетъ до смерти деревомъ или камнемъ, или чѣмъ нибудь *не нарочнымъ дѣломъ*. За такое убійство не велѣно было никого казнить смертію, и въ тюрьму сажать, потому что такое дѣло учинилось *грѣшнымъ дѣломъ*, безъ умышленія [334]. Къ случайному убійству можно причислить убійство *выданнаго* человѣка, за которое впрочемъ полагалось наказаніе по указанію Государя [335].

Убійство при необходимой оборонѣ освобождало отъ вины, если нападеніе было сдѣлано на домъ, потому что убитый, сдѣлавшій нападеніе, считался самъ причиною своей смерти: *ему то убійство учинится отъ себя: не пріѣзжай на чужой домъ насильствомъ* [336]. Также освобождался отъ вины убившій татя съ поличнымъ въ дому своемъ, или если тать убѣжитъ, и когда будетъ настигнутъ, начнетъ защищаться [337]; и убившій того, кто воровалъ на полѣ хлѣбъ жатый, сѣно, или жавшаго хлѣбъ *украдомъ*, если тати дѣлали сопротивленіе при задержаніи [338].

2). *Нанесеніе увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью и обиды.*

Наказанія за нанесеніе увѣчья, ранъ и поврежденій установлены Русской Правдой. Она въ этомъ предметѣ развиваетъ принятыя ею Германскія начала и примѣняетъ виру почти ко всѣмъ возможнымъ тѣлеснымъ поврежденіямъ. Весьма удачно сказалъ г. Иванишевъ [339], что въ Русской Правдѣ, со всею Нѣмецкою расчетливостію, жизнь дробится по мелочамъ, и всякое насильственное прикосновеніе къ жизненной силѣ другаго, имѣетъ свою особенную цѣну. Плата эта называлась *продажею* и *полувиріемъ*, и противуставлялась особой платѣ, которую получало частное лицо за *обиду*, подъ именемъ которой понимали всѣ роды поврежденій, кромѣ убійства; за отсѣченіе руки полагалось полувиріе, по нѣкоторымъ спискамъ 40 гривенъ, а по другимъ за отсѣченіе же руки, ноги или носа и лишеніе глаза 20 гривенъ [340]; за вышибенный зубъ и за вырванный клокъ бороды полагалась продажа въ 12 гривенъ [341]; за отсѣченіе пальца 3 гривны за обиду; за мучительное самовольное истязаніе или самоуправство въ видѣ Уголовной казни, по различію нѣкоторыхъ условій, установлены были различныя пени, а именно: *если утя-*

жуть въ мукѣ, а посидитъ у дворянина 8 ногатъ за ту муку, а у колокольници бьютъ кнутомъ, а за ту муку 80 гривенъ ([342]). Если смердъ *умучитъ* смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ; по другому списку за ту же вину положено за обиду 3 гривны ([343]); если мука причинялась огнищанину, тивуну и мельнику, то полагалось 12 гривенъ, а по другому списку полагалось 12 гривенъ продажи и за муку гривна кунъ ([344]). За причиненіе побоевъ рукоятью меча, батогомъ, чашею, рогомъ и *тылеснею*, полагалось по 12 гривенъ за обиду ([345]). За рану мечемъ платилось продажи 2 гривны, а раненому на леченіе ([346]); за вынутіе меча безъ нанесенія ранъ, виновный долженъ былъ положить гривну кунъ ([347]). Кромѣ Русской Правды, еще въ другихъ памятникахъ древняго Русскаго права упоминается объ увѣчьѣ; въ договорахъ Олега и Игоря сказано: »Аще ударитъ мечемъ или копьемъ, »или кацѣмъ инымъ сосудомъ, да того дѣля грѣха заплатитъ серебра литръ »пять по закону Русскому« ([348]). Такъ называемыя Узаконенія Константина или *законъ судный людямъ* или *Судебникъ людемъ*, помѣщенныя въ Харатейномъ Сборникѣ, принадлежащемъ Императорскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, и изданные во II-мъ томѣ Русскихъ Достопамятностей, заключаютъ слѣдующее постановленіе объ этомъ предметѣ: »аще сва-»рятся 2 мужа ти ударитъ одинъ друга каменемъ или пястью ти не умретъ, »но сляжетъ, но живъ аще вставъ мужъ походитъ внѣ о жезлѣ, чистъ есть »ударивый его тоцью на излежанье, да дастъ чьбу (на цѣльбу)«, и въ другомъ мѣстѣ того же собранія: »аще сваритися два мужа, ти ударитъ одинъ »друга своего каменемъ или пястью ти не умретъ, но сляжетъ на ложе аще »и вставъ походитъ о посохѣ чистъ есть ударивый, тои токмо недѣли его да »дастъ въ чѣлбу« ([350]). О томъ же упоминается *въ главахъ о послусѣхъ*, которыя помѣщены въ нѣкоторыхъ кормчихъ Кириловскаго Разряда передъ Русской Правдой, а иногда отдѣльно, извлеченныхъ изъ разныхъ источниковъ Византійскаго права, на которые довольно подробно указывается въ оглавленіи каждой статьи, и въ которыхъ очевидно двѣ статьи взяты изъ Русскихъ источниковъ; главы о послухахъ ни гдѣ не были печатаны; но г. Калачевъ ([351]), исчисливъ извѣстные списки оныхъ, напечаталъ статьи, имѣющія связь съ Русской Правдой, изъ которыхъ важны для разсматриваемаго нами предмета слѣдующія: »аще ударитъ »мечемъ или ножемъ, а не утнетъ на смерть, то князю вины 9 гривенъ, а »истьцу за рану судятъ оже лѣчебное, потнетъ ли на смерть, то вира платити«. »Аще ли пьхнетъ мужъ мужа любо къ себѣ любо отъ себя или »по лицу ударитъ или жердію ударитъ, а безъ знаменія, а видокъ будетъ,

»безчестіе ему платити, аже будетъ болярипъ великихъ боляръ или меншихъ »боляръ или людинъ городскіе или селянинъ, то по его пути платити без-»честіе, а оже будетъ Варягъ или Колобягъ крещенія не имѣя, а будетъ »има бой, а видокъ не будетъ, ити има ротѣ по своей вѣрѣ, а любо на жре-»біи, а виноватый въ продажи во что обложитъ. — Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Уставу Ярослава опредѣляются пени за безчестіе лицамъ женскаго пола; въ первой сказано: »аще кто пошибаетъ боярскую дщерь »или боярскую жену, за соромъ ей 5 гривенъ золота, Митрополиту так-»же, а меншихъ бояръ гривна золота, а нарочитыхъ людей, 2 рубля и »Митрополиту 2 рубля, а простой челяди 12 гривнѣ кунъ, а Митрополиту 12 гривнѣ кунъ, а князь казнитъ«; а во второй — кто обезчеститъ словомъ »чужую жену (а будетъ Боярская жена), великихъ бояръ за срамъ ей »5 гривенъ, а князь казнитъ, а будетъ меньшихъ бояръ за срамъ ей 3 гривны »злата, а Митрополиту 3 гривны злата; оже будетъ городскихъ людей за »срамъ ей 3 гривны серебра (или рубль), а Митрополиту такоже; сельской »женѣ 60 рѣзанъ, а Митрополиту 3 гривны (352)«. Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ, заключеннымъ попомъ Еремѣемъ и Пантелѣемъ Сотскимъ съ Рижскимъ Епископомъ Николаемъ при попѣ Иванѣ и Мейстрѣ Фулкинѣ, по смерти Епископа Алберта въ 1229 (353), полагаются слѣдующія наказанія за увѣчья и обиды: »Аже кто »холопа оударитъ, гривна кунъ, аще око выбьютъ, или руку оттнутъ или »ногу или иная которая хромота на тѣлѣ явится, 5 гривенъ серебра; а за »зубъ 3 гривны серебра. А кто деревомъ оударитъ человѣка до крови, пол-»торы гривны серебра. Аже оударитъ по лицю или за волосы иметъ, или »батогомъ шибетъ: платить бес четверти гривна серебра; аже послови приго-»дітся пакость или попови, всякой обидѣ за два человѣка платити зань. »Аще кто друга ранитъ, а хромоты на тѣлѣ не будетъ, полторы гривны се-»ребра плати«.

Росписаніе платы за тѣлесныя поврежденія, введенное Русскою Правдою и перешедшее изъ нея въ другія постановленія, какъ мы это только что видѣли, въ послѣдствіи изчезаетъ какъ несогласное съ главнымъ основнымъ началомъ, на которомъ основаны были законы о взысканіи за убійство, по которому плата за голову, которую должны были получить родственники убитаго, не опредѣлялись закономъ, а назначалась самимъ истцомъ и представлялась судьямъ на утвержденіе. Подобно какъ за убійство, плата за раны, увѣчья и вообще за поврежденія и обиды, вмѣсто опредѣленной зако-

номъ, назначалась истцомъ, а иногда истецъ предоставлялъ назначеніе оной судьямъ; искъ объ этой платѣ часто оканчивался мировой сдѣлкой безъ участія суда. Доказательствомъ этого можетъ служить мировая запись Тихвинца Гаврила Дровнева съ Иваномъ Аникьевымъ въ порѣзаніи его ножемъ (354), въ которой сказано, что раненый получилъ отъ виновнаго по договору *за увѣчье, за безчестіе на лѣчбу въ томъ ножевомъ рѣзаньѣ.* Когда же дѣло доходило до суда, то судьи, не имѣя предъ собою ни какой оцѣнки увѣчья, назначали въ каждомъ особенномъ случаѣ вознагражденіе, смотря по степени увѣчья, что вмѣнено было имъ въ обязанность Судебникомъ Царя Іоанна IV, »а за увѣчье указывати крестьянину, смотря по увѣчью и безчестію, и всѣмъ »указывати за безчестіе, смотря по человѣку и по увѣчью« (355). Въ Судной Грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, данной въ 1561 г. Марта 20, Замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохи, крестьянамъ сказано: »а увѣчья указывати крестьянину, посмотря по увѣчью« (356). Постановленія подобнаго содержанія встрѣчаемъ въ Уставной грамотѣ Переславскаго уѣзда Царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ, »а увѣчье указывати крестьянину, »посмотря по увѣчью и по безчестію, и всякимъ указывати за увѣчье посмо»тря по увѣчью и по безчестію и всякимъ указывати за увѣчье посмотря по »человѣку и по увѣчью (357)«. Изъ общаго правила представляетъ исключеніе Новгородъ и Псковъ, въ которыхъ вира за побои и за вырваніе бороды держалась довольно долго, и постановленія объ этихъ предметахъ назывались *старою правдою*; въ Записи Новгородской о церковномъ судѣ 1477 г., помѣщенной въ 1-мъ томѣ Актовъ, собранныхъ Археографической Экспедиціею подъ № 103, и въ Псковской Судной Грамотѣ 1467 году, изданной г. Мурзакевичемъ, сохранилось слѣдующее постановленіе: »кто у кого бороду вырветъ, а послухъ опослушествуетъ, ино ему крестъ цѣловати и битися »на полѣ; а послухъ изможетъ, ино за бороду присужати два рубля и за »бой«. Все вышеприведенное служитъ доказательствомъ тому, что хотя для оцѣнки тѣлесныхъ поврежденій, въ Русской правдѣ употреблена Германская вира, которая повторялась и въ другихъ древнихъ постановленіяхъ, однако, она скоро исчезаетъ предъ началомъ Славянскимъ, по которому самъ истецъ или судья въ каждомъ особенномъ случаѣ опредѣляетъ удовлетвореніе за вредъ (358).

Уложеніе разсматриваетъ мѣсто и причину, при которыхъ нанесены раны, увѣчье, поврежденіе и бой. Не повторяя здѣсь взысканій за эти преступленія, учиненныя въ церкви, въ присутствіи Государя, на Государевомъ

дворѣ и въ судѣ, которыя мы уже приводили говоря о преступленіяхъ противу Вѣры и о преступленіяхъ Государственныхъ, здѣсь исчислимъ тѣ случаи, въ которыхъ они разсматриваются какъ нарушеніе правъ частныхъ лицъ, а не нарушеніе святыни или Величества. Въ Уложеніи разсматриваются мучительскія *наругательства*, которыя кто нибудь наносилъ другому *не боясь Бога* и *не опасаяся Государскія опалы и казни*, а именно: отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, обрѣзаніе губы или выколотіе глаза. Виновный наказывался физическимъ возмездіемъ, и сверхъ того доправлялось съ него въ пользу обиженнаго за руку, ногу, за носъ, ухо, за губы, за глазъ и за всякую рану по пятидесяти рублей (359). Наказаніе это не проистекаетъ изъ началъ отечественнаго права, но установлено вновь, будучи заимствовано изъ Литовскаго Статута, въ которомъ тоже за столь жестокое наругательство полагается физическое возмездіе, и сверхъ того обиженному наругатель долженъ былъ заплатить пятьдесятъ копъ грошей (360). Впрочемъ, Статутъ вводя физическое возмездіе, говоритъ, что онъ въ этомъ подражаетъ закону Моисееву. Далѣе Уложеніе разсматриваетъ слѣдующій случай: если какой нибудь *поругатель* кого нибудь зазоветъ или силою заволочетъ къ себѣ на дворъ, начнетъ бить ослопомъ, кнутомъ или батогами, то онъ подвергался наказанію кнутомъ по торгамъ и подвергался тюремному заключенію на мѣсяцъ, да на немъ доправлялось въ пользу обиженнаго безчестіе и увѣчье вдвое; (361) если же это наругательство учинено чьимъ нибудь человѣкомъ по наученію того, кому онъ служитъ, то какъ научающій, такъ и исполнитель подвергались вышеупомянутому наказанію; но если чей нибудь человѣкъ учинилъ это наругательство надъ кѣмъ нибудь самъ собою, а не по чьему наученію, то подвергался смертной казни (362). Уложеніе запрещаетъ пойманнаго татя пытать у себя на дому, не водя въ Приказъ; это дѣйствіе почиталось также нарушеніемъ правъ частнаго лица и съ виновнаго доправлялось въ пользу татя увѣчье и безчестіе (363). Источникомъ сего постановленія есть тоже *Статутъ Литовскій* (364). Если при нападеніи на чей нибудь домъ, кто либо будетъ раненъ, то ранившему отсѣкалась рука, а товарищей его, которые съ нимъ пріѣзжали, велѣно было бить кнутомъ, и всѣ они должны были платить за безчестіе и увѣчье вдвое (365). Хотя и этотъ случай заимствованъ изъ Литовскаго Статута, однако наказаніе въ Уложеніи смягчено, ибо въ Статутѣ за раны при нападеніи полагалась смертная казнь (366). Наконецъ, въ Уложеніи встрѣчаемъ опредѣленіе платы за бой и увѣчье лицъ низшихъ сословій, которая взыскивалась въ слѣдующемъ размѣрѣ: если кто билъ Государевыхъ крестьянъ и во время біенія изувѣчилъ,

выколол глаз, ногу или руку переломил или причинил другое какое увѣчье, то должен был заплатить изувѣченному за безчестіе десять рублей; а если *зашибетъ*, но никакого увѣчья не сдѣлаетъ, то долженъ былъ заплатить за бой два рубля, боярскимъ людямъ по пяти рублей человѣку, а дѣловымъ людямъ монастырскимъ, помѣщичьимъ и вотчиннымъ крестьянамъ и бобылямъ наравнѣ съ крестьянами Государевыхъ дворцевыхъ селъ; а за обиды, нанесенныя *гулящимъ* людямъ, платили одинъ рубль ([367]). При первомъ взглядѣ можно бы подумать, что Уложеніе имѣло въ виду древніе памятники Русскаго Уголовнаго Права, возстановляя опредѣленную плату за увѣчья; но всматриваясь въ цѣлую систему наказаній за поврежденія принятую Уложеніемъ, это явленіе нельзя приписать ничему другому, какъ вліянію Литовскаго Статута, въ которомъ подробно развита плата за бой и увѣчья, извѣстная подъ названіемъ *навязки*, которая опредѣлена со всею подробностью, какъ для лицъ принадлежащихъ къ дворянскому сословію, такъ и для лицъ принадлежащихъ къ простымъ и городскимъ сословіямъ ([368]).

Кромѣ взысканія за нанесеніе ранъ и увѣчья, въ Россіи запрещались тоже другія обиды относящіяся къ оскорбленію личному; эти дѣйствія извѣстны подъ названіемъ *безчестія*, онѣ всегда противуполагались увѣчью. За *безчестіе* взыскивалась денежная плата, которая отъ самаго дѣйствія получила названіе безчестія. Вникая въ значеніе сего слова до Уложенія, кажется, что подъ нанесеніемъ безчестія понимали побои, оскорбленіе частнаго лица насильственнымъ вторженіемъ въ его собственность (грабежемъ), оклеветаніемъ въ судѣ или предъ Государемъ и обвиненіемъ въ противузаконныхъ дѣйствіяхъ; но съ Уложеніемъ безчестіе распространено на обиду словомъ; обиды сего рода получали по Уложенію особыя названія, *обезчестить словомъ*, *обезчестить непригожимъ словомъ;* обида словомъ отличалась отъ обиды дѣйствіемъ, *кого рукою ударитъ* ([269]). Судебникъ опредѣлилъ количество безчестія; дѣтямъ боярскимъ, за которыми было кормленіе, велѣно было *указывать противу дохода, что на томъ кормленіи по книгамъ;* постановленіе чрезвычайно важное, потому что служитъ основаніемъ и теперь еще дѣйствующему постановленію, что за обиду чиновнаго лица, взыскивается годовой окладъ его жалованья. За обиду дьяковъ палатныхъ и дворцовыхъ не было опредѣлено количество безчестія, а взыскивалось то, что Государь указывалъ; за обиду городскихъ и сельскихъ обывателей полагалось 5 и 1 рубль; кромѣ тіуновъ, доводчиковъ и праведчиковъ, которымъ безчестіе полагалось противу ихъ дохода. Жена получила безчестіе вдвое противу мужа ([370]). По Уложенію, оби-

да словомъ разсматривается со всею подробностію; размѣромъ для вознагражденія принималось какъ лице обиженное, такъ и званіе обидчика; чѣмъ разстояніе въ званіи было ближе, тѣмъ взысканіе было легче; но чѣмъ разстояніе было значительнѣе, тѣмъ строже было наказаніе. Если бояринъ или окольничій обезчеститъ словомъ Патріарха, то они отсылались къ Патріарху головою (371); если же обезчестятъ словомъ Митрополита, Архіепископа или Епископа, то должны были заплатить Матрополиту четыреста рублей, Архіепископу триста, а Епископу двѣсти; если же кому платить было нечѣмъ, то отсылался головою (372). Еслиже бояринъ, окольничій или думный человѣкъ обезчеститъ Архимандрита или Игумена или другое лице иноческаго чина, то платили безчестія противъ Государева Указу (373). Если же обида словомъ нанесена стольникомъ, стряпчимъ, Московскимъ двоpяниномъ, гостемъ, дьякомъ, жильцемъ, дворяниномъ и городовымъ боярскимъ сыномъ, иноземцемъ или дворовымъ человѣкомъ, то за Патріарха били батогами, за Митрополита Архіепископа и Епископа сажали въ тюрьму (374). Если же обиду нанесъ человѣкъ гостинной, суконной или черной сотни, тяглый человѣкъ слободъ, стрѣлецъ, казакъ, пушкарь или кто нибудь другой, то они подвергались за патріарха торговой казни, да сажались въ тюрьму на мѣсяцъ: за Митрополита били ихъ батогами, да сажали въ тюрьму на четыре дня, за Архіепископа и Епископа тоже подвергались наказанію батогами, да сажались въ тюрьму на три дня (375). Для удовлетворенія за безчестіе Архимандритовъ, Игуменовъ, Архидіаконовъ, келарей, казначеевъ, соборныхъ старцевъ и рядовой братіи, полагалось денежное взысканіе, которое опредѣлялось по важности монастыря, для чего была сдѣлана *лѣстница* (376) всѣмъ монастырямъ; самая высшая степень за обиду Архимандрита была сто рублей, самая низшая двадцать рублей; за обиду Игумена, самая высшая пятьдесятъ, самая низшая пятнадцать рублей; келарю — самая высшая восемдесятъ, самая низшая десять рублей, казначею — самая высшая семдесятъ, самая низшая восемь рублей; соборнымъ старцамъ — самая высшая сорокъ рублей, самая низшая пять рублей; а рядовымъ старцамъ всѣхъ монастырей полагалось по пяти рублей (377). Если же были обижены Архимандриты, Игумены, келари и казначеи такихъ монастырей, которые въ лѣстницѣ не были поставлены, то взыскивалось за обиду Архимандрита десять рублей, Игумена — восемь, келаря и казначея — шесть рублей (378).

За оскорбленіе бѣлаго духовенства полагались слѣдующія взысканія: кто обезчеститъ протопопа, протодіакона, или попа и діакона соборныхъ

и ружныхъ церквей, съ того доправлялось въ пользу священнослужителей большаго Собора Пречистыя Богородицы взысканіе въ слѣдующей соразмѣрности: протопопу пятьдесятъ рублей, протодіакону сорокъ рублей, ключарю тридцать рублей, попу двадцать пять рублей, дьяку пятнадцать рублей; Благовѣщенскому протопопу, Государеву духовнику сто рублей; Благовѣщенскимъ ключарямъ, попамъ, дьякамъ противъ Государева жалованья денежныя руги; протопопамъ, протодіаконамъ и попамъ другихъ соборовъ, велѣно было править за безчестіе противу ихъ окладовъ, что имъ *идетъ Государева жалованья денежныя руги* ([379]). Въ пользу поповъ и дьяковъ приходскихъ церквей, которымъ не полагалось денежныхъ годовыхъ ругъ, взыскивалось безчестіе вполовину противу священнослужителей большаго Причистенскаго собора ([380]). Священнослужителямъ соборныхъ городовыхъ церквей безчестіе доправлялось противу ихъ денежныхъ окладовъ ([381]), а въ приходскихъ церквахъ, въ корыхъ не было руги, безчестіе взыскивалось въ половину противъ городовыхъ соборныхъ ([382]). Наконецъ уѣзднымъ и безмѣстнымъ попамъ полагалось пять рублей ([383]), старцамъ мѣстнымъ столько же, безмѣстнымъ три рубля ([384]), дьячкамъ церковнымъ по три и по два рубля, пономарямъ по два рубля, просвирницамъ по три рубля ([385]). За обиду Патріаршихъ, Митрополичьихъ, Архіепископскихъ и Епископскихъ дьяковъ, дѣтей боярскихъ или домовыхъ людей другаго чина, полагалось безчестіе: Патріаршимъ дьякамъ по ихъ окладамъ; Патріаршимъ же боярскимъ дѣтямъ 1-й статьи по пятнадцати рублей человѣку, 2-й статьи по десяти рублей, 3-й статьи по пяти рублей; поварамъ, хлѣбникамъ и конюхамъ по два рубли; Патріаршимъ же пѣвчимъ дьякамъ 1-й станицы по семи рублей человѣку, 2-й станицы по пяти рублей, *поддьякамъ* большихъ станицъ по пяти рублей, а меньшихъ станицъ по три рубля человѣку. Митрополичьимъ, Архіепископскимъ и Епископскимъ дѣтямъ боярскимъ 1-й статьи по десяти рублей, 2-й статьи по семи рублей, 3-й статьи по пяти рублей; пѣвчимъ дьякамъ по три рубля человѣку, поддьякамъ по два рубля; поварамъ, хлѣбникамъ и конюхамъ по одному рублю ([386]). За безчестіе монастырскихъ слугъ, которые *ходятъ въ стряпнѣ*, доправлялось: стряпчему Троицы Сергіева монастыря пятнадцать рублей. Владимірскаго Рождественскаго монастыря, Чудова монастыря, Спасскаго, что на Новомъ, Новгородскаго Симонова монастыря десять рублей, а стряпчимъ прочихъ монастырей пять рублей; рядовымъ слугамъ 1-й статьи по четыре рубля, человѣку 2-й статьи по три рубля, дѣтенышамъ по одному рублю ([387]).

Если же Митрополитъ или другія духовныя власти обезчестятъ словомъ боярина, окольничаго, думнаго человѣка, стольника, стряпчаго, дворянина Московскаго, гостя, дьяка, жильца, дворянина, сына боярскаго городоваго, или другихъ людей какого бы то нибыло чина, то обязаны были платить противу оклада, *что кому Государева денежнаго жалованья*, а гостямъ и другихъ чиновъ людямъ, *по указаннымъ статьямъ* ([388]); а если кому изъ нихъ за безчестіе не будетъ чѣмъ платить, то на нихъ постановлено было править безчестіе нещадно, до тѣхъ поръ, пока они съ истцами не учинятъ сдѣлку, или пока въ томъ истцамъ своимъ *добьютъ челомъ* ([389]).

За обиды лицъ, принадлежавшихъ къ свѣтскому званію, полагались слѣдующія взысканія: если учинится ссора между боярами, окольничими и думными людьми, то съ того, кто обезчеститъ другаго *непригожимъ* словомъ, доправлялось безчестіе по Государеву указу ([390]). Если же боярина, окольничаго и думнаго человѣка обезчеститъ стольникъ, стряпчій, дворянинъ Московскій, гость, дьякъ, жилецъ, дворянинъ или сынъ боярскій городовый, иноземецъ или дворовый человѣкъ, то должны были заплатить безчестіе; если же обидчику нечѣмъ было заплатить, то онъ подвергался наказанію кнутомъ ([391]); если же боярина, окольничаго и думнаго дьяка обезчестилъ словомъ гостинной, суконной и черной сотенъ и слободъ тяглый человѣкъ, стрѣлецъ, казакъ, пушкарь или монастырскій слуга, холопъ боярскій или кто другой, то они за безчестіе подвергались наказанію кнутомъ и сажались въ тюрьму на двѣ недѣли ([392]). Если же будетъ обезчещенъ стольникъ, стряпчій, дворянинъ Московскій, дьякъ, жилецъ, дворянинъ или сынъ боярскій городовой, иноземецъ, дворовый человѣкъ или подъячій, то за обиду, тѣ, которые верстаны Государевымъ денежнымъ жалованьемъ, получали въ безчестіе этотъ окладъ ([393]). Именитые люди Строгановы, за обиду получали сто рублей, гости пятьдесятъ рублей, человѣкъ гостинной сотни большой статьи двадцать рублей, средней статьи пятнадцать рублей, суконной сотни большой статьи пятнадцать рублей, средней статьи десять рублей, меньшей статьи и люди казенныхъ слободъ пять рублей; черныхъ сотенъ и слободъ и посадскимъ тяглымъ лучшимъ людямъ платилось по семи рублей человѣку, средней — по шести, меньшей статьи по пяти рублей, ямскимъ охотникамъ тоже пять рублей; черныхъ же волостей Государевыхъ и дворцовыхъ селъ крестьяне получали по рублю ([394]). Обидою словомъ тоже почиталось, если кто назоветъ кого незаконнорожденнымъ; если обиженный не былъ незаконнорожденнымъ, то получалъ безчестіе вдвое безъ всякой пощады ([395]).

Правило заимствованное изъ Литовскаго Статута ([396]). Виновность обидчика усиливалась, если кого онъ обезчестилъ словомъ въ церкви; кромѣ безчестія, онъ сажался за безчинство въ тюрьму на мѣсяцъ ([397]).

Относительно вознагражденія лицъ женскаго пола, Уложеніе принимаетъ правило Судебника, по которому жена получала за безчестіе вдвое противъ мужа ([398]). Постановленіе это тоже встрѣчается въ Статутѣ Литовскомъ ([399]). О вознагражденіи же за безчестіе дѣтей, въ судебникѣ ничего не было сказано, и Уложеніе пополняетъ этотъ недостатокъ; оно велитъ дочерямъ незамужнимъ, *дѣвкамъ*, платить вчетверо противу оклада отца, а сыну неверстанному половину противу отцовскаго оклада ([400]).

Наконецъ, къ послѣднему роду нарушеній правъ личныхъ слѣдуетъ отнести покушеніе на цѣломудріе женщинъ и увозъ изъ дому; виновные въ томъ, т. е. тѣ, которые съ этимъ умысломъ пріѣдутъ въ чужой домъ, подвергались смертной казни, и вмѣстѣ съ ними люди, которые вмѣсто того, чтобы защищать госпожу свою, будутъ дѣлать имъ помощь, тоже подвергались смертной казни ([401]). Это правило заимствовано изъ градскихъ законовъ ([402]).

3). *О клеветѣ.*

Уложеніе приняло по большей части главнымъ основаніемъ наказаній за клевету правила, изложенныя въ Церковныхъ законахъ, въ которыхъ сказано: »клеветницы, аще оклевещутъ кого, да осуждены будутъ тою же »страстію« ([403]). »Во всяку прю и клеветы и шепты, достоитъ князю и судіи »не послушати без свидѣтель многъ, но глаголати къ соперникомъ и клевет»никомъ и шепотникомъ, аще не поставите послуховъ, якоже законъ Божій »велитъ пріяти тоуже казнь, чайте юже и на друга глаголете: Божій законъ »тако велитъ ([404])«. Это послѣднее правило помѣщено тоже въ такъ называемыхъ Узаконеніяхъ Константина ([405]). На этомъ основаніи тотъ, кто на кого доводилъ великое Государево дѣло или измѣну, за которыя, какъ мы уже видѣли, полагалась смертная казнь и не довелъ сихъ преступленій, и если сыщется, что онъ такое дѣло затѣялъ на кого напрасно, подвергался тому же наказанію, которое *довелось* бы тому, на кого онъ доводилъ ([406]). Воеводамъ и приказнымъ людямъ, которые *отпишутъ* Государю ложно на служилыхъ или другихъ людей, что они приходили къ нимъ скопомъ, заговоромъ и хотѣли ихъ убить (за что тоже полагалась смертная казнь), чинилось жестокое наказаніе по указанію Государя ([407]). Кто поклеплетъ напрасно ратныхъ людей въ воровствѣ, грабежѣ, разбоѣ, насильствѣ и убійствѣ, тотъ

подвергался такому наказанію, въ какомъ было бы *быть* тому, кого онъ такимъ дѣломъ поклепалъ (408). Челобитчикъ, который напрасно затѣялъ на судью, что онъ его обвинилъ не по дѣлу, а по посуламъ, подвергался тому же наказанію какъ лихоимецъ: то есть нещадному наказанію кнутомъ, платилъ обиженному безчестіе втрое, и сажался въ тюрьму до Государева указу (409). Челобитчики, которые сами будутъ причиною промедленія производства по ихъ дѣлу, а будутъ жаловаться на дьяковъ и подъячихъ, что отъ нихъ дѣлаются имъ волокиты, подвергались тому же наказанію какое постановлено было дьякамъ и подъячимъ за умышленную проволочку, которая состояла въ томъ, что со дня начатія дѣла по день прошенія взыскивались волокиты по двѣ гривны въ день и дьяки подвергались наказанію батогами, а подъячіе кнутомъ (410). Если приставъ или понятые затѣютъ напрасно дѣло на тѣхъ людей, за которыми они были посланы, что ихъ били и безчестили, или, если они скажутъ, что они *учинилися сильны*, то приставовъ и понятыхъ наказывали кнутомъ, да сверхъ того съ понятыхъ брали въ Государеву казну пени по два рубли съ человѣка (411), т. е. имъ опредѣлялось тоже наказаніе, какому подвергались крестьяне за оскорбленіе пристава и понятыхъ; вся разница заключалась только въ томъ, что безчестіе вдвое платилось битымъ, а положенные съ понятыхъ два рубля, составлявшіе двойное безчестіе, положенное за крестьянъ, поступало не къ оклеветаннымъ, а въ пользу Государевой казны. Обвинявшій неправильно свидѣтеля въ ложномъ показаніи, подвергался тому же наказанію, какому подвергался свидѣтель за ложное показаніе, т. е. били его кнутомъ нещадно и онъ долженъ былъ заплатить безчестіе свидѣтелю въ замѣнъ убытковъ, которые долженъ былъ внести свидѣтель за ложное показаніе (412). Если истцы оподличили сильно приводнаго человѣка, то подвергались жестокому наказанію кнутомъ при многихъ людяхъ, и съ ополичившихъ взыскивалось безчестіе вдвое (413). Правило, заимствованное изъ древняго законодательства, и помѣщенное въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа (414). Выемщики, употребляемые для отысканія корчемнаго вина, подговаривавшіе другихъ ложно показывать на людей, которымъ не велѣно было у себя держать питей, что у нихъ найденъ этотъ запрещенный предметъ, подвергались наказанію кнутомъ на козлѣ, чтобы имъ впередъ неповадно было такъ дѣлать (415). Это наказаніе равнялось строжайшему тѣлесному наказанію, которому корчемники подвергались за изобличеніе въ четвертый разъ въ корчемствѣ.

4). *Объ угрозахъ.*

Если кто помѣстный, вотчинный, имянной и прожиточный человѣкъ похвалялся на кого убійствомъ, и тотъ на кого онъ похвалялся билъ челомъ Государю, чтобы Государь велѣлъ ему на похваляющагося дать Опасную грамоту *съ большою заповѣдью*, тысячь въ пять, шесть и семь и больше, то велѣно было давать эму Опасную Грамоту; и если похвалявшійся убьетъ взявшаго Опасную Грамоту, то сверхъ смертной казни, съ имѣнія убійцы взыскивалась заповѣдь въ количествѣ, означенномъ въ грамотѣ и одна половина отдавалась женѣ, дѣтямъ, роду или племени убитаго, а другая поступала въ Государеву казну; когда же похвалявшійся ранилъ, но не убилъ, то въ пользу раненаго бралось безчестіе, смотря по человѣку, убытки по сыску и заповѣдь, которая раздѣлялась на двѣ половины: одна въ пользу раненнаго, а другая въ пользу Государевой казны. Если же у виновнаго не было столько имущества, чтобы заплатить всего положеннаго по заповѣди, то взыскивалось все то, что можно было съ него получить и дѣлилось между обиженнымъ и казною, а въ недостающемъ онъ отдавался на *правежъ*, на которомъ велѣно было бить его безъ всякой пощады, не для того, чтобы достальныя деньги взять, но для того, чтобы на то смотря, другимъ неповадно было воровать; если же взявшій опасную грамоту самъ учинитъ то, противу чего онъ просилъ, то и онъ наказывался такъ какъ положено было о тѣхъ, противу которыхъ взяты были опасныя грамоты [416]. Если же похвалившійся былъ безпомѣстный и безвотчинный или иноземецъ кормовой, и похвалялся на кого смертнымъ убійствомъ вглаза или заглаза, и тотъ, противу котораго похвалялся, будетъ въ томъ бить челомъ Государю, то похвалившійся по изобличеніи въ этомъ, сажался въ тюрьму на три мѣсяца, послѣ окончанія положеннаго срока заключенія долженъ былъ выдать запись, что онъ не сдѣлаетъ никакого *дурна* тому, противу котораго похвалялся; учинившій смертоубійство, не смотря на выданную запись, подвергался смертной казни [417]. Если кто похвалялся на другаго какимъ нибудь лихимъ дѣломъ, въ намѣреніи сжечь домъ или гумно съ хлѣбомъ или нанести другой убытокъ, то лице, противу котораго сдѣлана похвальба, должно было являть окольнымъ людямъ а въ приказахъ подавать письменныя явки; похвалявшійся отдавался на крѣпкія поруки въ томъ, что онъ не будетъ дѣлать такихъ лихихъ дѣлъ. А если онъ поручителей не находилъ, то сажался въ тюрьму, пока не представитъ, когда же послѣ представленія порукъ, у того, противу котораго онъ похва-

лялся, будутъ сожжены домъ или гумно, или когда причинятъ ему убытки какіе небудь невѣдомые люди, то пытали похвалявшагося. Если онъ съ пытки винился, то долженъ былъ пополнить всѣ убытки, а чего нельзя было доправить съ него, доправляли съ поручителей; еслиже похвалявшійся бѣжалъ, то всѣ убытки доправлялись съ поручителей; если же похвалявшійся съ пытки не винился, то оставался свободнымъ отъ того дѣла, а что онъ подвергался пыткѣ, въ томъ долженъ былъ винить самъ себя потому что, *на что было ему похволяться лихими дѣлы* (418). Основаніемъ всѣхъ этихъ сложныхъ правилъ объ угрозахъ, былъ Литовскій Статутъ.

ОТДѢЛЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ ПРАВЪ СЕМЕЙСТВА.

Сынъ или дочь, если отнимутъ насильственнымъ образомъ имущество родителей или, не почитая родителей или избывая, начнутъ извѣщать какія либо злыя дѣла, или если дѣти не будутъ почитать и кормить родителей въ ихъ старости и ничѣмъ не будутъ ихъ ссужать, то по жалобѣ родителей, дѣтямъ чинилось жестокое наказаніе; ихъ били нещадно кнутомъ и приказывалось быть въ полномъ послушаніи у родителей безъ всякаго прекословія, а извѣту ихъ не велѣно вѣрить (419). Дѣтямъ запрещалось давать судъ противу ихъ родителей и за челобитіе на нихъ подвергались наказанію кнутомъ, и отдавались родителямъ (420).

ОТДѢЛЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ ПРОТИВУ СОБСТВЕННОСТИ ЧАСТНЫХЪ ЛИЦЪ.

1). *О разбоѣ.*

Выше было уже замѣчено нами, что подъ именемъ разбоя въ древнія времена понимали не только грабежъ и насильственное завладѣніе чужимъ имуществомъ, но даже и смертоубійство. Съ начала XV столѣтія разбой на-

чали отличать отъ смертоубійства, названнаго душегубствомъ, и отъ грабежа менѣе тяжкаго преступленія. Разбой преимущественно означалъ открытое нападеніе, производимое какъ ремесло шайкою злодѣевъ, все равно, соединялось ли оно съ смертоубійствомъ, или ограничивалось непосредственнымъ достиженіемъ своей цѣли, т. е. отнятія чужой собственности. Этотъ родъ преступленія былъ самымъ употребительнѣйшимъ въ Россіи, и Великіе Князя должны были принять самыя рѣшительныя мѣры противу него, назначивъ для вѣдѣнія этихъ дѣлъ особыя Установленія. Въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ не прекращались жалобы на безпрерывные разбои, чему подвержены были и многія другія Славянскія земли [421]. Въ доказательство мы можемъ привести свидѣтельство древнихъ писателей [422] и сослаться на мнѣніе ученаго послѣдователя Исторіи нашего Права г. Морошкина [423]. Мы знаемъ изъ Лѣтописи, что когда Св. Владиміръ уничтожилъ смертную казнь, назначенную за разбой, то число разбойниковъ умножилось и что по совѣту Епископовъ, которые, когда спросили его: »для чего не караешь злодѣйства »? получили въ отвѣтъ: »Боюсь гнѣва »небеснаго«; смертная казнь была опять возстановлена. Епископы сказали ему: »ты поставленъ Богомъ на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе. Должно ка»рать преступника, но только съ разсмотрѣніемъ«. Не смотря на это, разбои продолжались въ теченіе всего періода удѣловъ, уменьшаясь только въ правленіе твердыхъ Государей, какъ то: при Іоаннѣ Калитѣ, который освободилъ Великое Княженіе отъ грабителей внѣшнихъ и внутреннихъ, возстановилъ безопасность собственности и личною строгостью казнилъ нарушителей порядка, *злодѣйственныхъ разбойниковъ, хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ земли своя* [424]. Карамзинъ говоритъ [425], что со времени Василія Ярославича до Іоанна Калиты, отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на Государство: сила казалась правомъ; кто могъ — грабилъ, не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности. Причины этому явленію были: 1) малонаселенность Россіи, которая была покрыта въ древности лѣсами, гдѣ разбойники удобно могли укрывать свою добычу, и гдѣ легко могли укрываться отъ преслѣдованій и отъ заслуженнаго наказанія; 2) безпрерывные споры удѣльныхъ князей, которые препятствовали водворенію тишины, безопасности и спокойствія въ ихъ княжествахъ; 3) сосѣдство и набѣги кочевыхъ народовъ, которые искали въ Россіи болѣе добычи, нежели власти; 4) набѣги Новгородской вольницы, отъ которой трепетали самыя отдаленныя области Россіи; 5) несовершенство управленія и системы всего судопроизводства: на-

мѣстники, отправляемые на *кормленіе*, не обращали должнаго вниманія на всѣ предметы управленія ввѣряемыхъ имъ областей. Они преимущественно преслѣдовали душегубство и другія преступленія, которыя могли доставить имъ значительный доходъ; когда же съ этимъ не были сопряжены собственныя выгоды, они не всегда удовлетворяли жителей въ ихъ требованіяхъ. Это было поводомъ къ частнымъ ссорамъ городскихъ и сельскихъ жителей съ намѣстниками и жалобъ Великимъ и удѣльнымъ князьямъ. Для отклоненія неудобствъ управленія, князья выдали много привиллегій духовнымъ, свѣтскимъ лицамъ высшихъ сословій и волостнымъ людямъ; одно изъ существеннѣйшихъ преимуществъ этихъ привилегій были: пріобрѣтаемое право судить или избирать изъ среды своей судей для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Въ составъ привилегій не входило право суда по дѣламъ, относящимся къ душегубству, разбою и татьбѣ съ поличнымъ, которыя оставались за верховною властью или ея установленіями. Кажется, что причиною къ этому исключенію было желаніе удержать за собою доходы, которые получались отъ дѣлъ сего рода, а съ другой — опасенія, чтобы лица, получившія власть вѣдать важнѣйшія уголовныя преступленія, не употребили во зло своей власти. Это продолжалось до Іоанна IV, въ царствованіе котораго, такъ какъ разбои не прекращались, то не только сельскіе, но и городскіе жители безпрестанно жаловались на множество разбойниковъ, которые не давали покоя путешественникамъ, тревожили мирныхъ и осѣдлыхъ жителей, жгли и разбивали селенія, грабили имущество въ домахъ и на дорогахъ, и тѣмъ были еще опаснѣе, что имѣли въ селеніяхъ притоны у жителей, которые не только ихъ скрывали, но даже помогали сбывать награбленную рухлядь. Государь хотѣлъ прекратить зло и посылалъ изъ Москвы *обыщиковъ*, для водворенія безопасности и казни разбойниковъ; но отъ этого распоряженія зло не уменьшалось, а напротивъ увеличивалось. Бѣдные жители жаловались, что разбои не прекращаются, а обыщики Царскіе причиняютъ имъ *волокиту и убытки*, умоляли Царя, позволить имъ самимъ ловить разбойниковъ (426). Наконецъ, какъ единственную мѣру для отклоненія зла, Царь установилъ устройство губныхъ старостъ, которымъ поручены были дѣла по разбою и татьбѣ.

Въ Судебникѣ велѣно было вѣдомыхъ воровъ, т. е. татей и разбойниковъ отдавать губнымъ старостамъ, которымъ велѣно было *опричь* вѣдомыхъ воровъ и разбойниковъ у намѣстниковъ не вступаться ни во что, а судить людей имъ подсудныхъ по губнымъ грамотамъ (427). Древнѣйшія губ-

ныя грамоты по времени изданія изъ дошедшихъ къ намъ суть Бѣлозерская и Каргопольская: обѣ писанныя въ 1539 г. Октября 25 дня (428); въ нихъ предоставлено было губнымъ старостамъ, лихихъ людей, разбойниковъ обыскивать и *доведши* на нихъ разбой, бить кнутомъ и казнить смертію: такую власть, какъ самъ Государь говоритъ: »что, есми положилъ на вашихъ ду» шахъ, а вамъ отъ меня опалы въ томъ нѣту и отъ нашихъ намѣстниковъ и » отъ волостелей въ томъ продажи вамъ нѣту«. На будущее время тоже по симъ грамотамъ велѣно было разбойниковъ казнить смертію съ ихъ товарищами, на которыхъ разбойники скажутъ, что съ ними разбивали тѣхъ лихихъ людей, къ которымъ разбойники имѣютъ пріѣзды. Подворья, животы и статки казненныхъ разбойниковъ, велѣно отдавать тѣмъ людямъ, которыхъ разбойники разбивали. Старосты, если ихъ не казнили, а выпускали и норовили имъ, должны были заплатить иски *разбитыхъ* людей вдвое, и сверхъ того были въ казни и продажѣ отъ Государя. Въ Губной Соль-Галицкой грамотѣ 1540 г. Августа 31, наказанія за разбой опредѣлены тѣже, только относительно наказанія кнутомъ, которое предшествовало смертной казни, постановлено было, чтобы бить по всѣмъ торгамъ (429). Содержаніе двухъ губныхъ грамотъ селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергѣева монастыря 1541 г. Октября 23 и Ноября 24 (430), относительно наказаній вполнѣ согласно съ предшествующими. Губный наказъ селамъ Кирилова монастыря 1549 г. Сентября 27 (431), есть повтореніе того, что постановлено въ предшествовавшихъ губныхъ грамотахъ; впрочемъ; этотъ актъ весьма примѣчателенъ, потому что въ немъ кромѣ наказаній за разбой, полагаются отдѣльно наказанія за татьбу, чего нѣтъ въ предшествовавшихъ грамотахъ. Примѣчательнѣе другихъ губныхъ грамотъ по своей полнотѣ есть Царскій наказъ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ 1571 г. Марта 12 (432). Этотъ наказъ напечатанъ въ Русскихъ Достопамятностяхъ (433), подъ именемъ губной грамоты, данной отъ Царя Іоанна Васильевича Бѣлозерцамъ, по списку присланному въ Общество знаменитымъ изслѣдователемъ исторіи Русскаго права, Высокопреосвященнымъ Евгеніемъ, Митрополитомъ Кіевскимъ и украшенъ его примѣчаніями. Этотъ наказъ чрезвычайно важенъ для исторіи Русскаго Уголовнаго судопроизводства, такъ какъ въ немъ заключаются подробныя правила производства слѣдствія надъ разбойниками и опредѣлена сила доказательствъ противу нихъ. Въ этой губной грамотѣ, для Уголовнаго права замѣчательны слѣдующія постановленія: человѣкъ, который самъ на себя говорилъ въ разбояхъ, подвергался смертной казни; кого языкъ

(т. е. преступникъ подвергаемый пыткѣ) обвинялъ въ разбоѣ, и когда по обыску обвиняемый, будетъ признанъ лихимъ человѣкомъ, тотъ тоже подвергался смертной казни. Люди, обвиняемые истцами въ разбоѣ, противу которыхъ языки въ разбояхъ не говорятъ, для уличенія которыхъ истцы кромѣ поличнаго ничего представить не могли, и которые на обыскѣ будутъ признаны лихими людьми, но что именно лихаго сдѣлали не скажутъ, а сами же въ разбоѣ не признаются, подвергались тюремному наказанію по смерть, а изъ животовъ ихъ отдавалась истцу половина иска. Человѣкъ, который будетъ обвиненъ въ разбоѣ *языкомъ*, а самъ не признавшійся въ разбоѣ, если былъ одобряемъ повальнымъ обыскомъ, освобождался отъ взысканія; но если на обыскѣ половина людей назоветъ его добрымъ, а другая лихимъ, сажался въ тюрьму по смерть; если же открывался на немъ разбой, то подвергался смертной казни; а съ обыскныхъ людей, которые его одобряли, бралась *выть*.

Въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа (434) изложено въ полнотѣ все относящееся къ разбойнымъ и татинымъ дѣламъ. Въ правилахъ этой книги и въ губныхъ грамотахъ замѣтно совершенное сходство, которое происходило отъ того, что Разбойный Приказъ, между прочимъ, былъ обязанъ составлять губные наказы; само собою, что Уставная книга гораздо полнѣе губныхъ грамотъ, которыя, можно сказать, были извлеченіемъ изъ оной. Въ Уставной книгѣ встрѣчаемъ слѣдующія правила о разбоѣ: человѣкъ, обвиненный языкомъ и облихованный въ обыскѣ, подвергался смертной казни, если же оговоренный по язычнымъ *молкамъ* и облихованный по обыску не сознавался въ разбоѣ, то сажался въ тюрьму по смерть; если же обвиняли два или три языка, а на обыскѣ говорили, что обвиняемый разбойникъ, то онъ подвергался смертной казни. Въ 9-й статьѣ Уставной книги сказано, что при Царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ данъ былъ въ Разбойный Приказъ боярскій приговоръ, чтобъ тѣхъ людей, которые въ разбоѣ съ пытокъ не сознавались, смертью не казнить, а сажать въ тюрьму по смерть. А въ 10-й статьѣ, что при Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ данъ былъ боярскій приговоръ, чтобы казнить тѣхъ только разбойниковъ, которые при разбоѣ учинили убійство или пожегъ, или были на трехъ разбояхъ, а тѣхъ, которые были на двухъ или на одномъ, сажать въ тюрьму до Указу. Людей, на которыхъ говорили въ *станѣхъ и пріѣздахъ*, *въ подводѣ и въ поноровкѣ*, велѣно наказывать какъ разбойниковъ.

Въ Уложеніи глава XXI о разбойныхъ и о татиныхъ дѣлахъ, основана преимущественно на древнемъ загонодательствѣ; а потому почти всѣ постановленія о разбоѣ основаны на губныхъ грамотахъ, въ особенности же

на Уставной книгѣ. Впрочемъ, есть нѣкоторыя измѣненія и пополненія; важнѣйшія измѣненія относятся къ самому наказанію. Замѣчательно употребленіе отсѣченія нѣкоторыхъ членовъ, какъ средство постоянной улики разбойника и употребленіе осужденныхъ на работы вмѣсто пожизненнаго содержанія въ тюрьмѣ, къ чему побужденіемъ были административные виды, преимущественно же неудобства отъ значительнаго накопленія арестантовъ по тюрьмамъ.

Разбойникъ за первый разбой наказывался отрѣзаніемъ праваго уха, сажался въ тюрьму на три года, а имущество его отдавалось въ выть истцу; во время содержанія въ тюрьмѣ виновный *вынимался* изъ тюрьмы и посылался въ кандалахъ работать *всякое издѣлье*, гдѣ Государь указывалъ. По прошествіи положенныхъ лѣтъ, онъ посылался въ Украинскіе города по указанію Государя, а на Украйнѣ велѣно было ему быть *въ какой чинъ пригодится.* При выпускѣ изъ тюрьмы, преступнику давались письма за дьячею приписью, въ томъ, что онъ, за свое преступленіе урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ (435). За вторичный разбой преступникъ подвергался смертной казни, а имущество его отдавалось въ выть истцу (436); если же разбой сопровождался убійствомъ и пожаромъ, то виновные, *хотя бы были въ первомъ разбоѣ,* подвергались смертной казни (437). Кто укрывалъ или держалъ такихъ людей, у которыхъ уши рѣзаны и у которыхъ письма не было въ томъ, что изъ тюрьмы выпущены, съ того брали десять рублей (438). Животы разбойничьи оцѣнивались и отдавались въ платежъ истцамъ (439); если разбойникъ признавался въ томъ, что взялъ изъ имущества истца, то оно возвращалось истцу (440); но если разбойникъ сказывалъ что не упомнитъ того, что взялъ на разбоѣ, то истецъ получалъ четвертую часть означеннаго въ прошеніи своемъ (441); оставшееся изъ имущества разбойника за удовлетвореніемъ истцовъ, продавалось на Государя (442). Пойманный на разбоѣ, если на себя не говорилъ даже съ пытки, но если въ обыскѣ былъ облихованный и съ другой пытки не говорилъ на себя, то подвергался тюремному заключенію (443). Изобличенные въ *станѣхъ* и въ *пріѣздахъ*, въ *подводѣ* и въ *поноровкѣ* наказывались какъ разбойники (444). Принявшіе въ поклажу разбойную и татиную рухлядь, должны были заплатить истцовый искъ, и сверхъ того отдавались на поруки; если же порукъ не имѣли, то сажались въ тюрьму (445).

2). *О татьбѣ.*

Подъ именемъ татьбы понималось похищеніе собственности. Особый видъ воровства, когда преступникъ похищалъ чужую собственность, находившуюся подъ замкомъ, назывался *татьбою съ поличнымъ*; въ древнихъ актахъ поличное опредѣляется слѣдующимъ образомъ: »а поличное то, что выимутъ »изъ клѣти изъ за замка; а наидутъ что въ дворѣ, или въ пустой хороминѣ, »а не за замкомъ, ино то не поличное« (446). Хозяинъ вещи, заставъ вора на мѣстѣ преступленія, пользовался правомъ самозащищенія въ томъ случаѣ, когда жизни его угрожала опасность. Еще въ Русской правдѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія постановленія: »аже убьютъ огнищанина у клѣти или у коня у »говяда или у коровьѣ татьбы, то убити въ пса мѣсто, а тоже поконъ и тивуницу« (447). »Аще убьютъ татя на своемъ дворѣ, любо у клѣти или у »хлѣва, то той убитъ, аще ли до свѣта держатъ то вести на княжь дворъ, оже»ли убьютъ, а люди видѣли связанъ, то платити въ немъ (448)«. Если съ одной стороны позволялось хозяину пользоваться правомъ самозащищенія, то съ другой стороны запрещалось самоуправство и самовольныя сдѣлки, имѣвшія цѣлію освобожденіе виновнаго отъ наказанія и считались также преступленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *самосуда*, опредѣляемаго въ грамотахъ слѣдующимъ образомъ: »а самосудъ то, кто поимаетъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ его »прочь, а намѣстникомъ и ихъ тіуномъ неявя, а его въ томъ уличатъ, ино то »самосудъ; а опричь того самосуда нѣтъ (449)«. За самосудъ владѣлецъ вещи подвергался денежному взысканію въ пользу намѣстника или волостеля, которые имѣли исключительное право суда надъ татьбою съ поличнымъ. Наказанія за татьбу были слѣдующія: въ Уставной Двинской грамотѣ Великаго Князя Василія Дмитріевича (450) сказано: »а татя впервые продати противу поличнаго«, т. е. наказать денежнымъ штрафомъ, равняющимся цѣнѣ покраденной вещи, »а въ другіе уличатъ, продадутъ эго нежалуя, а уличатъ въ третьые ино по»вѣсити; а татя всякаго пятнити«. Въ Уставной Бѣлозерской грамотѣ находимъ слѣдующія слова: »А доведутъ на кого татьбу, или разбой или душе»губство и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити; а тотъ раз»бойникъ или душегубецъ намѣстникомъ въ продажѣ и въ казни (451)«. Въ Уставной грамотѣ Дмитровскаго князя Юрія Іоанновича, Каменскаго стана бобровникамъ сказано: (452) »А доведутъ на кого татьбу, или разбой, или ду»шегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дѣло и ловчей мой ве»литъ на виноватомъ истцово доправити; а виноватый въ казни и въ прода-

»жѣ ловчему и тіуну, а которой будетъ тать, или убойца или ябедникъ вѣдомой »лихой человѣкъ, а ловчей мой велитъ заплатити истцово изъ его статковъ, а того »лихого человѣка велитъ казнити смертною казнею; а не будетъ у которого ли»хого статка, чѣмъ истцово заплатити, и ловчей мой того лихаго человѣка истцу »въ его гибели не выдаетъ, а велитъ его казнити смертною казнію«. Въ Судебникѣ Царя Іоанна IV велѣно было татей, если они были лихіе люди, казнить смертію намѣстникамъ или волостелямъ, которые обязаны были доправить истцовое изъ его статка; а то, что оставалось, предоставлено было въ ихъ пользу вмѣстѣ съ ихъ тіунами (453). Замѣчательно, что по судебнику дѣла по татьбѣ и душегубству, предоставлены еще намѣстникамъ и волостелямъ, не смотря на то, что разбойныя дѣла состояли уже въ вѣдѣніи губныхъ старостъ. Впрочемъ, этотъ порядокъ дѣлъ не долго продолжался потому, что въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря (454), въ Царскомъ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ (455) и въ губной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю (456), татебныя дѣла переданы тоже вѣдомству губныхъ старостъ. По Уставной книгѣ Разбойнаго приказа и по Уложенію, татьба вѣдалась въ тѣхъ самыхъ учрежденіяхъ, что и разбой. Изъ всего видно, что Царь Іоаннъ IV прежде исключилъ дѣла разбойныя отъ подсудности намѣстниковъ и волостителей, чѣмъ дѣла татебныя; чему доказательствомъ служитъ не только судебникъ, но и губныя грамоты Бѣлозерская и Каргопольская 1539 года Октября 23 дня и губная Соль-Галицкая грамота 1540 Августа 31, и обѣ губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря 1541 Октября 23 и Ноября 25, въ которыхъ предоставлены губнымъ старостамъ однѣ разбойныя дѣла. Изъ дошедшихъ къ намъ актовъ въ первый разъ, въ губномъ наказѣ селамъ Кириллова монастыря, выражено предоставленіе губнымъ старостамъ дѣлъ татебныхъ. Вотъ слова сего наказа: »А съ татьми »ми бы есте управу чинили: котораго татя поимаютъ и приведутъ къ Вамъ »къ старостамъ къ губнымъ, а поимаютъ его въ волости или въ которомъ »селѣ, и выбъ старосты губные того татя судили въ волостели тѣхъ волос»тей, а коли не будетъ въ тѣхъ волостѣхъ волостелей, и волостелины бы тіу»ны судили тѣхъ татей съ вами съ старостами съ губными и котораго татя »поимаютъ на первой татьбѣ, а досудите до вины, и вы бъ на томъ татѣ »доправя истцовы иски отдавали истцамъ, а въ продажѣ тотъ тать намѣст»нику и волостелемъ и ихъ тіуномъ; и какъ намѣстники и волостели и ихъ »тіуни на татѣ продажу свою учинятъ и вы бъ старосты губные тѣхъ татей »велѣли, бивъ кнутомъ, да выбити ихъ изъ земли вонъ. А поимаютъ того

»жъ татя съ другою татьбою, а доведутъ на него другую татьбу и выбъ на »томъ татѣ велѣли истцовы иски доправить изъ его животовъ и статковъ, да »того татя велѣли бивъ кнутьемъ да отсѣчь у него руку; а въ продажѣ бы »того татя отдавали волостелемъ и ихъ тіуномъ, и какъ тому татю волостелю »и ихъ тіуны продажу свою учинятъ и выбъ старосты губные того татя ве»лѣли выбити изъ земли вонъ. А поимаютъ того же татя съ третьею татьбою »съ поличнымъ, и доведутъ на него третью татьбу, и будетъ тотъ тать вѣдо»мой лихой, и вы бы истцевы иски дали истцемъ изъ его животовъ и стат»ковъ; а что тѣхъ татиныхъ животовъ остапется у исковыхъ исковъ и выбъ »досталь тѣхъ татиныхъ животовъ отдавали волостелемъ и ихъ тіуномъ за »ихъ пошлину: а того бы есте татя велѣли, бивъ кнутомъ да казнивъ смерт»ною казнью, повѣсити въ тѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ котораго татя поимаютъ съ »татьбою« (457). Въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа установлены слѣдующія наказанія для татей: если приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу то онъ подвергался наказанію кнутомъ и отдавался на чистую поруку, а если не находилъ поруки, сажался въ тюрьму пока оной не представитъ, а животы его отдавались въ исцовые иски въ выть (458). Когда же тать былъ изобличенъ въ двухъ татьбахъ, то онъ подвергался наказанію кнутомъ и отсѣченію руки, а животы его отдавались истцамъ въ выть (459). Тать, изобличенный въ трехъ татьбахъ или болѣе, подвергался смертной казни, а животы его отдавались истцамъ въ выть (460); церковные тати наказывались смертною казнію и животы ихъ отдавались въ церковные татьбы (461).

Въ Уложеніи встрѣчаемъ слѣдующія постановленія противу татьбы: тать изобличенный въ одной татьбѣ, за первую татьбу подвергался наказанію кнутомъ, отрѣзанію лѣваго уха, и сверхъ того сажался въ тюрьму на два года, а животы его отдавались истцамъ въ выть; во время же содержанія въ тюрьмѣ, онъ посылался въ кандалахъ работать *на всякія издѣлья*, гдѣ Государь указывалъ. По истеченіи положеннаго срока тюремному содержанію, тать посылался въ Украинскіе города, гдѣ поступалъ въ такой *чинъ*, *куда пригодится* и давалось ему письмо за дьячею приписью, что онъ за свое воровство урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ (462). Тать, изобличенный въ двухъ татьбахъ, подвергался наказанію кнутомъ, отрѣзанію праваго уха, и сажался въ тюрьму на четыре года, въ продолженіи которыхъ работалъ на Государевыхъ издѣліяхъ; по истеченіи же урочныхъ лѣтъ ссылался въ Украинскіе города и получалъ письмо въ томъ, что отсидѣлъ въ тюрьмѣ опредѣленный срокъ (463). За третью татьбу, тать подвергался смерт-

ной казни ([464]), каковому наказанію подвергались и Церковные тати и тати, совершившіе убійство ([465]).

Наконецъ встрѣчаемъ въ Уложеніи одно общее наказаніе за прочіе роды воровства и за разные лживые поступки, а именно: велѣно было *мошенникамъ* чинить тотъ указъ, какой указано было чинить татямъ за первую татьбу ([466]).

3). *О насильственномъ завладѣніи, истребленіи и поврежденіи чужаго имущества.*

Сравнивая то, что сказано объ этомъ предметѣ въ Уложеніи съ Литовскимъ Статутомъ, замѣтно, что Уложеніе пользовалось преимущественно раздѣлами X и XIII Статута. Разсматривая этотъ отдѣлъ преступленій и проступковъ, подобно какъ и прежде, мы будемъ указывать на тѣ артикулы, изъ которыхъ составители Уложенія заимствовали матеріалы для вводимыхъ ими постановленій въ Русскомъ правѣ.

Если чужой скотъ или лошади повредятъ хлѣбъ или будутъ найдены на кошеныхъ лугахъ, то помѣщикъ или владѣлецъ земли долженъ былъ о томъ явить стороннимъ людямъ и послать къ хозяину скота, чтобы онъ, пришедъ съ сторонними людьми, досмотрѣлъ потравленный хлѣбъ или луга; если онъ платилъ убытокъ, то владѣльцу земли предоставлялось, удержавъ захваченный скотъ, бить челомъ Государю, и искать судомъ убытковъ. Судъ опредѣлялъ возвращеніе убытковъ и прокорма по смѣтѣ обиженной стороны; да сверхъ того, съ виновнаго взыскивалось вдвое пошлины съ суднаго дѣла ([467]). Эта статья совершенно сходна съ Литовскимъ Статутомъ, съ тою только разницею, что по его постановленіямъ, если виновный допускалъ дѣло до суда, то убытки взыскивались вдвое въ пользу обиженной стороны ([468]); но если владѣлецъ земли загонитъ изъ своего хлѣба или луговъ въ свой дворъ чужой скотъ, и держа въ заперти, голодомъ уморитъ, то съ него доправлялась стоимость животныхъ по указной цѣнѣ. Впрочемъ, если кто прежде торговалъ животное и давалъ больше денегъ, чѣмъ было положено въ указной цѣнѣ, то виновный обязанъ былъ заплатить столько, сколько предлагали покупатели ([469]); такому взысканію подвергался и тотъ, кто безвинно, насильственнымъ образомъ загонитъ чужой скотъ ([470]). Стоимость же животныхъ по указной цѣнѣ была слѣдующая: конь цѣнился 8 рублей, кобыла Ногайская 6 руб., жеребенокъ Ногайскій 3 руб., меринъ 4 руб., кобыла Русская 3 руб., жеребенокъ и кобыла Русская трехъ лѣтъ полтора рубля, корова и быкъ 2 руб.,

теленокъ годовой 20 алтынъ, свинья или боровъ кормленый 20 алтынъ, поросенокъ однолѣтній 5 алтынъ, овца 6 алтынъ 4 деньги, баранъ 5 алтынъ, баранъ молодой 3 алтына, козелъ четырехъ или пяти лѣтъ полтина, козелъ трехъ лѣтъ 20 алтынъ 2 деньги, козленокъ молодой 3 алтына, гусь живой 3 алтына 2 деньги, гусь битый 2 алтына, утка битая 8 денегъ, кура индійская 6 алтынъ 4 деньги, курица Русская 8 денегъ ([471]). За уморепіе голодомъ захваченнаго скота въ Литовскомъ Статутѣ полагается тоже удовлетвореніе, какъ въ Уложеніи ([472]), и тоже опредѣлена указная цѣна всѣмъ домашнимъ животнымъ ([473]). Если кто, имѣя намѣреніе завладѣть насильственнымъ образомъ чужою землею, посѣетъ на ней хлѣбъ и начнетъ ту землю называть своею, тотъ долженъ, возвратить ее хозяину съ посѣяннымъ хлѣбомъ; но если завладѣвшій землею погноитъ хлѣбъ или потравитъ или сжавъ, къ себѣ свезетъ, то долженъ былъ отдать цѣну хлѣба вдвое и заплатить съ суднаго дѣла Государевы пошлины вдвое ([474]). Это правило тоже сходно съ постановленіями Литовскаго Статута ([475]). Впрочемъ владѣльцу, у котораго земля отнята была насильнымъ образомъ, запрещалось употреблять новое насиліе для возстановленія правъ своихъ, а вмѣнялось въ обязанность прибѣгать въ семъ случаѣ къ пособію суда ([476]). Сосѣди владѣльца, у котораго находились бобровые гоны, не должны были отгонять бобровъ; тѣ же, которые *отпужаютъ* чѣмъ нибудь бобровъ или насильствомъ побивали или крали, должны были заплатить владѣльцу стоимость бобровъ ([477]). Хотя въ этой статьѣ Уложенія и сказано, что стоимость бобра слѣдовало заплатить по указной цѣнѣ, но нигдѣ въ Уложеніи она не опредѣлена. Это правило о бобрахъ совершенно согласно съ Литовскимъ Статутомъ, въ которомъ впрочемъ опредѣлена стоимость бобровъ, а именно: черный бобръ цѣнился четыре копы грошей, а карый двѣ ([478]). За насильственное пощипленіе хмѣля и вырубку хмѣльника, съ виновнаго доправлялось вознагражденіе *по сыску противу исковой челобитни* ([479]): опредѣленіемъ непостояннаго количества вознагражденія отличается Уложеніе отъ Статута Литовскаго, въ которомъ пощипавшій хмѣль, долженъ былъ единообразно платить три рубля грошей, а вырубившій хмѣльникъ двѣнадцать рублей грошей ([480]). Испортившій по недружбѣ чужую приваду и отогнавшій птицъ оттуда, или кто ловилъ или стрѣлялъ на птицъ у этой привады, подвергался платежу истцоваго иска ([481]). По Литовскому Статуту виновный платилъ стоимость птицъ, по цѣнѣ опредѣленной ([482]). Кто портилъ приваду, измазавъ ее дегтемъ или чеснокомъ или чѣмъ нибудь другимъ и тѣмъ отгонитъ птицъ отъ этой привады, или кто украдетъ тете-

ревый шатеръ или куропатную сѣтку, тотъ долженъ былъ платить истцу за шатеръ три рубли, за сѣть рубль, а за порчу привады подвергался наказанію батогами, чтобы ему и инымъ неповадно было впредь такъ дѣлать ([483]). Въ Литовскомъ Статутѣ, за порчу привады способами, какіе описаны въ Уложеніи, опредѣлено было платить по три рубля грошей ([484]). За порчу въ чужомъ угодьѣ бортнаго дерева, т. е. подсѣченіе и поджегъ корня и вообще за всякую нарочную поруху, виновный платилъ за бортное дерево съ пчелами три рубля, а съ дерева, на которомъ пчелы были прежде, полтора рубли, а за дерево, въ которомъ борть сдѣлана, но пчелъ не бывало, двадцать пять алтынъ; за кряжъ невыдѣланный двадцать алтынъ и три деньги ([485]) По Литовскому Статуту платилось за борть съ пчелами три рубли грошей; за дерево бортное, на которомъ прежде были пчелы двѣ копы грошей; за дерево, приготовленное на борть, но въ которомъ не было еще пчелъ, копу грошей; за кряжъ, полкопы грошей ([486]). Кто выдеретъ пчелъ, а бортей не испортитъ, платилъ полтора рубля; кто кралъ на дому въ пчельникѣ или въ лѣсу улья съ пчелами, платилъ за всякій улей по три рубля, да сверхъ того подвергался жестокому наказанію кнутомъ. Кто же умышленно подсѣкалъ дуплистое дерево съ пчелами и выдиралъ медъ изъ того дерева, тотъ платилъ шесть рублей въ пользу истца ([487]). По Литовскому Статуту, тотъ, кто выдиралъ пчелъ, испортивъ борти, платилъ двѣ копы грошей; кто кралъ на дому, въ пчельникѣ или въ лѣсу улья съ пчелами, платилъ три рубля грошей, и сверхъ того подвергался наказанію какъ воръ; кто же подсѣкалъ дуплистое дерево и выдиралъ медъ изъ него, платилъ шесть рублей грошей ([488]). За порубку въ чужомъ лѣсу съ виновнаго доправлялись деньги по указной цѣнѣ ([489]). По Литовскому Статуту, виновный за порубку въ чужомъ лѣсу, платилъ цѣну опредѣленную закономъ за каждый родъ деревъ ([490]). За общипываніе насильствомъ въ саду яблокъ съ яблоней, или за покражу ночью, виновный платилъ убытокъ *по сказкѣ истца;* за порубку или покражу въ саду дерева, виновный платилъ за каждое дерево три рубли ([491]). По Литовскому Статуту за насильное общипываніе плодовъ въ чужомъ саду, подвергался платежу двѣнадцати рублей грошей, за воровство плодовъ шесть копъ грошей, за порубку дерева три рубли грошей ([492]). За насильственное пограбленіе или покражу овощей въ огородѣ, виновный платилъ убытокъ, да подвергался наказанію, какъ за кражу ([493]). По Литовскому Статуту опредѣлено было за это платить три рубля грошей ([494]). Съ того, кто насильственнымъ образомъ отнималъ у кого землю или межи или грани передѣлывалъ, кромѣ возвраще-

нія земли владѣльцу, доправлялось *владѣніе* по Государеву указу, и сверхъ того за насильство полагалось наказаніе по указанію Государя ([495]). Хотя на поляхъ подлиннаго списка Уложенія, хранившагося въ Оружейной Палатѣ противу этой статьи отмѣчено, что она заимствована изъ градскихъ законовъ, однако Уложеніе совершенно измѣнило наказаніе, которое по Градскимъ законамъ было слѣдующее: »восхищаяи землю чюжу, или прелагая ей пре»дѣлы, согоубо восхищенное отдастъ ([496])«. Кто устроитъ мельницу и запрудною водою потопитъ верхніе покосы, пашни или мельницы другихъ владѣльцевъ, тотъ долженъ снести свою мельницу и возвратить всѣ убытки ([497]). Объ этомъ предметѣ встрѣчаемъ почти тѣже распоряженія въ Литовскомъ Статутѣ ([498]). Владѣльцу лѣса запрещалось ловить рыбу въ озерахъ и косить сѣно въ полосахъ, принадлежащихъ другимъ владѣльцамъ, хотя бы оныя лежали внутри лѣсовъ; за нарушеніе сего правила, убытки доправлялись по сыску ([499]). Это постановленіе тоже заимствовано изъ Литовскаго Статута ([500]). Мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, если брали у кого золотое и серебряное дѣло, и примѣшивали мѣдь, олово и свинецъ, подвергались наказанію кнутомъ и съ нихъ доправлялся убытокъ ими нанесенный частнымъ лицамъ ([501]). Если же мастеровой бралъ у кого узорочные товары, камень, алмазъ, яхонтъ, изумрудъ, лаллъ или другой какой нибудь камень для обдѣлки, граненія или для вырѣзанія печати и разломалъ тотъ камень отъ небреженія или повредилъ, то долженъ былъ заплатить цѣну камня по оцѣнкѣ стороннихъ людей ([502]). Если же кто нибудь возьметъ у кого къ которому нибудь времени на ссуду платье, или портной возьметъ и *мышьми* испортитъ или другимъ какимъ либо образомъ, то долженъ былъ отдать цѣну вещи хозяину, а самая вещь отдавалась испортившему ([503]). Кто пускалъ нарочнымъ дѣломъ собаку на кого нибудь и собака *изъѣстъ* или платье издеретъ, то съ виновнаго взыскивалось безчестіе, увѣчье и убытки вдвое ([504]). Въ Литовскомъ Статутѣ опредѣлено было взысканіе подобное тому, какому подвергался нанесшій собственноручно раны другому ([505]). Убившій нарочнымъ дѣломъ чужую собаку, долженъ былъ заплатить стоимость ея ([506]). Постановленіе совершенно согласное съ Литовскимъ Статутомъ ([507]). Но убившій собаку ручнымъ боемъ не изъ ружья, защищаясь отъ собаки, не обязанъ былъ давать вознагражденія ([508]). Тоже самое встрѣчаемъ въ Литовскомъ Статутѣ ([509]). Кто держалъ у себя собаку или другихъ животныхъ, которыя метались на людей и оставлялъ ихъ на свободѣ, тотъ долженъ былъ заплатить всѣ убытки, причиненныя этими животными, и ему приказывалось *накрѣпко*, чтобы онъ впредь ту со-

баку держалъ на привязи, а животныхъ въ запорѣ, чтобы никому никакого *дурна* отъ нихъ не могло произойти; если же это не было исполняемо и *дурное* случалось, то удовлетвореніе истцовъ производилось по ихъ сказкамъ безъ суда, а животное отдавалось челобитчикамъ ([510]). Тѣже самыя постановленія, и притомъ совершенно схожія, встрѣчаемъ въ артикулѣ 14-мъ раздѣла XIII Статута Литовскаго.

4). *О зажигательствѣ.*

При опредѣленіи наказаній за поджигательство, Уложеніе приняло постановленія Градскихъ законовъ и Литовскаго Статута. Зажигатель, который *ради нѣкія вражды* или *разграбленія*, чинилъ пожаръ нарочнымъ дѣломъ, подвергался сожженію ([511]). Слѣдующее постановленіе, помѣщенное въ Кормчей книгѣ, служило основаніемъ сей статьѣ Уложенія: »иже нѣкія ради вражды, »или разграбленія дѣля имѣнія, разженія творяще во градѣ, огню да преданы будутъ ([512])«. Кто по недружбѣ въ чужомъ лѣсу въ станахъ клалъ огонь, отчего пожаръ случился, или, если пастухи отъ небреженія будутъ причиною пожара, и отъ того пожара сдѣлается *поруха* бортному дереву и пчеламъ, или, если звѣри и птицы изъ того лѣсу будутъ отогнаны, то виновные въ семъ платили за пожарное разореніе пеню, сколько Государь указывалъ, и въ пользу истца доправлялись убытки по сыску; безхитростный же пожаръ не вмѣнялся въ вину ([513]). Правило это основано на Литовскомъ Статутѣ ([514]). Кто жегъ на нивахъ своихъ солому или траву на лугахъ, а огонь разгорался, и если отъ того сгорѣли чужія нивы или огороды, и по сыску открывалось, что это виновный сдѣлалъ хитростію и не отнялъ чужаго имущества по своей лѣности, имѣя къ тому возможность, то съ него доправлялись убытки по сыску ([515]). Основаніемъ сего закона тоже были Градскіе законы ([516]).

5). *О преступленіяхъ и проступкахъ по договорамъ и обязательствамъ.*

Изобличенный въ покупкѣ *зачисто* безъ поруки разбойной рухляди, долженъ былъ заплатить выть на основаніи слѣдующаго правила: *не купи безъ поруки* ([517]). Взявшій у кого въ наемъ лошадь или другую вещь, если ее портилъ, долженъ былъ заплатить цѣну нанятой имъ вещи, по оцѣнкѣ стороннихъ людей, а испорченная вещь отдавалась наемщику ([518]). Заимодавецъ,

сдѣлавшій *хитрость* надъ лошадью или другимъ животнымъ, бывшимъ у него въ закладѣ, отъ которой закладъ пропалъ, долженъ былъ удовлетворить должника ([519]). Замѣтно, что при составленіи сей статьи имѣли въ виду Статутъ Литовскій ([520]). Отомкнувшій вещи, отданныя на сохраненіе за печатью или подъ замкомъ, долженъ былъ пополнить все недостающее противу челобитья истца; но если случался споръ между отдавшимъ и принявшимъ вещи на сохраненіе, то споръ разрѣшался по крестному цѣлованію ([521]).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О НАКАЗАНІЯХЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О НАКАЗАНІИ ВООБЩЕ.

Всѣ юридическія отношенія, разсматриваемыя, какъ постепенно развивающіяся и совершенствующіяся въ обществѣ, являются всегда первоначально въ формѣ принадлежностей частныхъ лицъ, и только гораздо позже превращаются въ право цѣлаго общества. Возмездіе, употребленное противъ нарушителя самимъ обиженнымъ, называется местью; если же оно совершено обществомъ, то получаетъ названіе наказанія. Хотя возможность употребленія возмездія признана справедливою, однако въ самомъ исполненіи возмездія можетъ легко вкрасться несправедливость; потому для всѣхъ образующихся общественныхъ союзовъ, главнѣйшая задача состоитъ въ отклоненіи несообразности въ формѣ мести и достиженіи того, чтобы возмездіе, употребленное противу оскорбителя, не только могло быть признано справедливымъ, но чтобы вмѣстѣ было во всякомъ отдѣльномъ случаѣ мѣриломъ соразмѣрнымъ съ совершеннымъ преступленіемъ. Эта цѣль бываетъ достигнута, если власть исполненія мести перенесена будетъ отъ лица обиженнаго на цѣлое общество. Въ нашемъ отечествѣ, вслѣдствіе развитія монархической власти и принятія христіанской вѣры, со введеніемъ которой наши предки мало-по-малу знакомились съ Греческими законами, идея о существѣ наказанія довольно рано сдѣлалась общею; тѣмъ болѣе, что удѣльная система не могла препятствовать

ея развитію; начала сего развитія замѣтны уже въ Русской Правдѣ ([322]). Въ періодѣ удѣловъ не только умножились различныя средства наказанія, но также увеличилась строгость самого наказанія, между тѣмъ, какъ Русская Правда знаетъ только пени, виру и выдачу преступника и его имѣнія на разграбленіе князю. Удѣльные князья ввели въ употребленіе смертную казнь, клейменіе преступника, отсѣченіе рукъ и другихъ членовъ. Употребленіе новыхъ средствъ или приложеніе правилъ Русской Правды стало зависѣть отъ степени и свойства преступленія. Мѣриломъ для опредѣленія степени наказанія было принято возмездіе, притомъ не столько формальное, сколько матеріальное. Понятіе о существѣ наказанія не только выражалось на практикѣ, но и сами законодатели хотѣли, чтобы преступникъ подвергался наказанію по мѣрѣ вины своей. Іоаннъ III выразилъ это начало въ своемъ судебникѣ; а Іоаннъ IV поставилъ въ обязанность судьямъ, чтобы подвергали преступниковъ заслуженному наказанію, невзирая ни на какія отношенія. Впрочемъ и въ древнемъ законодательствѣ Русскомъ уже начинали имѣть понятіе, что въ жизни общественной, надобно отличать два первообраза: одинъ постоянный, неизмѣнный, независимый отъ времени и обстоятельствъ; другой измѣняющійся отъ обстоятельствъ времени, и что соединеніе этихъ двухъ первообразовъ и взаимное ихъ столкновеніе способствуетъ полному развитію жизни общественной. Въ древнемъ Русскомъ правѣ, сверхъ началъ безусловныхъ, встрѣчаются начала безопасности и пользы; извѣстно, что князья предпочитали иногда виру другимъ родамъ наказанія, потому что она доставляла имъ выгоду, и что смотрѣли на наказанія, какъ на средство устрашенія. Такъ въ Стоглавѣ, гдѣ назначаются различныя казни, несправедливымъ судьямъ сказано: *да и прочія страхъ пріимутъ таковыя не творити.* Полная система наказаній является въ Уложеніи; обнявши почти всѣ роды преступленій, Уложеніе связало всѣ прежнія разнородныя начала въ одно, выразило характеръ и цѣль наказаній, и не отступая отъ принятыхъ основаній, выдерживаетъ до конца въ систематическомъ порядкѣ. Замѣтно, что при составленіи нашего знаменитаго Уложенія, въ Россіи начинали имѣть ясное понятіе о юридическихъ отношеніяхъ, и о томъ, что въ законѣ эти отношенія должны быть ясно и точно опредѣлены. Уложеніе стремилось къ распространенію убѣжденія, что только то должно быть закономъ, что именно опредѣлено постановленіями. Вообще въ сферѣ частнаго права, постоянно являются нѣкоторыя отношенія, существующія въ жизни народной, хотя онѣ не опредѣлены положительнымъ закономъ; но въ уголовныхъ законахъ можно

только почитать наказаніемъ и преступленіемъ то, что явственно положительнымъ закономъ признано наказаніемъ и преступленіемъ. Для достиженія своей цѣли, дать каждому гражданину полную инструкцію его юридической дѣятельности, Уложеніе пополнило свое содержаніе постановленіями изъ Литовскаго Статута, чаобы какъ можно побольше заключить случаевъ, изъ которыхъ можно бы каждому подданному имѣть точнѣйшее понятіе объ его обязанностяхъ какъ къ правительству, такъ и къ другимъ сочленамъ общества. Видно, что эти два юридическія начала nulla poena sine lege и nullum crimen sine poena legali, получали права гражданства въ Русскомъ правѣ; въ этомъ насъ убѣждаютъ и нѣкоторыя постановленія Уложенія, изъ которыхъ можно заключить, что ему не была дана обратная сила, а новымъ запрещеніямъ велѣно было имѣть силу со времени изданія Уложенія ([523]).

Первою и безъ сомнѣнія главною цѣлію наказанія по Уложенію, было поддержаніе божественнаго порядка въ обществѣ, посредствомъ подчиненія своевольной личности подъ власть Всесильнаго Могущества, управляющаго міромъ. Наказаніе имѣло цѣлію поддержать существующія юридическія отношенія и уничтожить совершившееся противузаконіе и явилось какъ источникъ справедливости, какъ сила установляющая и уравновѣшивающая внѣшнія юридическія отношенія въ обществѣ; словомъ, наказаніе обезпечило владычество справедливости. Уложеніе обняло виды временной пользы и временной безопасности, такъ какъ общество въ продолженіе своего существованія постоянно должно соединять начало вѣчнаго бытія съ цѣлями временными. Тутъ наказаніе имѣло въ виду поддержаніе общественной безопасности, посредствомъ устраненія отъ ожидаемыхъ нарушеній права, какъ посредствомъ необходимой обороны противъ угрожающихъ въ настоящее время нарушеній, такъ и посредствомъ предупрежденія будущихъ преступленій. — Взглядъ общественной политики долженъ постоянно обращать вниманее на сомнительную будущность, на все грозящее настоящему. Преступникъ перестаетъ быть цѣлью для самого себя; онъ разсматривается какъ средство, служащее къ обезпеченію общественной безопасности; подвергаясь наказанію, онъ можетъ быть примѣромъ другимъ и тѣмъ самымъ способствовать поддержанію общественнаго порядка. Относительныя цѣли наказанія въ Уложеніи выражены въ знаменитой формулѣ, употребляемой при назначеніи наказанія, *чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать*; а иногда, *чтобы ему* (виновному) *и инымъ неповадно* было. Сравнивая безусловную цѣль наказаній въ Уложеніи съ от-

носительною, находимъ, что начало чистой справедливости преобладаетъ предъ началами временными. Весьма немного случаевъ, въ которыхъ преступникъ разсматривается какъ средство для другихъ, и система устрашенія допущена только въ преступленіяхъ менѣе тяжкихъ, не нарушающихъ бытія Государства, и не причиняющихъ невозвратныхъ потерь частнымъ лицамъ; въ которыхъ тяжесть преступленія наказывалась по началамъ строгой справедливости. Преимущественно нарушители общественнаго порядка и постановленій, охраняющихъ спокойствіе и безопасность въ Государствѣ, подвергавшіеся денежнымъ штрафамъ и тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя по системѣ Уложенія можно причислить къ наказаніямъ исправительнымъ, служили примѣромъ для другихъ. На этомъ основаніи купецъ, ѣздившій въ другое Государство безъ проѣзжей грамоты для торговаго промыслу, а не для измѣны, подвергался наказанію кнутомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать (524). Сотенный голова, отпустившій своего ратнаго человѣка безъ Государева указу и безъ воеводскаго вѣдома, наказывался батогами, для того, чтобы на то смотря, инымъ сотеннымъ головамъ неповадно было такъ дѣлать (525). Ратникъ, который имѣя свои запасы и кормы, принуждалъ жителей къ продажѣ оныхъ по указной цѣнѣ, долженъ былъ заплатить обиженному деньги вдвое противу указной цѣны, чтобы на то смотря, инымъ неповидно было такъ дѣлать (526). Просители, которые нарушая постановленія о подсудности, обращались прямо къ Государю минуя приказы, подвергались наказанію батогами; а кто почестнѣе, тотъ сажался въ тюрьму на недѣлю, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать (527). Похвалявшагося въ убійствѣ (если тотъ противу котораго онъ похвалялся, успѣлъ получить опасную грамоту) не имѣвшаго чѣмъ заплатить заповѣди, ставили на правежѣ не для того, чтобы недостающія деньги съ него взять, но для того, чтобъ на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать (528). Холопъ, который бѣжалъ отъ стараго боярина своего и билъ челомъ во дворъ иному, и тѣмъ учинилъ ссору, подвергался нещадному наказанію кнутомъ на козлѣ передъ приказомъ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ воровать (529). Укрыватель татей и разбойниковъ платилъ пени десять рублей, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать (530). Стрѣлецъ, который нанесъ безчестіе другому стрѣльцу или женѣ его, и не имѣлъ чѣмъ заплатить безчестія, подвергался наказанію кнутомъ, чтобы ему и инымъ такимъ неповадно было свою братью стрѣльцовъ и ихъ женъ безчестить (531). Люди, подкинувшіе другихъ табакомъ, подвергались наказанію кнутомъ на козлѣ, чтобы имъ и инымъ

такимъ впредь неповадно было такъ дѣлать (532). Люди, отбившіе корчемниковъ и табачниковъ и *питуховъ* у головъ и у дѣтей боярскихъ, подвергались наказанію кнутомъ на козлѣ и по торгамъ, а другіе наказывались батогами, чтобъ на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать (533). Впрочемъ, въ Уложеніи встрѣчаемъ три раза наложеніе наказаній тягчайшихъ, чѣмъ исправительныя, какъ мѣру устрашенія а именно: 1) отсѣкалась рука татю, изобличенному въ третій разъ въ воровствѣ въ Государевомъ дворцѣ, чтобы на то смотря, инымъ неповадно было воровать, въ Государевомъ дворѣ красть (534); 2) казнилась смертію женщина, жившая блудно и скверно и прижившая въ блудѣ дѣтей, если сама или по ея приказанію кто нибудь другой погубитъ этихъ дѣтей, чтобы на то смотря, иные *такова* беззаконнаго и сквернаго дѣла не дѣлали, и отъ блуда унялись (535); 3) пороли́сь ноздри и рѣзались носы стрѣльцамъ, гулящимъ и всякимъ людямъ, которые были въ многихъ (болѣе чѣмъ въ трехъ) приводахъ съ табакомъ, чтобы на то смотря инымъ такъ неповадно было дѣлать (536).

Другое важное достоинство Уложенія есть то, что заключивъ въ себѣ множество новыхъ случаевъ, на которые не было прямаго постановленія въ древнихъ законахъ, оно опредѣлило всюду точныя наказанія за преступленія и тѣмъ значительно уменьшило число такъ называемыхъ чрезвычайныхъ наказаній, poena extraordinaria, которыя были въ большемъ употребленіи во всѣхъ законодательствахъ въ средніе вѣка. Недостатокъ полноты первоначальныхъ постановленій былъ причиною, что судья въ примѣненіи закона, собразуясь съ нѣкоторыми общими правилами, опредѣлялъ наказанія на частные случаи, предоставляемые его разсмотрѣнію. Чрезвычайныя наказанія принесли великую пользу положительнымъ законамъ: ибо законодатель, опредѣляющій наказаніе на частный случай, можетъ только имѣть въ виду нѣкоторыя обстоятельства, а никогда не можетъ предвидѣть всѣхъ измѣненій, проявляющихся въ жизни общественной. Однако въ подобномъ случаѣ, законодатель перестаетъ быть законодателемъ, уголовное уложеніе — уложеніемъ; ихъ мѣсто занимаетъ судья, который съ личнымъ мнѣніемъ своимъ становится выше закона. Не трудно понять, какой при такомъ устройствѣ дѣлъ легкій прыжекъ къ злоупотребленіямъ и къ насилію! Всякій произволъ судьи ограниченъ въ Уложеніи. »А »спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ за чѣмъ вершити будетъ не мощно, »взносити изъ приказовъ въ докладъ къ Государю Царю и Великому Князю »Алексѣю Михайловичу вся Россіи и къ Его Государевымъ Бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ«. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлены въ

Уложеніи неопредѣленныя наказанія, но назначеніе наказанія предоставлено не судьямъ, а Государю: это наказаніе *какъ* или *что Государь укажетъ*, опредѣлялось въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда кто извѣщалъ на кого великое Государево дѣло, а свидѣтелей не могъ представить и ничѣмъ не могъ уличить (537); 2) когда кто безъ Государева повелѣнія въ Государевыхъ прудахъ и озерахъ рыбу ловилъ (538); 3) боярамъ и воеводамъ, которые безъ Государева указу отпускали со службы ратныхъ людей и брали посулы и поминки (539); 4) когда кто для своей корысти мосты окалывалъ (540); 5) когда кто бралъ взятки на судью безъ вѣдома его, то сверхъ нещаднаго наказанія кнутомъ и пени, виновный сажался въ тюрьму до Государева указу (541); 6) когда судья не вершилъ судныхъ дѣлъ для своей корысти (542); 7) когда судья не ѣздилъ въ приказъ своимъ упрямствомъ (543), и 8) когда воеводы и дьяки и приказные люди, будучи у Государевыхъ дѣлъ въ городахъ, начнутъ дѣлать городскимъ и уѣзднымъ людямъ продажи и убытки, то съ нихъ доправлялось взятое, да на нихъ же велѣно было брать на Государя пени, что Государь укажетъ, смотря по дѣлу (544).

Сверхъ наказаній, которыя опредѣлялись по указанію Государя, въ Уложеніи встрѣчаются немногіе случаи, въ которыхъ наказаніе, не бывъ постановлено закономъ, опредѣлялось, смотря по винѣ. Эти немногіе случаи были слѣдующіе: 1) когда ратные люди, идучи на Государеву службу, дѣлали насильство какимъ нибудь людямъ (545); 2) когда служилый человѣкъ пріѣдетъ къ кому на станъ и ударитъ тамъ кого рукою, или словомъ кого обезчеститъ, или возметъ что либо грабежомъ, то тотъ наказывался, *смотря по винѣ*, сверхъ платежа базчестія и грабежа вдвое (546). Разсмотрѣвъ характеръ наказаній Уложенія вообще, теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію въ частности каждаго рода наказаній, опредѣленныхъ въ кодексѣ Царя Алексѣя Михайловича.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ.

Уложеніе, по времени своего изданія, принадлежитъ къ такой эпохѣ, въ которой не начиналось еще преній о замѣнѣ сего наказанія другими болѣе сходными съ началами христіанскими. Филантропическая школа или по-

пулярная, получила свое бытіе спустя почти цѣлое столѣтіе послѣ его изданія. Напротивъ, въ XVII столѣтіи въ цѣлой Европѣ господствовало мнѣніе, что смертная казнь необходима для поддержанія общественной безопасности; вообще главною отличительною чертою новаго Уголовнаго права были смертная казнь и другія тѣлесныя наказанія. Общее бурное состояніе всѣхъ обществъ, требовало строгихъ мѣръ для искорененія зла. Вездѣ, гдѣ только власть монархическая укрѣплялась, древнія композиціи исчезали и замѣнялись уголовными наказаніями; во Франціи смертная казнь опредѣлялась не только въ Королевскихъ постановленіяхъ, но и въ законахъ, основанныхъ на обычаѣ (coutumes); ту же самую побѣду новыя понятія одержали надъ системою композицій въ южной Германіи и въ Саксоніи. Наконецъ, Карлъ V въ своемъ знаменитомъ законѣ, извѣстномъ подъ названіемъ: Constitutio criminalis Carolina, распространилъ смертную казнь; въ Статутѣ Литовскомъ смертная казнь опредѣлялась почти за всѣ важнѣйшія преступленія. Изъ всего сказаннаго видно, что духъ времени требовалъ, чтобы и въ новой законодательной книгѣ Царя Алексѣя Михайловича, смертная казнь со всѣми ея грозными принадлежностями удержалась, тѣмъ болѣе, что въ Россіи смертная казнь существовала до Уложенія и самая историческая необходимость препятствовала ея искорененію. Впрочемъ, благочестіе и милосердіе, которыми извѣстенъ Царь Алексѣй Михайловичъ, безспорно имѣли вліяніе на то, что смертная казнь осталась только за важнѣйшія преступленія, и что во многихъ случаяхъ, когда законъ пополнялся Литовскимъ Статутомъ, смертная казнь въ Уложеніи замѣнялась другими легчайшими, если только это не нарушало современныхъ понятій о справедливости. Кажется, не было другой причины измѣнять постановленія Литовскаго Статута, перенося ихъ на Русскую почву.

Въ Россіи смертная казнь существовала съ древнихъ временъ; послѣ уничтоженія кровной мести, лишеніе жизни преступника сдѣлалось исключительнымъ правомъ верховной власти. Верховная власть для предупрежденія злоупотребленій со стороны своихъ органовъ, опредѣляла тѣ случаи, которые подвергали виновнаго смертной казни. Опредѣленіе этихъ случаевъ встрѣчается въ договорныхъ и въ жалованныхъ грамотахъ удѣльныхъ князей; впрочемъ большая часть этихъ случаевъ поставлена въ непосредственную зависимость отъ рѣшенія Государя, безъ чего судьи не могли ни миловать, ни лишать жизни преступника. Великіе князья вообще боялись злоупотребленія этой власти, а нѣкоторые, по особенному роду набожности того времени, считали грѣхомъ подвергать смертной казни даже обличенныхъ преступниковъ. Во-

обще смертная казнь дѣлается употребительнѣе съ установленіемъ верховной власти въ рукахъ Московскихъ князей, т. е. когда Государство стало укрѣпляться. Этотъ фактъ, относящійся къ исторіи Русскаго права, находится въ полномъ согласіи съ тождественнымъ явленіемъ въ западной Европѣ. Въ Княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго, смертная казнь совершалась уже публично на древнемъ Кучковомъ полѣ ([547]). Большее развитіе получила смертная казнь при преемникахъ Донскаго, которые со времени единовластія, точнѣе опредѣлили нѣкоторыя Государственныя преступленія и строже преслѣдовали виновныхъ. Въ Судебникѣ Іоанна III, лишеніе жизни признается общимъ наказаніемъ *для всѣхъ вѣдомыхъ лихихъ людей*, за всякое *лихое дѣло*, особенно за душегубство, разбой, татьбу, ябедничество и подписку; а Іоаннъ IV умножилъ этотъ списокъ преступленій, включивъ въ число преступниковъ, подлежащихъ смертной казни, бунтовщиковъ (коромольниковъ), измѣнниковъ, церковныхъ и головныхъ татей (похитителей чужихъ людей), убійцъ своихъ господъ, подметчиковъ и зажигателей ([548]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, уголовные судьи не имѣли права ни казнить, ни отпустить лихаго человѣка безъ доклада Государю. Исключеніемъ пользовались только губные старосты, и по свидѣтельству Флетчера, намѣстники отдаленныхъ областей: Смоленской, Новгородской, Псковской и Казанской ([549]).

По Уложенію наказывались смертною казнію: 1) богохульники, возложившіе хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на родшую его Пречистую Владычицу Богородицу и Приснодѣву Марію, на честный крестъ или на святыхъ угодниковъ ([550]); 2) бусурманинъ, совратившій православнаго въ свою вѣру ([551]); 3) безчинники, не давшіе совершить Божественную литургію ([552]); 4) убившіе человѣка въ церкви ([553]); 5) умышлявшіе злое дѣло противу Государя ([554]); 6) собиравшіе рать для завладѣнія Московскимъ Государствомъ, имѣя въ виду быть Государемъ ([555]); 7) измѣнники, сдавшіе непріятелю городъ ([556]) или измѣною сожегшіе городъ ([557]); 8) родственники измѣнниковъ, знавшіе про измѣну ([558]); 9) знавшіе о заговорѣ или другомъ какомъ нибудь зломъ умыслѣ и неизвѣстившіе объ этомъ установленныя власти ([559]); 10) приходившіе на Государя или на его органовъ скопомъ и заговоромъ ([560]); 11) вынувшій въ присутствіи Государя саблю или другое оружіе, и нанесшій этимъ оружіемъ кому нибудь смерть или раны ([561]); 12) нанесшій не въ присутствіи Государя, но на его дворѣ раны, отъ которыхъ раненый умеръ ([562]); 13) Поддѣлыватели ложныхъ Государевыхъ грамотъ и прикладывавшіе Государевы печати къ воровскимъ письмамъ ([563]);

14) державшіе завѣдомо подложныя грамоты для своихъ пожитковъ и корысти ([564]); 15) денежные мастера, дѣлавшіе фальшивыя деньги ([565]); 16) ѣздившіе въ чужія государства для измѣны, безъ проѣзжей грамоты ([566]); 17) служилые люди, переѣзжавшіе изъ своихъ полковъ въ непріятельскіе полки для сказыванія вѣстей про Государевыхъ ратныхъ людей ([567]); 18) ратные люди, ѣхавшіе на Государеву службу или съ Государевой службы, дѣлавшіе по селамъ и деревнямъ смертныя убійства и насилія женскому полу ([568]); 19) тяжущіеся, побранившіеся въ судѣ передъ судьями съ своими противниками и ударившіе ихъ какимъ нибудь оружіемъ, отъ чего они умрутъ ([569]); 20) убившій судью въ приказѣ ([570]); 21) убившій недѣльщика и понятыхъ при отправленіи ихъ должности ([571]); 22) пріѣхавшій въ чужой дворъ насильствомъ и учинившій въ пріѣздѣ своемъ смертное убійство ([572]); 23) тать, изобличенный въ трехъ татьбахъ ([573]); 24) тать, учинившій убійство на первой татьбѣ ([574]); 25) церковные тати ([575]); 26) разбойникъ, изобличенный въ двухъ разбояхъ ([576]); 27) разбойники, учинившіе убійство на первомъ разбоѣ ([577]); 28) за убійство отца и матери ([578]); 29) за убійство брата и сестры ([579]); 30) воры, чинившіе смуту въ людяхъ и затѣвавшіе на многихъ людей своимъ воровскимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла ([580]); 31) жена, учинившая мужу своему смертное убійство или окормившая его ядомъ ([581]); 32) пріѣхавшіе въ домъ для нанесенія насилія госпожѣ, и люди, которые вмѣсто защиты давали помощь на такое воровство ([582]); 33) наскакавшій съ похвалы или съ пьянства или умышленно на женщину и лошадью ее стоптавшій и повалившій, если женщина отъ того умерла ([583]); 34) научавшій къ убійству и совершившіе убійство по чужому наущенію ([584]); 35) женщина, убившая или приказавшая умертвить своихъ незаконорожденныхъ дѣтей, равно какъ и тѣ, которые исполняли ея приказанія ([585]); 36) наконецъ подвергались смертной казни иноземцы и Русскіе люди, которые держали у себя табакъ и табакомъ торговали; это наказаніе, какъ видно изъ самаго Уложенія, введено Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1634 году; Царь же Алексѣй Михайловичъ сохранилъ это наказаніе ([586]).

Что касается до исполненія смертной казни, то она была производима разнообразно. Въ древней Россіи были извѣстны не только простые способы лишенія жизни, какъ то: отсѣченіе головы, разстрѣляніе и висѣлица; но также множество сложныхъ: преступниковъ колесовали, разсѣкали на части, разрѣзывали по составамъ, перетирали тонкими веревками, засѣкали до смерти, сажали на колъ, распинали на крестѣ; подозрѣваемыхъ въ отравленіи заставляли выпивать ядъ; преступниковъ также топили въ рѣкѣ: зимою пускали подъ ледъ,

родъ казни, бывшей въ особомъ употребленіи въ Новгородѣ, гдѣ преступниковъ свергали съ моста въ Волховъ, сжигали на кострахъ и въ желѣзныхъ клѣткахъ ([587]).

Въ Уложеніи опредѣлены слѣдующіе роды смертной казни: 1) *сожженіе* за богохульство, отвращеніе отъ Православія и за умышленное поджигательство ([588]); 2) *вѣшаніе* — за измѣну ратныхъ людей ([589]); 3) *закапываніе въ землю живаго* — за умерщвленіе женами мужей своихъ ([590]), и 4) *залитіе горла* расплавленнымъ металломъ — за дѣланіе фальшивой монеты ([591]). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ назначалась смертная казнь безъ опредѣленія способа ея исполненія. Впрочемъ, въ Котошихинѣ находимъ исчисленіе разныхъ видовъ смертной казни, изъ которыхъ видимъ, что сверхъ опредѣленныхъ въ Уложеніи родовъ смертной казни, существовали еще слѣдующіе: отсѣченіе головы топоромъ, вѣшаніе за другія преступленія сверхъ измѣны ратныхъ людей, четвертованіе; сожженіе сверхъ опредѣленныхъ случаевъ въ Уложеніи, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижество; женщинамъ за чаровство и убійство отсѣкалась голова, а закапыванію въ землю подвергались женщины, сверхъ умерщвленія мужей своихъ, за погубленіе дѣтей и за иныя такія злыя дѣла ([592]).

Приговоренный къ смерти преступникъ, сажался въ особую избу на шесть недѣль для покаянія, и потомъ подвергался казни ([593]). Беременная же женщина не подвергалась казни до разрѣшенія отъ бремени, а до того времени содержалась въ тюрьмѣ за крѣпкою *приставою*, чтобы не ушла ([594]).

Смертная казнь совершалась публично на площади, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа, который собирался на ужасное зрѣлище, не только привлекаемый любопытствомъ, но также принуждаемый правительствомъ, которое хотѣло строгостію наказанія навести ужасъ на зрителей. Въ день назначенный для казни, въ опредѣленномъ мѣстѣ (сперва на Кучковомъ полѣ, потомъ на площади въ Китаѣ городѣ или на Москвѣ рѣкѣ) приготовлялись орудія смерти: зажигали костры, ставили висѣлицы и котлы съ кипящей и холодной водой, и т. п. Царь Іоаннъ IV лично присутствовалъ при совершеніи казни; когда Царь не присутствовалъ лично, то въ Москвѣ мѣсто его заступали тіуны Московскій и дворецкій. Если же преступленіе было совершено въ областномъ городѣ, или въ уѣздѣ, то казнь происходила на мѣстѣ преступленія, и тогда при ея исполненіи присутствовали намѣстники и волостели, а въ разбойныхъ дѣлахъ губные старосты. Но въ случахъ неопредѣленныхъ законами или сомнительныхъ, преступниковъ привозили въ

Москву, гдѣ произносился окончательный надъ нимъ приговоръ и совершалась казнь ([595]). Кошихинъ говоря о закапываніи въ землю живыхъ женщинъ, повѣствуетъ, что онѣ закапывались до грудей вмѣстѣ съ руками и послѣ потаптываютъ ногами, и отъ того умирали въ тотъ самый день или на другой или на третій ([596]). Одинъ очевидецъ Корнилій Брунпъ, бывшій въ Россіи въ 1702 году, разсказываетъ о наказаніи закапываніемъ въ землю слѣдующимъ образомъ: »Девятнадцатаго Генваря я былъ свидѣтелемъ ужасной »казни: женщина, умертвившая своего мужа, была живая зарыта въ землю »до самыхъ плечъ; она показалась мнѣ въ этомъ положеніи еще довольно »свѣжею и съ видомъ мало растроеннымъ. Ей повязали около шеи и головы »бѣлый холстъ; но она просила, чтобы съ нея оный сняли, потому что онъ »мѣшалъ ея дыханію. Ее окружало трое или четверо солдатъ, имѣвшихъ при»казаніе не дозволять ей получать никакой пищи; но позволено было бро»сать въ яму ея нѣсколько копѣекъ, за которыя она благодарила наклоне»ніемъ головы. Эти деньги обыкновенно употребляются на покупку свѣчей, »которыя зажигаются въ церквахъ предъ иконами за упокой души, а частію »также и на покупку гроба. Можетъ быть даже, что стражи частицу изъ »этого подаянія берутъ себѣ, или покупаютъ на нихъ какую нибудь пищу, »которую тайкомъ даютъ преступницамъ: ибо многія изъ нихъ, какъ ска»зываютъ, довольно долго живутъ въ этомъ положеніи. Но эта женщина »умерла на другой день послѣ того, какъ я ее видѣлъ« ([597]).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ.

---

1). *Членовредительныя наказанія.*

Въ Законахъ, предшествовавшихъ Уложенію, этотъ родъ наказанія служилъ частію средствомъ для обозначенія преступника, замѣченнаго въ воровствѣ: »*а татя всякаго пятнити*« ([598]). Но преимущественно, какъ замѣчаетъ г. Калачевъ ([599]), оно употреблялось вслѣдствіе особеннаго взгляда нашихъ предковъ на возмездіе, какъ на существо наказанія. Въ этомъ отношеніи виновный подвергался лишенію того или другаго члена, не только за повреж-

деніе тѣлеснаго организма, но также за преступленіе, совершенное при содѣйствіи этого члена; за воровство отсѣкали руки, за богохуленіе, за слова, оскорбительныя для Государевой части, за ложные доносы лишали языка, носа, ушей [600]. Впрочемъ, членовредительныя наказанія имѣли большее значеніе на практикѣ, нежели въ системѣ законовъ, гдѣ, за преступленія подлежащія этой казни, назначались наказанія болѣзненныя или денежные штрафы. И такъ, между тѣмъ, какъ исторія представляетъ безчисленные примѣры членовредительствъ, а именно отсѣченіе: рукъ, ногъ, языка и другихъ членовъ, выжиганіе, выкалываніе и вырѣзываніе глазъ, положительное законодательство знало только отсѣченіе руки, обыкновенное наказаніе для воровъ, и *пятненіе* или клейменіе (на щекѣ или на лбу), которому подвергались тѣже преступники. Въ Судебникахъ ничего не упоминается объ отсѣченіи членовъ [601].

Вводя членовредительныя наказанія, Уложеніе не столько имѣло въ виду прежній обычай, сколько подражало Градскимъ законамъ, а преимущественно Литовскому Статуту, въ которыхъ этотъ родъ наказанія существовалъ; съ тою только разностью, что смягчая строгость Литовскихъ наказаній, Уложеніе часто опредѣляло отсѣченіе руки вмѣсто опредѣленной тамъ смертной казни. Уложеніе заимствовало изъ Литовскаго Статута систему матеріальнаго возмездія, въ опредѣленіи наказаній за отсѣченіе кому либо членовъ; преступленіе, которое носило названіе *мучительнаго наругательства*. Виновному въ этомъ преступленіи отсѣкались тѣже самые члены, которые онъ отсѣкъ: »если кто нибудь отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ, или ухо, или губы »обрѣжетъ, или глазъ выколетъ и за такое его наругательство самому ему »тоже учинити« [602]. Кромѣ этого случая, Уложеніе допускаетъ только отсѣченіе руки, тоже слѣдуя особому понятію о возмездіи, господствовавшему и въ другихъ законодательствахъ, что наказанію подлежитъ тотъ членъ, который былъ орудіемъ при совершеніи преступленія; отсѣченіе же другихъ членовъ въ видѣ наказанія встрѣчается однажды, а именно: уха за повтореніе въ третій разъ скрытной ловли рыбы изъ чужихъ прудовъ [603]. Отсѣченіе руки опредѣлялось за слѣдующія преступленія: 1) за вынутье при Государѣ на кого нибудь оружія [604]; 2) за нанесеніе ранъ кому нибудь въ Государевомъ дворѣ [605]; 3) за третье воровство въ государевомъ дворѣ [606]; 4) за воровство ратнымъ человѣкомъ во время службы лошади [607]; 5) за подложное составленіе подъячимъ суднаго списка, т. е. не такъ какъ въ судѣ было написано [608]; 6) за нанесеніе ранъ и *зашибаніе* судьи въ приказѣ [609]; 7) за нанесеніе ранъ при насильномъ пріѣздѣ на чей нибудь домъ [610]; 8) за на-

писаніе заемной кабалы заочно площаднымъ подъячимъ [611]. Ноздри поролись и носъ рѣзался за особый родъ преступленія: за изобличеніе въ четвертый разъ въ держаніи и продажѣ табаку [612]. Въ Уложеніи сохранилось установленіе, введенное обычаемъ, отрѣзывать члены для означенія преступниковъ; мѣтой для этого были уши; лѣвое ухо отрѣзывалось у татя сверхъ наказанія [613]. За вторую татьбу правое [614]. За разбой тоже отрѣзывалось правое ухо [615]. Что рѣзаніе ушей было мѣрою полицейскою для предупрежденія сокрытія преступниковъ, а не уголовное наказаніе, доказательствомъ служитъ 19 статья XXI главы Уложенія, въ которой велѣно было кликать *бирючемъ*, чтобы нигдѣ не держать людей съ рѣзанными ушами, у которыхъ не было письма (свидѣтельства), что они уже подверглись установленному наказанію за свою вину.

2). *Наказаніе кнутомъ.*

Наказаніе кнутомъ считалось легчайшимъ, чѣмъ членовредительныя наказанія. Оно употреблялось отдѣльно, въ видѣ самостоятельнаго наказанія, а иногда вмѣстѣ съ тюремнымъ и денежными наказаніями; оно было простое или жестокое и нещадное; при томъ въ видѣ усиленія оно производилось публично на торгахъ; отъ чего иногда называлось *торговою казнію* или оно производилось у приказовъ и на козлѣ. Это наказаніе было въ большемъ употребленіи до Уложенія; распространеніе его въ Россіи надобно приписать вліянію примѣра Монголовъ и Татаръ, а можетъ быть частію и Восточной Имперіи, въ которой, въ противность духу Римскихъ законовъ, вошли въ употребленіе болѣзненныя тѣлесныя наказанія, что тоже надобно приписать вліянію сосѣдственныхъ азіятскихъ народовъ [616]. Въ Уложеніи, чаще другихъ наказаній встрѣчается кнутъ, и употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) за сказываніе Государева дѣла и слова, когда его не было, пьянымъ обычаемъ или *избывая* отъ кого побои [617]; 2) за первое и второе воровство, учиненныя на Государевомъ дворѣ [618]; 3) за примѣшиваніе, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами, неблагородныхъ металловъ, въ частныхъ работахъ [619]; 4) за проѣздъ въ другія Государства безъ проѣзжей грамоты [620]; 5) за побѣгъ ратныхъ людей изъ полковъ безъ отпуска [621]; 6) за неправильное собираніе мыта мытчиками и мостовщиками [622]; 7) за ложное сказываніе торговыми и другихъ чиновъ людьми, что они служилые люди, для избѣжанія платежа мыта и перевозныхъ денегъ [623]; 8) за окалываніе мостовъ для своей корысти [624]; 9) за вынесеніе дѣлъ изъ приказа дьяками и подъячими [625]; 10) за жалобу челобит-

чика не дѣломъ на дьяка [626]; 11) за причиненіе подъячими промедленія въ рѣшеніи дѣлъ [627]; 12) за нанесеніе ранъ однимъ изъ тяжущихся другому въ присутствіи суда [628]; 13) за причиненіе безчестія судьѣ въ приказѣ не пригожимъ словомъ [629]; 14) за нанесеніе безчестія приставу, посланному съ наказною памятью за отвѣтчикомъ [630]; 15) за пріѣздъ въ качествѣ товарищей главнаго виновнаго, для учиненія насилія [631]; 16) за продажу въ посадахъ черными людьми своихъ дворовъ [632]; 17) за взятіе подставной кабалы [633]; 18) за первую татьбу [634]; 19) за поноровку недѣльщиками, татямъ и разбойникамъ [635]; 20) за злоупотребленія по должности губныхъ цѣловальниковъ [636]; 21) за отдачу недѣльщиками татей на поруки [637]; 22) за воровскую ловлю рыбъ изъ чужихъ прудовъ, учиненную во второй разъ [638]; 23) за оскорбленіе дѣтьми родителей [639]; 24) за обиду, нанесенную стрѣльцомъ стрѣльцу, если ему нечѣмъ будетъ заплатить безчестіе [640]; 25) за изобличеніе во второй и третій разъ въ корчемствѣ [641]; 26) за отпущеніе корчемника и табачника головами не боярскими дѣтьми [642].

Нещадное и жестокое наказаніе кнутомъ производилось: 1) за извѣщеніе *про Государево здоровіе* или *про измѣнное дѣло* людьми на своихъ господъ, или крестьянами на своихъ помѣщиковъ, и ничего не представившихъ для улики [643]; 2) за побѣгъ съ военной службы иноземцевъ, кормовыхъ людей, стрѣльцовъ, казаковъ и достаточныхъ людей [644]; 3) за побѣгъ съ бою [645]; 4) за воровство ружья служилыми людьми [646]; 5) за ложное показаніе свидѣтелей [647]; 6) за насильственный пріѣздъ на чужой домъ, если это насиліе несопровождалось убійствомъ и ранами [648]; 7) за побѣгъ холопа отъ одного боярина къ другому [649]; 8) за приписку воеводами, приказными людьми и губными старостами въ холопство людей, содержащихся въ тюрьмѣ [650]; 9) за умышленное наскоченіе лошадью на женщину, если женщина беременная родитъ мертвое дитя [651]; 10) за промыслъ отъ безнравственности [652].

Публичное наказаніе производилось или на торгахъ, или при приказѣ при многихъ людяхъ или даже сначала при приказѣ, а послѣ на торгу, или наконецъ на торгу въ теченіе нѣсколькихъ дней. Наказаніе кнутомъ при приказѣ производилось: 1) за ябедничество [653]; 2) за незаписку подъячимъ суднаго дѣла въ книгу, съ цѣлію покорыстованія казенными пошлинами [654]. Наказывались кнутомъ сперва въ приказѣ, а послѣ на торгу въ рядахъ, ябедники, изобличенные въ ядебничествѣ въ третій разъ [655]. Въ продолженіе трехъ дней на торгу наказывались, цѣловавшіе крестъ въ томъ, что, бѣглыхъ крестьянъ у нихъ нѣтъ, когда въ послѣдствіи бѣглые были найдены у нихъ [656].

Торговою же казнію наказывались: 1) *безчинники*, которые войдя въ церковь говорили непристойныя рѣчи священническому чину (657); 2) судьи не изъ думныхъ людей за неправосудіе (658); 3) дьяки, велѣвшіе написать судное дѣло не такъ какъ въ судѣ было (659); 4) подъячій за незаписку въ книгу во второй разъ судныхъ дѣлъ (660); 5) посадскіе люди, которые записывались въ крестьяне за частными лицами (661); 6) крестьяне, купившіе послѣ изданія Уложенія въ посадахъ тяглые дворы, лавки, погреба, амбары и варницы (662); 7) наругатели, зазвавшіе кого нибудь или силою заволокшіе къ себѣ на дворъ, и бившіе зазваннаго ослопомъ, кнутомъ или батогами (663); 8) корчемники, у которыхъ вымутъ корчму во второй разъ (664).

Число ударовъ, какъ при простомъ наказаніи, такъ и при жестокомъ и нещадномъ, нигдѣ не опредѣлено Уложеніемъ; даже въ слѣдственномъ дѣлѣ, помѣщенномъ въ Юридическихъ актахъ (665), по которому назначены были тѣлесныя наказанія, виновнымъ число ударовъ тоже не упоминается. Извѣстный путешественникъ Олеарій описалъ торговую казнь (666). Виновный спускалъ съ себя одежду и сажался на спину помощнику палача, обвивъ руки около его шеи. Ноги преступника связывались веревкой, которую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него держалъ за концы другой прислужникъ палача; отчего подвергавшійся наказанію не могъ даже свободно шевелиться. Палачъ, стоя отъ преступника въ трехъ добрыхъ шагахъ, изо всей силы стегалъ его толстымъ длиннымъ кнутомъ, такъ что послѣ каждаго удара, кровь текла ручьями, потому что кнутъ оканчивался тремя ремнями изъ самой грубой кожи, которые рѣзали спину, какъ бы ножемъ. Иногда несчастный издыхалъ подъ ударами палача, хотя послѣдній не имѣлъ права превышать назначеннаго числа ударовъ. Для этого судья или недѣльщикъ, присутствовавшій при совершеніи казни, объявлялъ число ударовъ, опредѣленное судебнымъ рѣшеніемъ и по исполненіи казни кричалъ палачу: *полно* или *стой*.

3). *Наказаніе батогами.*

Это наказаніе считалось легчайшимъ, чѣмъ наказаніе кнутомъ, потому что оно опредѣлялось за меньшія вины или хотя за одинаковыя преступленія, но когда виновный принадлежалъ къ высшему сословію. Наказаніе батогами было двоякое, или простое или нещадное. Простому наказанію батогами подвергались: 1) безчинники, ударившіе кого въ церкви (657); 2) ходившіе съ пищалями и луками на Государевомъ дворѣ и въ Москвѣ (668); 3) сотен-

ные головы, отпускавшіе ратныхъ людей безъ Государева указу (669); 3) челобитчикъ, солгавшій на подъячаго (670); 5) дьякъ по посуламъ дѣлавшій проволочку въ движеніи дѣлъ (671); 6) бившіе челомъ прямо Государю мимо приказовъ (672); 7) замахнувшійся въ судѣ какимъ нибудь оружіемъ (673); 8) люди, которые сдѣлавшись сильными, не хотѣли даваться на поруки (674); 9) отвѣтчикъ, укрывавшійся въ третій разъ отъ пристава (675); 10) тати, ловившіе въ первый разъ татинымъ обычаемъ изъ чужаго пруда рыбу (676); 11) *питухи*, изобличенные въ покупкѣ корчемнаго вина (677).

Нещадное наказаніе батогами опредѣлялось за слѣдующія вины: 1) за недоставленіе приставомъ, въ продолженіи трехъ дней, поручной записи (678); 2) за злоупотребленіе недѣльщиковъ по должности своей (679); 3) за порчу чужой птичей привады (680). Наказаніе батогами совершалось слѣдующимъ порядкомъ: преступника клали на землю ничкомъ, обнаживъ ему спину до рубахи; два человѣка держали его одинъ за ноги, другой за голову, а третій (иногда и нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ) билъ его по спинѣ прутьями, толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока не останавливалъ его судья (681).

4). *Правежъ.*

Вообще правежъ не былъ наказаніемъ, по мѣрою понудительною къ принужденію должника къ платежу; однако въ одномъ случаѣ Уложеніе даетъ ему характеръ наказанія, а именно: если кто нибудь узналъ, что другой похвалялся на него смертнымъ убійствомъ, и просилъ о выдачѣ ему на того, кто на него похвалялся, опасной грамоты, въ которой прописывалась большая заповѣдь въ пять, въ шесть и въ семь тысячь, и больше. Если въ послѣдствіи похвалявшійся ранилъ получившаго опасную грамоту, то платилъ опредѣленную въ ней заповѣдь, изъ которой одна половина поступала къ наслѣдникамъ убитаго, а другая въ Государеву казну. Если виновный не могъ заплатить заповѣди, то вотъ слова закона: »а чего за тѣмъ въ заповѣдь не »дойдетъ и то на немъ правитъ, и такія заповѣди ему не отдавать и бить »его на правежѣ безо всякія пощады не для того, чтобъ на немъ тѣ достальныя »деньги взять, а для того, чтобъ на то смотря, инымъ не повадно было такъ »воровать» (682). Правежъ производился слѣдующимъ образомъ: приставъ выводилъ должника разутаго на улицу, не смотря ни на какое время года, къ дверямъ суднаго приказа, и сѣкъ его въ часы засѣданія по голой ногѣ прутомъ до тѣхъ поръ, пока судьи не уѣзжали домой (683).

Наказаніе розгами не опредѣлялось въ Уложеніи.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ССЫЛКА.

Въ древнемъ Русскомъ правѣ до Іоанна IV, ссылка смѣшивалась съ заключеніемъ, такъ что эти оба наказанія часто соединялись вмѣстѣ и состояли въ заключеніи виновнаго въ отдаленномъ городѣ или монастырѣ. Открытіе Сибири дало возможность Россіи ввести этотъ родъ наказанія на болѣе точныхъ основаніяхъ. До того времени ссылка не была опредѣлена положительнымъ закономъ, а являлась на практикѣ болѣе отъ княжескаго опредѣленія. Исторія сообщаетъ намъ извѣстіе, что Великій князь Мстиславъ Владиміровичъ сослалъ въ 1229 году Полотскихъ князей въ Грецію; но преимущественно ссылка заключалась въ изгнаніи виновнаго изъ мѣста жительства или изъ мѣста, гдѣ совершено было имъ преступленіе, что называлось *выбити вонъ* изъ города и волости. Назначеніе отдаленнаго мѣста для жительства встрѣчается въ значеніи *опалы*, или исключительно какъ мѣра охраненія; въ первомъ случаѣ виновному поручалась извѣстная служба или обязанность въ городѣ, въ которомъ ему велѣно жить; во второмъ случаѣ онъ лишался всякой должности и находился подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго начальства ([684]).

Къ ссылкѣ можно отнести мѣру, весьма часто употребляемую въ древнемъ Русскомъ правѣ, а именно переселеніе жителей изъ одной области въ другую, которая употреблялась частно какъ мѣра наказанія, но преимущественно какъ мѣра для предупрежденія возмущенія въ областяхъ вновь присоединенныхъ. Чаще другихъ употребляли ее Іоаннъ III и Іоаннъ IV; сей послѣдній вывелъ изъ Пскова въ 1569 г. 500 семействъ, а изъ Новгорода 150 въ Москву. Это переселеніе жителей изъ одной области въ другую называлось *разводомъ* ([685]).

По Уложенію, ссылка опредѣлялась въ отдаленные города, на Украйну и въ Сибирь. Въ отдаленные города ссылались стрѣльцы и всякіе *гулящіе* люди, которые были во многихъ приводахъ съ табакомъ, послѣ исполненія надъ ними опредѣленнаго наказанія, т. е. поротія ноздрей и рѣзанія носа; назначеніе мѣста ссылки зависѣло отъ усмотрѣнія Государя ([686]). Въ Украинскіе города ссылались тати за первую и вторую татьбу; послѣ отсидѣнія урочныхъ лѣтъ въ тюрьмѣ, а разбойники за первый разбой тоже по окончаніи положеннаго имъ тюремнаго заключенія. Они посылались въ Украинскіе

города туда, куда Государь указывалъ и велѣно имъ тамъ было быть *въ какой чинъ пригодятся* (687). Подъячій, изобличенный въ томъ, что во второй разъ не записалъ суднаго дѣла въ книгу, для сокрытія пошлинъ, ссылался въ Украинскіе города на службу, въ какую пригодится (688). Въ Сибирь на житье на Лену ссылались тяглые посадскіе люди, которые послѣ изданія Уложенія закладывались у кого и именовали себя чьими нибудь крестьянами (689).

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Тюремное заключеніе употреблялось въ Россіи до изданія Уложенія, какъ самостоятельное наказаніе и какъ мѣра охраненія; какъ самостоятельное наказаніе тюремное заключеніе было пожизненное или временное. Тюрьма по смерть преимущественно употреблялась, когда преступникъ, подлежавшій смертной казни, не признавался въ своемъ преступленіи (690). Назначеніе срока временнаго заключенія зависѣло отъ усмотрѣнія верховной власти, которая также назначала мѣсто для содержанія преступника. Какъ мѣра охраненія, заключеніе употреблялось не только для подсудимыхъ, но и для виновныхъ въ извѣстномъ преступленіи; въ первомъ случаѣ подсудимый подвергался заключенію, если не могъ представить порукъ въ томъ, что въ опредѣленный срокъ явится на судъ или заплатитъ долгъ, или что за неуплатой долга будетъ ставиться на правежъ; тому же наказанію подвергались и тѣ, которые не могли представить порукъ въ томъ, что впередъ не будутъ повторять учиненнаго ими преступленія. Содержимаго въ тюрьмѣ *ковали въ желѣза* тогда только, когда неподлежало сомнѣнію, что онъ не можетъ представить порукъ. Поручители (порутчики), принимая на свою отвѣтственность подсудимаго или отвѣтчика *отвѣчали головою въ его мѣсто*, въ случаѣ неисполненія съ его стороны возложенной на него обязанности или въ случаѣ совершенія имъ новаго преступленія; или принуждены были заплатить сумму денегъ, заблаговременно опредѣленную въ *поручной записи* и пополнить всѣ убытки истца и судебныя издержки (691).

Характеръ тюремнаго наказанія не измѣнился въ Уложеніи, въ кото-

ромъ видно продолженіе началъ, основанныхъ на постановленіяхъ, ему предшествовавшихъ. Тюремное заключеніе продолжало быть мѣрою охранительною и наказаніемъ иногда единственнымъ, а чаще соединеннымъ съ тѣлесными и съ денежными наказаніями. Срокъ содержанія въ тюрьмѣ, большею частію былъ опредѣленъ; замѣчательно, что въ Уложеніи не встрѣчается заключеніе на всю жизнь. Сроки содержанія въ тюрьмѣ, опредѣленные закономъ были слѣдующіе: *четыре года* за татьбу, учиненную во второй разъ (692); *три года* за разбой, учиненный въ первый разъ (693); *два года* за первую татьбу (694), *годъ* за ложную присягу (695), за убійство родителями дѣтей своихъ (696), за покражу въ четвертый разъ корчемнаго вина (697); *полгода* за второе воровство, учиненное въ Государевомъ дворѣ (698), за принужденіе къ дачѣ крѣпостной записи *нарядным*ъ *дѣломъ* поневолѣ (699), за продажу корчемнаго вина въ третій разъ (700); *три мѣсяца* за вынутіе въ Государевомъ дворѣ, но не при Государѣ, оружія на кого нибудь (701), за похвальбу въ учиненіи смертнаго убійства человѣкомъ безпомѣстнымъ и безвотчиннымъ, или иноземцемъ кормовымъ (702), за отнятіе и изорваніе Государевой грамоты или за оскорбленіе пристава, привезшаго наказную грамоту (703); *шесть недѣль* за прибитіе кого нибудь до крови въ Государевомъ дворѣ (704); *мѣсяцъ* за нанесеніе въ церкви ранъ, побоевъ и обиды словомъ (705), за ударъ рукою, учиненный въ Государевомъ дворѣ (706), за укрывательство въ третій разъ отвѣтчика отъ посланнаго за нимъ пристава (707), за покупку въ третій разъ корчемнаго вина (708); *двѣ недѣли* за покупку во второй разъ корчемнаго вина (709), за обиду словомъ, нанесенную въ Государевомъ дворцѣ (710); *недѣля* за хожденіе въ городѣ съ пищалями и луками (711), за челобитню, поданную людьми *почестнѣе* прямо Государю мимо приказовъ (712) за побѣгъ отъ пристава по требованію имъ поруки для явки въ судъ (713). Кромѣ опредѣленныхъ сроковъ, въ Уложеніи встрѣчается заключеніе, *на сколько Государь укажетъ* (714), *до Государева указу* (715) и однажды безъ всякаго опредѣленія срока, *вкинуть въ тюрьму* (716). Люди, которые не имѣли порукъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый долженъ былъ представить поручителей для того, чтобы остаться на свободѣ, подвергались заключенію впредь до представленія порукъ (717). Тати и разбойники, которымъ опредѣленъ былъ долгій срокъ сидѣнія 4, 3 и 2 года во время своего заключенія, посылались въ кандалахъ работать *на всякія издѣлія*, гдѣ Государь указывалъ (718).

Тюрьмы въ Москвѣ были въ вѣдѣніи Разбойнаго Приказа и строились на счетъ Государевой казны (719). Цѣловальниками и сторожами въ Москов-

скихъ тюрьмахъ были тяглые люди изъ черныхъ сотень и слободъ ([720]). Въ городахъ тюрьмы строились и цѣловальники и подьячіе и тюремные сторожа избирались съ посадовъ и съ деревень, какъ принадлежавшихъ Государю, такъ и духовенству и со всякихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, съ которыхъ собирались, по раскладкѣ, деньги нужныя на содержаніе тюремъ ([721]). Впрочемъ, изъ вотчинъ и помѣстій, въ которыхъ было меньше двадцати дворовъ, запрещено было избирать цѣловальниковъ, подъячихъ и сторожей ([722]). Тюрьмы въ городахъ состояли въ вѣдѣніи губныхъ старостъ; имъ вмѣнялось въ обязанность часто осматривать тюрьмы и тюремныхъ сидѣльцевъ, для того, чтобы тюрьмы были крѣпки, и чтобы у сидѣльцевъ ничего не было, чѣмъ бы имъ изъ тюрьмы вырѣзываться ([723]). Заключенные въ тюрьмѣ не получали казеннаго продовольствія; тѣ изъ нихъ, которые имѣли родителей или родственниковъ, получали содержаніе отъ нихъ; для добыванія пищи тѣмъ изъ заключенныхъ, которымъ не было чѣмъ содержаться, посылались ежедневно два человѣка изъ менѣе виновныхъ, скованные, съ сторожами, для собиранія по торгамъ и по дворамъ милостыни деньгами и хлѣбомъ; все собранное раздѣляли они съ своими товарищами и тѣмъ кормили себя ([724]). Кажется, что не всегда довольствіе заключенныхъ было обильно, что можно заключить изъ того, что содержавшіеся въ тюрьмахъ, прося Государя объ освобожденіи, писали, что сидя за рѣшеткою, помираютъ голодною смертію, и оканчивали челобитню слѣдующимъ образомъ: »Милосердный Государь, пожалуй меня сироту своего, вели Государь, потому »дѣлу свой Великаго Государя милостивый указъ учинить, и меня сироту »своего изъ за рѣшетки свободить, чтобъ сидя мнѣ сиротѣ твоему за рѣшет»кою голодною смертью не умереть ([725])«.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

ДЕНЕЖНЫЯ НАКАЗАНІЯ.

Древній характеръ денежныхъ наказаній совершенно измѣнился, виры и головничество вышли изъ употребленія гораздо прежде Уложенія; преступленія противу частныхъ лицъ начали считаться дѣйствіями, оскорбляющими святость Государственнаго союза, отъ чего запрещено было мириться съ раз-

бойниками [726]. Денежныя наказанія существовали только въ видѣ вознагражденія за убытки и ущербы, нанесенные частному имуществу и за оскорбленіе чести; въ семъ послѣднемъ случаѣ они назывались *безчестіемъ*, количество котораго, какъ мы выше видѣли, было большею частію опредѣлено закономъ. Это безчестіе было простое, двойное и даже тройное [727]. Вознагражденіе было тоже простое [728], и двойное [729]. Въ двухъ только случаяхъ важныхъ преступленій встрѣчаются денежныя взысканія, которыя противурѣчатъ цѣлой системѣ наказаній, принятой Уложеніемъ. Появленіе этихъ двухъ исключеній надобно приписать вліянію Литовскаго Статута: за отсѣченіе членовъ при мучительскомъ наруганіи, виновный, какъ мы уже видѣли, подвергался возмездію, и сверхъ того платилъ по пятидесяти рублей за каждый членъ [730], и если похвалявшійся, противу котораго взята была *опасная грамота*, учинилъ убійство, тогда съ него взыскивалась заповѣдь, написанная въ записи, изъ которой половина поступала въ казну, а другая въ пользу родственниковъ убитаго [731]. Впрочемъ, съ убійцы иногда взыскивались деньги, но онѣ поступали не къ родственникамъ убитаго, а на заплату его кабальныхъ долговъ [732]. Денежныя наказанія полагались за слѣдующіе проступки: 1) за ловлю рыбы изъ Государевыхъ прудовъ и озеръ, бралось на Государя пени, сколько Государь указывалъ [733]; 2) за ложное сказываніе купцовъ, что они служилые люди, для избѣжанія платежа мыта, взыскивалось пени пять рублей [734]; 3) за неправосудіе, съ судей брали истцовъ искъ втрое, который отдавался истцу, а на Государя брали пошлины, пересудъ, и правый десятокъ [735]; 4) за требованіе лишняго иска взыскивались тройныя пошлины [736]; 5) за нанесеніе продажъ и убытковъ городскимъ и уѣзднымъ жителямъ, взыскивалось съ воеводы и дьяковъ на Государя пени, сколько Государь указывалъ [737]; 7) за допущеніе дѣла до суда владѣльцомъ, котораго скотъ сдѣлалъ поврежденіе въ чужой землѣ, взыскивалась двойная пошлина на Государя [738], за держаніе у себя людей съ рѣзаными ушами, которые не отсидѣли въ тюрьмѣ положеннаго для нихъ срока [739] и за нарушеніе корчемныхъ правилъ [740].

Конфискація имущества существовала съ самыхъ древнѣйшихъ временъ въ Россіи; она была извѣстна при Великомъ князѣ Владимірѣ; въ Русской Правдѣ она опредѣлена была противу преступниковъ, уличенныхъ въ разбоѣ, за кражу княжескаго коня и зажигательство княжескаго гумна, не смотря на то, что виновный сверхъ того выдавался князю головою. Въ позднѣйшія времена, конфискація имуществъ встрѣчалась весьма часто, пре-

имущественно въ соединеніи съ смертною казнію, хотя бывали примѣры, что преступникъ не лишаясь жизни, терялъ имущество. Изъ уставныхъ и жалованныхъ грамотъ видно, что *статокъ* или имѣніе преступника, уличеннаго въ душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ, употреблялось частію на удовлетвореніе истца; но преимущественно поступало въ руки намѣстниковъ или князей. Въ судебникахъ Іоанновъ III и IV, конфискація получила гораздо точнѣйшія правила; она преимущественно употреблялась въ тягчайшихъ преступленіяхъ, когда преступникъ подвергался смертной казни. Все имущество, за исключеніемъ части, служившей для удовлетворенія иска, поступало въ казну ([741]). По Уложенію, конфискація имущества полагалась за слѣдующія преступленія: 1) за измѣну брались всѣ вотчины, помѣстья на Государя, и имущество родственниковъ, знавшихъ про измѣну ([742]); но для предупрежденія злоупотребленій тѣ только купчія и закладныя на имѣнія измѣнниковъ признавались дѣйствительными, которыя были совершены до измѣны ([743]); 2) за оставленіе за собою послѣ срока заклада людьми, не принадлежавшими къ сословію посадскихъ, подложнымъ образомъ имуществъ, лежавшихъ въ посадахъ, которыя отнимались безденежно на Государя ([744]); 3) разбойничьи животы, которые оставались отъ истцовой выти, продавались на Государя ([745]); 4) за укрываніе помѣщикомъ своихъ людей и крестьянъ разбойниковъ, и не представленіе въ губу, отнимались у помѣщика помѣстья и отдавались въ раздачу ([746]); 5) за держаніе и продажу табаку, дворы и животы продавались, а деньги вырученныя поступали въ Государеву казну ([747]); 6) за третій побѣгъ со службы ратныхъ людей, помѣстье отъ нихъ отнималось и давалось въ раздачу ([748]).

За второй побѣгъ ратныхъ людей со службы, отнималась часть имущества: съ помѣстнаго окладу у нихъ убавлялось пятьдесятъ четвертей, да денегъ съ помѣстнаго ихъ окладу со ста четвертей по рублю ([749]).

ОТДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

ЛИШЕНІЕ ЧЕСТИ.

Вообще наказанія тѣлесныя не лишали чести; впрочемъ, кажется, что торговая казнь, совершаемая публично, имѣла между прочимъ въ виду пристыдить преступника; съ этою цѣлію встрѣчаемъ въ Уложеніи *сказаніе вины*

при многихъ людяхъ (750). Однако упоминается въ Уложеніи объ отнятіи чести-наказаніи, которому подвергались бояре, окольничіе и думные люди за неправосудіе, учиненное изъ видовъ корысти, дружбы или недружбы (751). Къ этому разряду наказаній слѣдуетъ отнести *выговоры*, *опалу* и *выдачу головою*. Выговоръ состоялъ въ объявленіи виновному, что онъ учинилъ *негораздо* и употреблялся, если отвѣтчикъ отбивался отъ пристава и по приставной памяти поруки по себѣ не давалъ (752). Опала означала преимущественно гнѣвъ Царскій, удаленіе виновнаго отъ двора, *съ глазъ Государя*, и угрожала преступнику потерею довѣренности Царской, лишеніемъ знатной должности при дворѣ, службою въ отдаленномъ городѣ (753). Царская опала, падая преимущественно на приближенныхъ къ престолу, была въ особенности чувствительна для Царедворцевъ, по нелицемѣрной любви къ Монарху, которою издревле отличались Русскіе. По Уложенію, подвергались опалѣ воеводы, которые проѣзжихъ грамотъ вскорѣ кому не давали, и тѣмъ чинили простой и убытки (754), и люди всякихъ чиновъ и крестьяне въ Москвѣ, которые покупали недвижимую собственность въ посадахъ (755). Выдача головою назначалась за высшія степени обиды, когда истецъ не могъ довольствоваться денежной пеней, вообще опредѣляемой за личную обиду и требовалъ наказанія болѣе удовлетворительнаго для своей оскорбленной чести, отъ котораго бы могло въ свою очередь оскорбиться честолюбіе его соперника. Въ этомъ значеніи выдача головою отличалась отъ выдачи преступника на произволъ или въ собственность истца, и отъ выдачи неисправнаго должника заимодавцу въ услуженіе, т. е. выдача головою *до искупа*, и можно сказать, что она была не что иное какъ обрядъ, оскорбляющій чувство чести виновнаго. Этотъ обрядъ состоялъ въ слѣдующемъ: истца или отвѣтчика, обвиненнаго по суду, приводили на дворъ его соперника приставы, въ сопровожденіи дьяка или же подъячаго. На нижнемъ крыльцѣ онъ долженъ былъ ожидать прихода соперника. Когда онъ являлся на крыльцѣ, дьякъ или подъячій говорилъ, что Великій Государь указалъ, бояре приговорили такого человѣка къ нему отдать головою. Бояринъ благодарилъ за *Царское жалованье*, отпускалъ соперника, довольствуясь его униженіемъ и даже одарялъ дьяка или подъячаго, а на другой день ѣздилъ къ самому Царю благодарить за его *жалованье* (756). Выдача головою преимущественно производилась за споры о мѣстничествѣ, о которомъ въ Уложеніи ничего не упомянуто; за то выдача головою была опредѣлена за оскорбленіе словомъ Патріарха боярами, окольничими и думными людьми (757).

ОТДѢЛЪ ОСЬМОЙ.

ОТРѢШЕНІЕ ОТЪ ДОЛЖНОСТИ.

Отрѣшеніе отъ должности назначалось за нѣкоторыя преступленія, опредѣленныя закономъ. Уложеніе нашло это наказаніе въ законахъ предшествовавшихъ ему. По судебнику, подъячій и недѣльщики отрѣшались отъ должности: во первыхъ когда находили у нихъ за городомъ или на подворьѣ списки съ судебныхъ дѣлъ, которые должны были храниться въ приказахъ: во вторыхъ, когда они брали *посулъ*. Въ Стоглавѣ судьямъ угрожается отрѣшеніемъ отъ должности, не только за лихоимство, но также за продажу и насильство. Достаточнымъ доказательствомъ въ этихъ преступленіяхъ считалось показаніе добрыхъ свидѣтелей, и виновные подвергались наказанію безъ суда (758). По уложенію судьямъ неправосуднымъ не велѣно было впредь *быть у дѣла* (759). За вынось дѣлъ изъ приказа, Уложеніе постановляетъ тоже самое наказаніе, которое существовало въ судебникѣ (760). Недѣльщикъ за медленную ставку отвѣтчика къ суду и за взятіе лишняго хоженаго сверхъ указу, когда въ этомъ былъ изобличенъ во второй разъ, выкидался изъ недѣльщиковъ (761). Губные цѣловальники тоже выкидывались изъ цѣловальниковъ за освобожденіе татей и разбойниковъ (762); тому же наказанію подвергались объѣзжіе головы и дѣти боярскія, которые взявъ откупъ, отпускали табачниковъ и корчемниковъ (763).

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ВНУТРЕННЕЕ ОТНОШЕНІЕ НАКАЗАНІЯ КЪ ПРЕСТУПЛЕНІЮ.

Нѣтъ, можетъ быть, ничего труднѣе, какъ найти внутреннія отношенія между наказаніемъ и преступленіемъ. Средства, находящіяся въ рукахъ нашихъ, съ трудомъ могутъ преодолѣть встрѣчаемыя препятствія. Исторія Уголовнаго права представляетъ много попытокъ для достиженія этой цѣли, которые проявились въ трехъ системахъ, въ Греческой, въ Италіянско-Французской и Нѣмецкой; двѣ послѣднія системы явились послѣ изданія Уложенія, потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Кодексѣ Царя Алексѣя Михайловича не встрѣчаются начала такъ называемой политики Уголовнаго права, преимущественно созданной знаменитыми трудами Монтескье, Филанжіери и Пасторета; тѣмъ болѣе, Уложенію не могли быть извѣстны начала новой Нѣмецкой школы, которая полагаетъ, что мѣра наказанія должна быть основана на личныхъ качествахъ преступника. Словомъ, можно сказать, что въ Уложеніи преимущественно господствуютъ древнія понятія о справедливости, развитыя въ древности Греками, по которымъ для опредѣленія внутренняго отношенія между преступленіемъ и наказаніемъ, нужно было прибѣгнуть къ началамъ возмездія.

Возмездіе, встрѣчаемое въ Уложеніи, было формальное; матеріальное, господствовавшее въ древнемъ Русскомъ правѣ, начало исчезать прежде Уложенія. Оно существовало во время господства кровной или родовой мести и являлось еще иногда во времена близкія къ изданію судебника, чему примѣры находимъ въ исторіи: во первыхъ въ убіеніи Дмитріемъ Тверскимъ, по прозванію *грозные очи*, въ ордѣ дяди его Георгія Даниловича, по извѣтамъ ко-

тораго былъ лишенъ жизни отецъ Дмитрія, Святый Михаилъ Тверской, и во вторыхъ въ ослѣпленіи Димитріемъ Шемякою Великаго Князя Василія, получившаго отъ того названіе Темнаго: Шемяка мстилъ за ослѣпленіе своего брата Василія Косаго, и потому считалъ это достаточнымъ оправданіемъ своей жестокости въ глазахъ народа и Великаго князя (764). Когда наказаніе сдѣлалось принадлежностію верховной власти, замѣтны были вначалѣ слѣды вліянія матеріальнаго взгляда; сюда относятся съ одной стороны, наказанія, подвергавшія преступника тому же злу, какое онъ причинилъ своимъ преступленіемъ; съ другой–лишеніе членовъ, которые служили орудіемъ для исполненія тѣхъ или другихъ преступленій. За воровство отсѣкали руки, за клевету и злорѣчіе языкъ, за ослѣпленіе лишали зрѣнія, за отравленіе умерщвляли ядомъ.

Въ Уложеніи остались весьма слабые слѣды физическаго или матеріальнаго возмездія, въ немъ основаніемъ соразмѣрности между наказаніемъ и преступленіемъ, служило формальное или юридическое возмездіе. Всѣ преступленія, которыя уничтожали бытіе частныхъ лицъ, или угрожали общественному быту, наказывались отнятіемъ юридическаго бытія у того, кто совершалъ такія преступленія. Это наказаніе было смертная казнь, которая по чистымъ юридическимъ началамъ справедливости, только одна можетъ соотвѣтствовать величинѣ совершеннаго противузаконнаго дѣйствія и самымъ удовлетворительнымъ образомъ можетъ уравновѣсить это дѣйствіе. Второй родъ преступленій состоялъ изъ дѣйствій, которыя производятъ нарушеніе правъ не въ цѣлости, но въ какой нибудь части, и притомъ такихъ, которыя могутъ быть возстановлены. Противу этихъ преступленій, Уложеніе полагаетъ отнятіе членовъ; это наказаніе преимущественно было заимствовано изъ Литовскаго Статута и Градскихъ законовъ. Въ Уложеніи отнятіе членовъ теряетъ свой прежній характеръ матеріальнаго возмездія, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ отмѣна отсѣченія руки за воровство, отрѣзанія языка за клевету и т. п. Кромѣ отсѣченія членовъ, за этотъ родъ преступленій Уложеніе опредѣляетъ тяжкія тѣлесныя наказанія и тюремное заключеніе. Третій родъ преступленій составляютъ Полицейскіе проступки, къ которымъ относятся такія дѣйствія, которыя не нарушаютъ самаго права, но только ограничиваютъ средства, употребляемыя для обезпеченія правъ. Противъ нарушеній третьяго рода, Уложеніе опредѣлило денежныя наказанія, кратковременное тюремное заключеніе и легчайшія тѣлесныя наказанія. Уложеніе тоже обращало вни-

маніе на волю и на дѣйствіе внѣшнее; но объ этомъ предметѣ мы уже говорили, разсматривая сущность преступленій.

Обращая вниманіе на наказанность преступленій со стороны личныхъ свойствъ и качествъ преступника, можно замѣтить, что кромѣ наказанности объективной, должно имѣть еще въ виду наказанность субъективную, и что преступленія по разнымъ отношеніямъ лица, совершившаго запрещенное дѣйствіе, могутъ быть наказываемы строже или легче. Къ обстоятельствамъ, увеличивающимъ наказаніе, могутъ быть отнесены слѣдующія: 1) Повтореніе преступленія; этотъ случай былъ извѣстенъ въ законахъ до Уложенія, по которымъ за воровство, учиненное въ первый разъ, преступникъ наказывался только торговою казнію и отдавался на крѣпкую поруку; но за второе и третье, подвергался пыткѣ и смертной казни. Подобно тому, за одинъ или за два разбоя виновный освобождался иногда отъ смертной казни, между тѣмъ, какъ признаніе въ трехъ разбояхъ во всякомъ случаѣ, подвергало лишенію жизни [765]. Въ Уложеніи есть нѣсколько случаевъ, въ которыхъ отъ повторенія преступленія измѣнялись не только степень, но и самый родъ наказанія. Говоря о преступленіяхъ, мы уже подробно разсматривали и взысканія; посему, не повторяя сказаннаго выше, мы здѣсь ограничимся исчисленіемъ только однихъ случаевъ. Такъ усиливалось наказаніе отъ повторенія татьбы и разбоя [766], отъ непослушанія распоряженіямъ правительства [767], отъ злоупотребленія по службѣ [768], отъ побѣга съ военной службы [769], отъ воровства на Государевомъ дворѣ [770], и наконецъ за повтореніе нарушенія правилъ по дѣламъ табачнымъ и корчемнымъ [771]; 2) *стеченіе преступленій*. Если изъ двухъ преступленій одно превышало другое, то виновный подвергался наказанію, опредѣленному закономъ за большее преступленіе. Такъ, преступникъ, изобличенный въ учиненіи убійства на татьбѣ или разбоѣ, прямо подвергался смертной казни [772]; 3) *учиненіе преступленія вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ,* чему основаніемъ служило, частью предположеніе что онъ учинилъ преступленіе злонамѣренно, частію же, что онъ оказывался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ, какъ скоро былъ уже извѣстенъ за лихаго человѣка [773]; 4) *степень лица физическаго или нравственнаго,* права котораго были нарушены преступленіемъ. Такъ мы уже видѣли, что тоже самое преступленіе, совершенное въ присутствіи Государя или на Государевомъ дворѣ, или въ судѣ, строже наказывалось чѣмъ, когда оно было учинено не въ этихъ мѣстахъ; равнымъ образомъ въ обидахъ, чѣмъ выше было званіе обиженнаго и чѣмъ ниже званіе было обидчика, тѣмъ взысканіе было

строже; 5) *степень лица, учинившаго преступленіе:* такъ за неправосудіе у бояръ, окольничихъ и думныхъ людей отнималась честь, а судьи не изъ думныхъ людей подвергались торговой казни (774). За записку дѣла не такъ какъ въ судѣ было, дьякъ подвергался торговой казни и отрѣшался отъ должности, а подъячему за тоже преступленіе отсѣкалась рука (775). За медленность въ рѣшеніи дѣла, дьяки наказывались батогами, а подъячій кнутомъ (776), за подачу челобитень мимо приказовъ прямо Государю, челобитчики подвергались наказанію батогами, а кто *почестнѣе* того велѣно было сажать въ тюрьму на недѣлю (777).

Уложеніе не знаетъ обстоятельствъ, служащихъ основаніемъ къ уменьшенію наказанія. Къ обстоетельствамъ, освобождающимъ отъ наказаній, можно причислить необходимую оборону, о которой мы уже говорили. Срокъ давности нигдѣ не опредѣленъ въ Уложеніи, а о помилованіи встрѣчаемъ одно только правило, что, если Государь проститъ измѣнника, то не возвращать ему конфискованныхъ помѣстій (778). Впрочемъ, въ исторіи встрѣчаются многіе примѣры помилованія, которые могли только исходить отъ верховной власти.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Правила, изложенныя въ Уложеніи о судопроизводствѣ, въ главныхъ чертахъ не представляютъ ничего новаго; все существенное есть продолженіе постановленій судебника и правилъ, собранныхъ въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа. Уложеніе не составляетъ эпохи въ судопроизводствѣ, которое оставалось неизмѣннымъ до радикальнаго измѣненія, сдѣланнаго мудрымъ преобразователемъ Россіи Петромъ Великимъ.

Въ Уложеніи для всѣхъ родовъ дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, существовалъ одинъ порядокъ судопроизводства, который въ подробности изложенъ въ X главѣ; къ этому общему правилу допущены нѣкоторыя дополненія, относящіяся къ татинымъ и разбойнымъ дѣламъ. Эти дополненія не такъ много отличались отъ общаго порядка, чтобы составить другой родъ, а могли только образовать особый видъ общаго порядка судопроизводства. Для объясненія этихъ общихъ началъ, надобно въ частности изслѣдовать всѣ отдѣлы, входящіе въ составъ судопроизводства.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О ПОДСУДНОСТИ.

Всѣ учрежденія, нося въ себѣ отпечатокъ исторической необходимости, отличались въ особенности спеціальностію своею. Приказы, высшія учрежденія Россіи во времена Уложенія, отличаются этимъ характеромъ; въ особенности замѣтна была наклонность классификовать вѣдомства управленія по сословіямъ; отъ того образовалось общее правило, что если кому случилось бить челомъ о чемъ нибудь или на комъ искать судомъ, тотъ долженъ былъ обращаться въ Приказъ, подъ которымъ кто въ вѣдомости написанъ и судимъ ([779]). Для дѣлъ разбойныхъ, татиныхъ и убійственныхъ, со временъ Іоанна учрежденъ Разбойный Приказъ и губные старосты; въ послѣдствіи для тѣхъ же преступленій, совершенныхъ въ Москвѣ, учрежденъ земскій дворъ; впрочемъ вѣдомству этихъ установленій подчинены были разбойныя и татиныя дѣла, когда истцы били челомъ съ поличнымъ, или, когда подозрѣваемые были лихованы въ обыскахъ или были обвиняемы язычною молкою; въ противномъ случаѣ эти дѣла разсматривались въ Судномъ приказѣ, гдѣ кто судимъ ([780]). Но если дѣло доходило до пытокъ, то истцы и отвѣтчики отсылались въ Разбойный Приказъ. Изъ чего можно заключить, что порядокъ движенія дѣлъ убійственныхъ, татиныхъ и разбойныхъ, былъ скороокончательный и употреблялся тогда, когда не нужно было прибѣгать къ сложнымъ доказательствамъ, для удостовѣренія въ фактѣ.

Приказы были не только административныя установленія, но и судебныя, которыя рѣшали всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, кромѣ предоставленныхъ Разбойному Приказу. Во внутреннемъ устройствѣ приказовъ, начало единовластнаго управленія было преобладающимъ во времена Уложенія. Хотя въ царствованіе Алексѣя Михайловича Московскими приказами, областями и уѣздами завѣдывало уже не одно, но многія лица: *воеводы съ товарищами*; но это назначеніе нѣсколькихъ лицъ не имѣло въ виду введенія коллегіальнаго устройства, а только облегченіе воеводы, которому поручался приказъ, потому что многосложность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышала силы одного человѣка. Право суда и расправы въ дѣлахъ гражданскихъ имѣли всѣ приказы безъ исключенія; но чрезвычайно трудно опредѣлить предметы и лица, на которые простиралась судебная власть

каждаго приказа въ особенности; эта трудность происходитъ отъ неправильнаго распредѣленія предметовъ вѣдомства между приказами и зависѣла отъ историческаго развитія судоустройства въ этомъ періодѣ. Дабы составить понятіе о кругѣ дѣйствія Московскихъ приказовъ, надобно обратить вниманіе на юридическія начала, опредѣляющія ихъ занятія. Главнѣйшія изъ этихъ началъ были слѣдующія:

1. Начала управленія областями или странами. Приказъ, которому было ввѣрено управленіе областію Московскаго царства, имѣлъ въ ней право суда и расправы во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ и между всѣми лицами. Этимъ началомъ опредѣляется подсудность въ приказахъ: 1) Казанскаго дворца, 2) Сибирскомъ, 3) въ четвертныхъ приказахъ: Владимірскомъ, Галицкомъ и Устюжскомъ, 4) Великороссійскомъ, 5) Литовскомъ, 6) Лифляндскихъ дѣлъ, 7) Малороссійскомъ и 8) Смоленскомъ. Эти приказы состояли подъ вѣдомствомъ Государственнаго Посольскаго приказа, они учреждались по мѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи. Судебная власть ихъ простиралась на всѣ гражданскіе споры, возникавшіе въ подвѣдомственной имъ области.

2. Начало отдѣльнаго управленія гражданскими сословіями. Судебная власть приказовъ, подъ вѣдомствомъ которыхъ состояли цѣлыя гражданскія сословія, ограничивалась большею частію судными дѣлами между лицами, принадлежащими къ этимъ сословіямъ. Приказы, завѣдывающіе цѣлыми сословіями, были слѣдующіе: 1) Аптекарскій, имѣвшій судебную власть въ исковыхъ дѣлахъ между иностранными докторами и лекарями, которые находились въ Россіи, и молодыми Русскими, отданными имъ на обученіе; 2) Иноземскій, между иноземцами, служившими въ Русскомъ войскѣ; 3) Казачій, между атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, кормовымъ и бѣломѣстнымъ, коннымъ и пѣшимъ въ Москвѣ и городахъ; 4) Монастырскій, между митрополитами, архіепископами, епископами, приказными людьми, дѣтьми боярскими, состоявшими на службѣ у духовенства, ихъ дворовыми людьми и крестьянами, монастырями, архимандритами, игуменами, всѣмъ монашескимъ и священническимъ чиномъ, монастырскими слугами и крестьянами, и церковнослужителями; 5) Патріаршій разрядъ между всѣми состоявшими на службѣ у патріарха, патріаршими приказными людьми, его крестьянами и дворовыми людьми, и всѣми живущими въ его домовыхъ вотчинахъ; 6) Пушкарскій, между пушкарями, засѣчными головами, затинщиками, воротниками городовыми, селитренными и колодезными мастерами; 7) Рейтар-

скій, между рейтарами; 8) Разрядный, между дворянами нижнихъ чиновъ до стольниковъ; 9) Стрѣлецкій, между Стрѣльцами Московскими и городовыми; 10) Ямской между ямщиками; 11) Посольскій, между всѣми иностранцами, какого бы званія ни были, кромѣ тѣхъ, которые вѣдались въ иноземномъ приказѣ; 12) большаго двора, между дворцовыми крестьянами, и 13) большія казны, между гостями, гостинными и суконными сотнями, и купцами.

3. Начало администраціи, по различнымъ отраслямъ управленія: 1-е) вотчинный приказъ по дѣламъ вотчиннымъ и помѣстнымъ; 2-е) холопій приказъ завѣдывалъ дѣлами о крѣпостныхъ людяхъ; 3-е) судные приказы по спорамъ и тяжбамъ, возникавшимъ вслѣдствіе договоровъ и гражданскихъ преступленій. Судныхъ приказовъ, кромѣ патріаршаго и дворцоваго, было во время Уложенія три: Новгородскій, Московскій и Владимірскій; 4-е) наконецъ, патріаршій разрядъ судилъ дѣла о духовныхъ и рядныхъ записяхъ ([781]).

Дѣла разбойныя, убійственныя и татиныя при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы выше упомянули, совершенныя въ Московскомъ уѣздѣ, вѣдались въ разбойномъ приказѣ ([782]). Совершенныя въ Москвѣ вѣдались въ Земскомъ дворѣ ([783]); въ другихъ же городахъ вѣдались губными старостами и цѣловальниками, по наказамъ изъ Разбойнаго Приказу, а гдѣ не было губныхъ старостъ, тамъ губныя дѣла вѣдали воеводы и приказные люди ([784]).

Разбойный Приказъ существовалъ уже въ самомъ началѣ Царствованія Іоанна IV. Въ грамотѣ, данной Бѣлозерцамъ въ 1539 г, упоминается о боярахъ Московскихъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла ([785]). Бояре въ Разбойномъ Приказѣ руководствовались при исправленіи своей должности такъ называемою *Уставною книгою Разбойнаго Приказа*, которая хранилась въ приказѣ за подписью дьяковъ Василія Щелкалова и Мясоѣда Вислаго. Въ случаяхъ сомнительныхъ, бояре испрашивали разрѣшенія Государя. Приговоръ думныхъ бояръ записывался также въ Уставную книгу, отчего въ ея спискахъ вмѣстѣ съ первоначальнымъ текстомъ содержатся и позднѣйшія дополненія ([786]). Уставная книга служила основаніемъ XXI главѣ Уложенія. Съ 1663 по 1683 годъ Разбойный Приказъ именовался *Сыскныхъ дѣлъ приказомъ*, но въ 1681 и 1684 г. въ записныхъ книгахъ писанъ Разбойнымъ Приказомъ, а въ 1684 г. Цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ указали Разбойный Приказъ писать Сыскнымъ; а въ 1701 году Ноября во 2 й день по имянному указу, сыскному приказу быть невелѣно; имѣющіяся же въ томъ приказѣ дѣла, были отосланы въ тѣ приказы, въ которыхъ которые чины расправою вѣдомы ([787]).

Губнымъ старостамъ поручена судебная расправа по дѣламъ разбойнымъ, а въ послѣдствіи и въ татиныхъ дѣлахъ Царемъ Іоанномъ IV; причины побудившія его передать такую огромную власть, изложены нами выше. Губные старосты и цѣловальники получали наказы изъ Разбойнаго Приказу. Въ губные старосты назначались дворяне добрые и прожиточные, которые были уволены отъ службы за старостью или за ранами, или такіе, за которыхъ служили дѣти и племянники. Необходимымъ условіемъ, чтобы занять должность губнаго старосты, было знаніе грамоты. Въ городахъ, въ которыхъ не было дворянъ, позволялось выбирать дѣтей боярскихъ, съ тѣмъ, чтобы они соединяли всѣ условія, постановленныя для дворянъ. Въ городахъ въ выборѣ губныхъ старостъ участвовали дворяне, дѣти боярскія, посадскіе и люди всякихъ чиновъ, жилецкіе и уѣздные сошные. Избранные губные старосты присылались изъ городовъ въ Москву въ Разбойный Приказъ, гдѣ они приводились къ присягѣ и отпускались въ города съ наказными памятями. Съ губными старостами были губные цѣловальники и дьяки, которые приводились къ присягѣ въ городахъ воеводами при губныхъ старостахъ, а присяжныя ихъ записи отсылались изъ городовъ въ Разбойный Приказъ (788); губнымъ старостамъ приказывалось и въ наказахъ писалось имъ съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобы они про татей и про разбойниковъ сыскивали и того смотрѣли и берегли накрѣпко, чтобы нигдѣ татей, разбойниковъ и разбойничьихъ становъ и пріѣздовъ не было (789).

Если споръ возникалъ между лицами, подсудимыми двумъ различнымъ приказамъ, то дѣло разсматривалось въ томъ приказѣ, въ вѣдомствѣ котораго состоялъ отвѣтчикъ (790). Изъ этого правила были сдѣланы нѣкоторыя исключенія а именно: встрѣчный искъ судился въ приказѣ, которому былъ подчиненъ истецъ (791). Если кто либо вчиналъ искъ, и по рѣшеніи дѣла отвѣтчикъ, не сходя съ суда, вчиналъ другой искъ противу своего истца, то послѣдній искъ назывался встрѣчнымъ. Въ дѣлахъ вѣдомыхъ Разбойнымъ Приказомъ и губными старостами подсудность опредѣлялась не только мѣстомъ жительства преступника, но и мѣстомъ, гдѣ совершено преступленіе, и мѣстомъ поимки виновнаго.

Въ судахъ письмоводствомъ занимались дьяки и подъячіе, исполнителями же судебныхъ опредѣленій были *недѣльщики, приставы, тюремные сторожа* и *палачи.*

Тяжущимся и подсудимымъ позволялось отводить судей; такъ, если истцы били челомъ на котораго губнаго старосту недружбою или поноровкою,

и у того дѣла съ тѣмъ старостою, на котораго была челобитная, велѣно было *быть иного города губному старостѣ* (792). Относительно прочихъ судей полагалось слѣдующее правило, что тѣмъ изъ нихъ, на котораго били челомъ, истецъ или отвѣтчикъ, не велѣно было судить, а судить ихъ другому судьѣ, кому Государь укажетъ (793). Впрочемъ, просить объ отводѣ можно было до суда, а не послѣ суда (794).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПОВОДЫ КЪ НАЧАТІЮ ДѢЛА.

---

1). *Общія правила.*

Дѣло получало начало подачею челобитни въ судъ или приводомъ виновнаго съ поличнымъ. Въ древней первоначальной формѣ суда не только дѣла гражданскія и иски о убыткахъ, ущербахъ и обидахъ и увѣчьѣ преслѣдовались закономъ, когда частныя лица искали покровительства установленныхъ властей, но и самыя уголовныя преступленія подходили подъ сіе общее правило. Впослѣдствіи же, когда верховная власть сознала, что нарушеніе правъ частныхъ лицъ есть вмѣстѣ нарушеніе началъ, на которыхъ зиждется все Государственное устройство; кромѣ жалобы частныхъ лицъ были приняты для преслѣдованія преступленій другія начала. Въ особенности эти понятія развились съ установленіемъ губныхъ старостъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность сыскивать всѣми средствами о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ.

Въ слѣдствіе сего, кромѣ челобитни и привода съ поличнымъ, поводомъ къ начатію суда могло быть извѣстіе о запрещенномъ дѣяніи; это извѣстіе пріобрѣталось повѣркою народной молвы посредствомъ обысковъ и оговоромъ лицъ, изобличенныхъ въ преступленіи, въ участіи съ ними другихъ лицъ.

2). *Объ искѣ.*

Искъ вчиналъ истецъ, подавая въ судъ прошеніе. Хотя не было формы прошенія, опредѣленной закономъ, но изъ многихъ примѣровъ видно, что практикой была введена общая форма, именно слѣдующая: *Царю Государю и Великому Князю бьетъ челомъ* (такой то); потомъ слѣдовали самыя обстоятельства дѣла: излагалось содержаніе иска, приводились его основанія и проч., за тѣмъ:

Царь Государь смилуйся пожалуй вели (то и то), и на концѣ *Царь Государь смилуйся.* Называя себя по имени, приводя въ прошеніи названіе деревень, упоминая о людяхъ, земляхъ и проч, челобитники употребляли самыя уничижительныя выраженія: нищихъ, людишекъ, а въ собственныхъ именахъ: Митька, Мелешка, Лавринка, и. т. п. Обычаемъ даже были введены нѣкоторыя выраженія, которыя челобитчики неоднократно повторяли въ своихъ жалобахъ, на примѣръ: *бьетъ челомъ и плачется* (такой-то). *Смилуйся пожалуй Государь вели* (то и то) *учинить, чтобы мы нищіе* (отъ такого то) *великаго утѣсненія въ конецъ не загибли; чтобы намъ голодною смертію не умереть* и пр. ([795]). Въ прошеніи слѣдовало назначать цѣну иска; если же цѣны не было выставлено, то отвѣтчикъ могъ не отвѣчать ([796]). Къ прошеніямъ надобно отнести письменныя явки, которыя подавались въ приказы къ воеводамъ и губнымъ старостамъ тогда, когда покрали животы или взяли разбоемъ. Въ явкахъ имущество описывалось подробно ([797]).

3). *Приводъ съ поличнымъ.*

Если виновный приведенъ былъ съ поличнымъ, то разсмотрѣніе обстоятельствъ дѣла поступало въ Разбойный Приказъ или въ Губы. Вынимать поличное слѣдовало съ приставомъ и съ понятыми ([798]). При этомъ условіи поличное служило полнымъ доказательствомъ, и приведенный подвергался пыткѣ ([799]). Если кто не давалъ вынуть поличнаго съ приставами и понятыми, или, если вынутое поличное отобралъ, тогда объ этомъ обстоятельствѣ дѣлался обыскъ, и если по обыску было сказано, что онъ поличнаго у себя вынуть не далъ, отнялъ, то тоже подвергался пыткѣ ([800]). Вліяніе поличнаго было весьма значительно; отъ него зависѣла особая подсудность, а вмѣстѣ съ тѣмъ преступленіе считалось доказаннымъ; истцамъ не было болѣе нужды представлять доказательствъ для обличенія приводнаго человѣка, который подвергался пыткѣ. Для предупрежденія злоупотребленій, если виновный приведенъ былъ безъ пристава, то приводъ сохранялъ свою силу тогда только, когда приведенный человѣкъ не билъ челомъ, что его истцы ополичили насильно; въ противномъ случаѣ *сыскивалось всѣми сыски накрѣпко*, гдѣ его съ поличнымъ поймали; если же не было *кѣмъ сыскать*, то истцамъ съ приводнымъ человѣкомъ давался судъ ([801]).

4). *Обыскъ.*

Обыскъ употреблялся губными старостами и Разбойнымъ Приказомъ, какъ мѣра правительственная, которою часто пользовались не имѣя въ виду частнаго иска, единственно для того, чтобы обнаружить преступленія, которыя могли бы остаться неизвѣстными. Въ такомъ значеніи, повальный обыскъ составлялъ первую обязанность губныхъ старостъ, при самомъ вступленіи ихъ въ должность. Съ этой цѣлью губные старосты и цѣловальники съѣзжались въ одно мѣсто, куда изо всей губы должны были являться къ нимъ князья, боярскія дѣти и ихъ прикащики, крестьяне различныхъ владѣльцевъ кречетники, сокольничьи, рыболовы, бобровники и вообще всѣ сословія *безъ омѣны, чей кто нибуди, съ выти по человѣку.* На съѣздѣ губные старосты разспрашивали людей свѣтскаго состоянія по крестному цѣлованію, а духовенство по священству: »кто у нихъ въ губѣ лихихъ людей татей и разбойниковъ? къ кому разбойники и тати пріѣзжаютъ и разбойную рухлядь привозятъ? отъ кого на разбой ѣздятъ и кому разбойную рухлядь продаютъ за »разбойное«. Показанія *обыскныхъ людей* записывалъ губный дьякъ *по статьямъ, порознь,* и сами прикладывали руки, если знали грамотѣ. Если на кого показывали въ обыскѣ, что они лихіе люди, а *истецъ нѣтъ*, то старосты распрашивали о такихъ оговорныхъ людяхъ *подлинно*: »что чье лихо кто кого »разбилъ или кто кого кралъ и сколь давно, и къ кому съ разбою и на раз»бой ѣздили«. Если обыскные люди объявляли преступленія, то оговариваемые назывались *лихими людьми съ доводомъ.* Правительство пользовалось обыскомъ, сверхъ мѣры необходимой для открытія неизвѣстныхъ преступленій, какъ доказательствомъ, когда имѣло какую либо причину подозрѣвать обвиняемаго. На этомъ основаніи, обыскъ употреблялся не только когда уголовные судьи узнавали о преступленіи изъ доносовъ, обвиненія со стороны истца или собственнаго усмотрѣнія, но также преимущественно противъ тѣхъ, кого преступникъ, подвергаемый пыткѣ, называлъ своими собщниками (802). Кто былъ оговоренъ лихимъ человѣкомъ, тотъ подвергался пыткѣ, дворы ихъ, животы, хлѣбъ молоченый опечатывался, а стоячій отдавался на сбереженіе окольнымъ людямъ впередъ до рѣшенія дѣла (803). Кого же одобряли въ обыскѣ, тотъ отдавался на чистую поруку съ записью тѣхъ, кто его дарилъ (804).

5). Язычная молка.

Молкою называлось, когда преступникъ подвергаемый пыткѣ обвинялъ другихъ въ разбоѣ и татьбѣ; но послѣ полугодоваго содержанія въ тюрьмѣ, *молкѣ* татей и разбойниковъ не велѣно было вѣрить, такъ что язычная молка сохраняла силу только въ первое полугодіе поимки (805). Прежде всего *языку* давалась съ обвиняемымъ очная ставка, т. е. онъ долженъ былъ узнать его въ числѣ другихъ стороннихъ людей и въ его преступленіи *съ очей на очи* подтвердить свое обвиненіе. Впрочемъ, узнавалъ ли обвиняемаго или нѣтъ, во всякомъ случаѣ касательно послѣдняго дѣлался обыскъ (806). Исключеніе составляли только слѣдующія два обстоятельства: во первыхъ, когда кто либо будучи *бродящимъ человѣкомъ* самъ не требовалъ обыска (807); во вторыхъ, когда на одного показывали два или три языка съ пытки (808). Что касается до самаго обвинителя, то, если онъ не узнавалъ на очной ставкѣ обвиняемаго, или сговаривалъ съ него свое прежнее показаніе, его самаго допрашивали пыткою; *не по засылкѣ ихъ не узнали или узнавъ сговариваютъ.* Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, ему давалась очная ставка съ тѣми, которые приходили уговаривать. Судьбу послѣднихъ рѣшалъ также обыскъ; если народная молва ихъ обвиняла, то они подвергались торговой казни и штрафу; напротивъ, если въ обыскѣ ихъ *добрили*, они освобождались отъ всякаго наказанія (809).

6). Распросъ и пытка.

Чтобы не возвращаться къ особому порядку движенія тѣхъ дѣлъ, которыя были въ вѣдѣніи Разбойнаго Приказа, здѣсь изложимъ дальнѣйшее движеніе ихъ, послѣ того какъ онѣ получали свое начало. Судьи требовали признанія, которое было необходимо для того, чтобы обвиняемый подвергался полному наказанію, положенному въ законахъ за его преступленіе; впрочемъ, собственное признаніе не было необходимымъ условіемъ для обвиненія; такъ если на кого языкъ съ пытки въ разбоѣ говорилъ, а въ обыскахъ многіе люди называли лихими, хотя бы они на себя съ пытки не говорили, тѣмъ не менѣе подвергались смертной казни (810). Средства, которыми судьи пользовались для того, чтобы получить отъ подсудимаго признаніе, состояли въ *распросѣ* и *пыткѣ*.

Въ распросѣ преступниковъ спрашивали: »какъ давно они разбиваютъ »и крадутъ, кого именно разбивали и крали, что у кого лошадей и денегъ

»и всякаго живота на разбоѣ и татьбѣ взяли?« Когда же подсудимый не признавался по допросу, или, если подозрѣвали его въ другихъ преступленіяхъ, то онъ подвергался еще пыткѣ; такъ тать, противу котораго была доведена одна или двѣ татьбы, пытался въ иныхъ татьбахъ и убійствѣ (811). Тому же правилу подвергались разбойники (812).

Пыткой назывались различныя средства мученія, которыми судьи вынуждали у обвиняемыхъ признаніе въ томъ случаѣ, когда они не давали его добровольно. Пытка употреблялась еще въ періодъ удѣловъ, встрѣчается въ судебникѣ Іоанна III, а при Іоаннѣ IV считалось важнѣйшимъ средствомъ доказательства, относительно болѣе тяжкихъ преступленій (813). Пытка вообще тогда только употреблялась, когда были другія доказательства, заставлявшія подозрѣвать совершеніе преступленія; обыкновенно пыткѣ предшествовалъ обыскъ и только слѣдующіе случаи были исключеніемъ изъ общаго правила: 1) когда человѣкъ, оговоренный языкомъ, былъ человѣкъ бродящій и говорилъ, что его нигдѣ не знаютъ (814); 2) когда два или три разбойника съ пытокъ говорили въ разбоѣ *на причинныхъ* людей (815). Но когда разбойники оговаривали на знатныхъ людей, на дворянъ, на дѣтей боярскихъ или на торговыхъ людей, которые прежде въ приводѣ не бывали и ни на какомъ воровствѣ не объявлялись, и ни въ какихъ *причинахъ* не бывали, то по просьбѣ ихъ назначался обыскъ (816); 3) когда дворяне, приказные люди и дѣти боярскіе приводили своихъ крестьянъ или людей и дворниковъ, обвиняя ихъ въ разбоѣ, татьбѣ и приводѣ (817); когда кого приводили съ поличнымъ, вынутымъ приставомъ и понятыми, и обвиняемый не могъ очистить поличнаго и дать ему отводъ (818).

Изъ дошедшихъ описаній способа производства пытки и по сказаніямъ современниковъ Іоанна IV видно, что вбивали за ногти острые ногти или длинныя иглы, мучили желѣзными клещами, сковородами и т. п. Павелъ Іовій разсказываетъ, что подсудимыхъ обливали холодной водой (819). Изъ словъ Олеарія видно, что пытка состояла въ томъ, что подсудимымъ брили часть головы, на которую капали холодную воду, причинявшую ужасныя мученія, или, завернувъ подсудимымъ руки назадъ, ихъ поднимали вверхъ; къ ногамъ привязывали тяжелыя колодки, на которыя становился палачъ, и несчастнымъ растягивали члены. Подъ ногами зажигали огонь, отъ котораго жаръ и дымъ приводили пытаемаго въ совершенное изнеможеніе (820). Иногда, чтобы увеличить мученія, преступниковъ сѣкли или били кнутомъ, а раны терли раскаленнымъ желѣзомъ. Кошихинъ же описываетъ пытку слѣ-

дующимъ образомъ: съ вора снимали рубаху и руки его назадъ связывали подлѣ кисти веревкою, обшитою войлокомъ; послѣ подымали вверхъ. Орудіе пытки уподоблялось висѣлицѣ; ноги преступника связывали ремнемъ; палачъ вступалъ ему въ ноги на ремень своею ногою и тѣмъ его стягивалъ, такъ что руки становились прямо противу головы его, вышедъ изъ составовъ. Палачъ билъ сзади по спинѣ кнутомъ изрѣдка, ударяя въ часъ тридцатью или сорока ударами, и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ слово въ слово будто бы большой ремень вырѣзанъ ножемъ, чуть не до костей. Кнутъ былъ изъ ремня плетеный, толстый; на концѣ ввязанъ ремень толстый, шириною въ палецъ, а длиною былъ въ пять локтей. Кто съ первой пытки не винился, тотъ подвергался второй и третьей пыткѣ. Въ этихъ вторичныхъ пыткахъ жгли огнемъ, для чего связывали руки и ноги и вкладывали между рукъ и ногъ бревна, а послѣ того подымали на огонь, а инымъ разжегши желѣзныя клещи *накрасно*, ломали ребра. Женщины подвергались пыткѣ такъ какъ и мущины, съ тою только разницею, что ихъ на огнѣ не жгли и ребръ не ломали (821).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ДВИЖЕНІЕ И ОКОНЧАНІЕ ДѢЛА.

По всѣмъ прочимъ родамъ исковъ, кромѣ дѣлъ подлежавшихъ вѣдѣнію Разбойнаго Приказа и губныхъ старостъ, т. е. по общему порядку судопроизводства, послѣ подачи челобитни истцомъ, судьи дѣлали распоряженіе о вызовѣ отвѣтчика. Впрочемъ, истецъ и отвѣтчикъ могли межъ собою договариваться о срокѣ, когда имъ стать передъ судомъ; а если который изъ нихъ на срокъ не ставалъ, или кого нибудь вмѣсто себя не присылалъ, то обвинялся въ искѣ, кромѣ дѣлъ крѣпостныхъ (822). Если истецъ съ отвѣтчикомъ не договорились, тогда истецъ подавалъ за своею подписью память, которую дьякъ подписывалъ, записывалъ въ книгу и отдавалъ приставу для того, чтобы онъ, сыскавъ отвѣтчика, взялъ съ него поруки, что станетъ къ отвѣту (823). Когда отвѣтчикъ являлся по зазывной памяти въ указный срокъ, а истецъ не являлся на срокъ или въ продолженіе недѣли послѣ срока, то истецъ лишался своего иска, кромѣ крѣпостныхъ дѣлъ (824). Впрочемъ, въ

нѣкоторыхъ случаяхъ давалась отсрочка до трехъ зазывныхъ грамотъ. Судъ бралъ съ истца и отвѣтчика ставочныя поручныя записи въ томъ, что имъ до вершенія дѣла безъ указу съ Москвы не съѣзжать [825]. Когда въ назначенный срокъ тяжущіеся являлись въ судъ, то судья выслушавъ искъ истца, допрашивалъ отвѣтчика. Отвѣтчикъ опровергалъ истца; на возраженія отвѣтчика истецъ могъ дѣлать свои возраженія, и т. д. Невидно, чтобы закономъ было опредѣлено число опроверженій. Къ числу доказательствъ, служащихъ для подкрѣпленія иска или возраженій отвѣтчика, принадлежала ссылка на третье лице [826], повальный обыскъ [827], который употреблялся, когда у тяжущихся не было ближнихъ общихъ ссылокъ [828]. Въ общую ссылку принимались крестьяне и женщины [829]; но холопы и рабы, отпущенные на волю, не принимались въ ссылку [830]. Родителей запрещалось отводить [831], а жену запрещалось допрашивать противу мужа [822]. Кромѣ этихъ доказательствъ допускалась присяга, которой подвергался тотъ изъ тяжущихся, который принималъ на душу [833]. Порядокъ привода къ присягѣ опредѣленъ съ подробностію въ Уложеніи. Очистительная присяга называлась крестнымъ цѣлованіемъ, и этому предмету посвящена въ Уложеніи XIV глава, состоящая изъ 10 статей.

Тяжущіеся объясняли свои дѣла словесно: подъячіе записывали ихъ рѣчи въ приказахъ, такъ чтобы въ запискахъ не было приписки и скобленія. Когда *судъ отойдетъ*, т. е. когда судоговореніе оканчивалось, истецъ и отвѣтчикъ къ этимъ запискамъ прикладывали руки. Когда подъячій съ этой записки судное дѣло напишетъ набѣло, то дьяку велѣно было, справя дѣло съ прежнею запискою, закрѣпить своею рукою [834]. Послѣ судоговоренія запрещалось принимать дополненія къ дѣлу [835]. Дѣло рѣшали всѣ судьи *вопче*; а кто не присутствовалъ, о томъ велѣно было описывать въ приговорѣ [836]. Виновный, когда обвинялся въ искѣ, долженъ былъ вознаградить оправданнаго за всѣ убытки и проѣсти, кромѣ того удовлетворенія, которое виновный вообще долженъ былъ заплатить по существу самаго преступленія; наконецъ, съ виновнаго взыскивалась пошлина въ пользу казны, которая соразмѣрялась съ состояніемъ обвиненнаго [837].

Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи, показываетъ то великое значеніе, которое оно имѣло въ развитіи уголовнаго права въ Россіи. Заключивъ въ себѣ почти всѣ постановленія древняго права, Уложеніе останется навсегда выраженіемъ народнаго духа и силы въ тотъ священный для насъ періодъ, когда Московское государство, возвысившись предъ прочими частями обширнаго отечества нашего, завязало ядро могущества Россійской Имперіи. Заимствованіе многихъ постановленій изъ Литовскаго Статута, отъ чего наши законы получили только высшую степень полноты, но ничуть не измѣнили своего характера и направленія, пребудетъ постояннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, что княжества западной Россіи, хотя въ политическомъ управленіи составляли Государство отдѣльное отъ Московскаго Государства, но по развитію элементовъ народной жизни были одною и тою же Россіею, въ которой вліяніе чуждыхъ началъ не могло заглушить первоначальныхъ коренныхъ формъ развитія народной жизни.

Значеніе Уложенія, какъ уголовнаго кодекса, чрезвычайно важно: въ немъ встрѣчаемъ выраженіе борьбы началъ Римскаго права, принесенныхъ изъ Греціи послѣ того какъ Россія была озарена свѣтомъ христіанскаго ученія, съ началами уголовнаго права, развившимися въ возрожденной Европѣ. Борьба этихъ двухъ началъ составляетъ отличительную черту древняго Русскаго уголовнаго права не только до Уложенія, но до Воинскихъ Артикуловъ, съ изданіемъ которыхъ начинается новый періодъ для Русскаго уголовнаго права — періодъ, въ которомъ Великій Преобразователь Россіи познакомилъ отечество наше съ результатами трудовъ итальянской и нѣмецкой практики. Соединеніе Уложенія съ Воинскими Артикулами поставило уголовное право въ Россіи на высокую степень, такъ что эти два кодекса долго удовлетворяли требованіямъ своего времени, а именно до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе исполинскихъ успѣховъ науки, ознаменовавшихъ періодъ намъ современный, и подъ вліяніемъ популярной школы и новѣйшей Нѣмецкой теоріи совершилось полное преобразованіе въ наукѣ Уголовнаго Права, и явилась потребность такого кодекса, каково *Уложеніе о наказаніяхъ Уголовныхъ и исправительныхъ*, изданное по повелѣнію Благополучно Царствующаго Императора НИКОЛАЯ I-го.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Отмѣтки напечатаны въ Московскомъ Телеграфѣ, Ч. XXXVIII, № 7, въ статьѣ подъ заглавіемъ: Объ источникахъ, изъ коихъ взято Уложеніе Царя Алексія Михайловича. Слѣдующія статьи отмѣчены; противу каждой изъ нихъ поименованы источники, изъ которыхъ они заимствованы.

Глава.	Пунктъ.	
I.	1	изъ Моисеева закона.
II.	1	изъ Литовскаго.
»	4	изъ Градскихъ.
VII.	20	изъ Градскихъ.
»	29	изъ Градскихъ.
»	30	изъ Литовскаго.
VIII.	2	146 году.
IX.	19	изъ Уложенія 154 году.
X.	11	изъ нынѣшняго Уложенія.
»	14	изъ стараго Судебника и изъ нынѣшняго Уложенія.
»	21	изъ Уложенія 154 году.
»	22	изъ Литовскаго.
»	25	предъ словами: »Въ день Рождества Христова«, написано: *отъ втораго закона*.
»	109	изъ Литовскаго.
»	110	изъ Уложенія.
»	111	попомнить.
»	116	изъ Литовскаго.
»	133	изъ Литовскаго.
»	136	изъ стараго судебника.
»	137	вновь.
«	142	изъ Литовскаго.
«	144	изъ стараго судебника.

Глава.	Пунктъ.	
X.	146	вновь прибавлено.
»	147	вновь же прибавлено.
»	148	изъ стараго судебника.
»	149	вновь написано.
»	151	изъ Уложенія 154 году.
»	153	изъ Уложенія.
»	154	изъ Литовскаго.
»	155	изъ Уложенія.
»	156	изъ Уложенія.
»	157	изъ Уложенія.
»	171	изъ Градскихъ.
»	183	изъ Литовскаго.
»	184	изъ Литовскаго.
»	185	вновь.
»	186	изъ Литовскаго.
»	189	изъ Уложенія 143 г. Поговорить о той статьѣ съ бояры.
»	194	изъ Литовскаго.
»	195	изъ Литовскаго.
»	196	изъ Литовскаго.
»	197	изъ Литовскаго.
»	198	изъ Литовскаго.
»	202	изъ Литовскаго.
»	207	изъ Литовскаго.
»	208	изъ Литовскаго.
»	210	изъ Литовскаго.
»	211	изъ Литовскаго.
»	214	изъ Литовскаго.
»	217, 218, 219, 220	изъ Литовскаго.

Глава.	Пунктъ.	
X.	221	изъ Литовскаго.
»	223	
»	224	изъ Градскихъ.
»	225	
»	226	
»	227	
»	228	
»	230	изъ стараго судебника.
»	233	изъ градскихъ.
»	234	изъ Литовскаго.
»	235	
»	236	вновь пополнено.
»	238	изъ Литовскаго.
»	239	
»	244	
»	245	
»	255	135 году.
»	258	137 году.
»	259	изъ Градскихъ.
»	260	изъ того же.
»	261	изъ Уложенія.
»	269	151 года.
»	272	изъ Градскихъ.
»	273	
»	275	
»	276	
»	277	
»	278	
»	280	изъ Литовскаго.
XI.	15	вновь.
»	16	
»	17	
»	18	
»	23	149 году.
»	28	изъ Уложенія.
»	29	изъ Уложенія 156 году.
»	30	вновь.
XII.	1	149 году.
XIV.	3	изъ Уложенія.
»	5	
»	6	
»	8	
»	10	предъ словами: »И того ради подобаетъ отцемъ духовнымъ дѣтей« и проч. написано: изъ *Стоглава*.

Глава.	Пунктъ.	
XV.	2	вновь.
»	3	вновь.
XVI.	8	135 году.
»	10	129 и 130 году.
»	17	128 г.
»	24	128 г.
»	27	131 г.
»	31	152 г.
»	40	156 г. поговорить съ бояры.
»	41	123 г.
»	48	135 г.
»	49	144 г.
»	66	136 г.
»	67	136 г.
»	68	135 г.
»	69	144 г.
XVII.	15	изъ Градскихъ.
»	17	129 и 130 годахъ.
»	30	изъ стараго судебника.
»	32	
»	33	изъ стараго.
»	34	вновь пополнено.
»	35	
XX.	7	156 году.
»	16	105 и 118 году.
»	17	69 году.
»	37	67 году написано.
»	39	69 году.
»	41	111 году написано.
»	43	изъ Литовскаго.
»	44	150 г.
»	46	143 г.
»	49	116 г.
»	52	117 г.
»	54	132 году.
»	57	вновь.
»	58	
»	60	въ Уложеніи 140 г. написано.
»	63	въ Уложеніи 142 г. написано.
»	66	въ Уложеніи 143 г. написано.
»	69	146 г.
»	72	148 г.
»	75	въ Уложеніи 150 г. написано.
»	78	въ Уложеніи 151 г. написано.
»	82	въ Уложеніи 154 г. написано.
»	83	156 году.

Глава.	Пунктъ.	
XX.	88	
»	89	изъ Литовскаго.
»	90	
»	105	въ Уложеніи 148 г. написано.
XXI.	30	изъ Земскаго.
»	31	147 году.
»	47	105 году.
»	51	
»	52	изъ стараго Судебника.
»	53	
»	77	107 году.
»	88	
»	89	изъ Литовскаго.
»	90	
»	91	
XXII.	1	изъ Градскихъ.
»	2	
»	3	
»	4	изъ Литовскаго.
»	5	
»	6	изъ Стоглава.
»	7	
»	8	изъ Литовскаго.
»	9	
»	13	изъ Градскихъ.
»	14	
»	15	изъ стараго Судебника.
»	16	изъ Градскихъ.
»	17	
»	19	
»	20	
»	21	изъ Литовскаго.
»	22	
»	25	
»	26	

(2) Уложеніе. Гл. I.
(3) Ул. Гл. I, стат. 2, 6, 7.
(4) Ул. Г. II, ст. 12, 14.
(5) Ул. Г. II, ст. 1.
(6) Ул. Г. II, ст. 2.
(7) Ул. Г. II, ст. 13.
(8) Ул. Г. II, ст. 4.
(9) Ул. Г. II, ст. 21.
(10) Ул. Г. XXI, ст. 59.
(11) Текстъ Русской Правды Калачова. Москва, 1846, стр. 6, 22, 43.
(12) Судебникъ Царя Іоанна Васильевича IV, ст. 90.
(13) Акты Археографической Экспедиціи, Т. I, № 273, 208 и 217. Акты Историческіе, Т. I. № 147, 178 и 188 и другія жалованныя и уставныя грамоты.
(14) Акты Истор. Т. III. № 167.
(15) Ул. Г. X, ст. 276.
(16) Ул. Г. XXI, ст 71 и 73.
(17) Ул. Г. XXI, ст. 72.
(18) Ул. Г. II, ст. 4.
(19) Ул. Г. X, ст. 281, 282, 223, 228.
(20) Ул. Г. X, ст, 13, 224, 197.
(21) Ул. Г. X. ст. 223, 227, 272.
(22) Ул. Г. XXII, ст. 18, 20.
(23) Ул. Г. X, ст. 268.
(24) Ул. Г. X, ст. 200, 201 и Г. XXI, ст. 88.
(25) Ул. Г. XXI, ст. 88, 89.
(26) Ул. Г. X, ст. 194, 197, 225, 226.
(27) Ул. Г. X, ст. 10.
(28) Ул. Г. IV, ст. 4.
(29) Constitutio criminalis carolina.
(30) Ул. Г. II, ст. 1.
(31) Ул. Г. II, ст. 2.
(32) Ул. Г. X, ст. 133, 135.
(33) Ул. Г. X, ст. 202.
(34) Ул. Г. XXII, ст. 8.
(35) Губныя грамоты помѣщены въ актахъ Археогр. Эксп. Т. I, и въ дополненіи къ Акт. Ист. Т. I. № 31.
(36) Клятвенныя и поручныя записи помѣщены въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ въ Час. I, подъ № 149, 152, 153, 154, 157, 161.
(37) Дополн. къ Акт. Истор. Т. II, № 1.
(38) Ул. Г. II, ст. 15.
(39) Ул. Г. II, ст. 18.
(40) Ул. Г. II, ст. 19.
(41) Ул. Г. II, ст. 6.
(42) Ул. Г. II, ст. 9.
(43) Ул. Г. II, ст. 13.
(44) Ул Г. XXII, ст. 12 и 19. Гл. X, ст. 133, Гл. XXV, ст. 9.
(45) Ул. Г. XXII, ст. 16.
(46) Ул. Г. X, ст. 198 и 199. Гл. XXI, ст. 21.
(47) Ул. Г. X, ст. 251.
(48) Ул. Г. XXII, ст. 21.

(49) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 1.
(50) Акт. Ист. Т. III, № 167, ст. 27, 30, 31, 32, 33, 34, 35.
(51) Тамъ же, ст. 28.
(52) Юридич. Акты. Поручная запись, № 310 и др.
(53) Ул. Г. XXI, ст. 20, 60.
(54) Ул. Г. XXI, ст. 78.
(55) Ул. Г. XXI, ст. 64.
(56) Ул. Г. XXI, ст. 77.
(57) Ул. Г. XXI, ст. 15.
(58) Ул. Г. XXI, ст. 60.
(59) Ул. Г. XXII, ст. 22.
(60) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 25.
(61) Акты Ист. Т. I. № 20, 21, 22, 23, 24, 26, 31, 33, 34, 35, 60, 63, 64.
(62) Акты Ист. Т. I. № 109.
(63) Ист. Государ. Россійск. Карамзина. Т. IX, стр. 452 втораго изданія.
(64) Въ 1628 г. у дьячка Семейка найдены гадальныя тетради: старецъ Варсунофей извѣстилъ, что тотъ дьячекъ держитъ у себя книги недобрыя, ересныя, да приговору полсемы строки; по разсмотрѣніи тѣхъ бумагъ оказалось, что тѣ *тетради гадальныя имянуются Рафли.* Всѣ этѣ бумаги были сожжены на *столбцъ*, а дьячку велѣно быть годъ въ черныхъ монастырскихъ службахъ.
(65) Истор. Государ. Росс. Т. XI, стр. 461.
(66) Истор Госуд. Росс. Т. VI, ст. 198 и 199.
(67) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 238.
(68) Ул. Г. I, ст. 1.
(69) См. примѣчаніе 1-е.
(70) Ул. Г. XII, ст. 24.
(71) Акты Арх. Эксп. Т. I. № 358.
(72) Ул. Г. I, ст. 2.
(73) Ул. Г. I. ст. 3.
(74) Ул. Г. I, ст. 4.
(75) Ул. Г. I, ст. 5.
(76) Ул. Г. I, ст. 6.
(77) Ул. Г. I, ст. 7.
(78) Ул. Г. I, ст. 8.
(79) Акты Арх. Эксп. Т. III. № 264.
(80) Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, Морошкина. Москва, 1839 г. стр. 34.
(81) Собраніе Госуд. грам. и догов. Т. I. № 149, 152, 153, 154, 157, 159, 162, 163, 165, 169, 172, 177, 182, 201 и др.
(82) Собр. Гос. грам. и догов. Т. I. № 194.
(83) Тамъ же, № 195.
(84) Тамъ же, № 185.
(85) Тамъ же, № 166, 175, 180.
(86) Тамъ же, № 178, 189, 190.
(87) Тамъ же, № 197.
(88) Собр. Гос. грам. и догов. Т. II. № 145.
(89) Акты Арх. Эксп. Т. II. № 10.
(90) Ул. Г. II, ст. 1.
(91) Ул. Г. II, ст. 2.
(92) Ул. Г. II, ст. 3.
(93) Ул. Г. II, ст. 4.
(94) Ул. Г. II, ст. 5.
(95) Ул. Г. II, ст. 7.
(96) Ул. Г. II, ст. 6.
(97) Ул. Г. II, ст. 8.
(98) Ул. Г. II, ст. 9, 10.
(99) Ул. Г. II, ст. 11.
(100) Ул. Г. II, ст. 20 и 21.
(101) Стат. Лит. Раздѣлъ I. Артикулъ 3.
(102) Ст. Лит. в. п. м.
(103) Ст. Лит. в. п. м.
(104) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 6.
(105) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 8.
(106) Стат. Лит. Разд. I Арт. 6, 7.
(107) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 7.
(108) Кормчая книга. Ч. II. Л. 29 на оборотѣ и Л. 73.
(109) Ул. Г. III, ст. 1.
(110) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 1.
(111) Ул. Г. III, ст. 2.
(112) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 2.
(113) Ул. Г. III, ст. 3
(114) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 3.
(115) Ул. Г. III, ст. 4.
(116) Стат Лит. Разд. I. Арт. 9. § 3.
(117) Ул. Г. III, ст. 5.
(118) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 9. § 3. Вообще гдѣ въ Литовскомъ Статутѣ денежное наказаніе полагается *совитое*, тамъ въ Уложеніи установлено двойное безчестіе.
(119) Ул. Г. III, ст. 6.
(120) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 10. § 1.
(121) Ул. Г. III, ст. 7.
(122) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 10. § 2.
(123) Ул. Г. III, ст. 9.
(124) Ул. Г. XXI, ст. 81.
(125) Ул. Г. XXI, ст. 57.

(126) Ул. Г. X, ст. 119.
(127) Ул. Г. X, ст. 139.
(128) Ул. Г. X, ст. 140.
(129) Ул. Г. X, ст. 141.
Ул. Г. X, ст. 106.
(131) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7. § 1.
(132) Ул. Г. X, ст. 106.
(133) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7.
(134) Ул. Г. X, ст. 106.
(135) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7.
(136) Ул. Г. X, ст. 106.
(137) Стат. Лит. Разд. IV. Арт. 7.
(138) Ул. Г. X, ст. 106. Ст. Лит. Разд. IV. Арт. 62.
(139) Ул. Г. X, ст. 142. Ст. Лит. Разд. I. Арт. 24 и Разд. IV. Арт. 11.
(140) Ул. Г. XXI, ст. 101.
(141) Ул. Г. IV, ст. 1.
(142) Ул. Г. IV, ст. 2.
(143) Ул. Г. IV, ст. 3.
(144) Ул. Г. IV, ст. 4.
(145) Ул. Г. VI, ст. 1.
(146) Ул. Г. VI, ст. 3.
(147) Ул. Г. VI, ст. 4.
(148) Ул. Г. VI, ст. 5.
(149) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ. Москва, 1846. № 1. Отдѣленіе 4, ст. 53, 57.
(150) Чтенія Моск. Общ. Ист. и др. № 1. Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ. С. Соловьева, ст. 16 и 102.
(151) Объ отношеніи Новг. къ Великимъ Князьямъ, ст. 20 и 61.
(152) Судебникъ, изд. Татищевымъ, Москва, 1786 стр. 32.
(153) Татищевъ, в. пр. соч., ст. 29.
(154) Акты Арх. Эксп. Т. I. № 234.
(155) Карамзинъ, Ист. Госуд. Рос. Т. VII, ст. 203.
(156) Акты Истор. Т. I. № 110.
(157) Юридич. Записки. Москва, 1842. Томъ II. О Судебникѣ г. Калачова, ст. 319.
(158) О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. С. Петербургъ, 1840, ст. 79.
(159) Кошихинъ, в. п. соч., ст. 93.
(160) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Часть III, ст. 36.
(161) Судебникъ Царя В. К. Іоанна Васильевича, ст. 1. Акты Истор. Часть I. № 153.
(162) Суд. ст. 3.
(163) Суд. ст. 32.
(164) Суд. ст. 53.
(165) Ул. Г. X, ст. 5.
(166) Ул. Г. X, ст. 6.
(167) Ул. Г. X, ст. 7.
(168) Ул. Г. X, ст. 8.
(169) Ул. Г. X, ст. 148.
(170) Ул. Г. XXI, ст. 83.
(171) Суд. ст. 1.
(172) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 243.
(173) Суд. ст. 2.
(174) Ул. Г. X, ст. 10.
(175) Ул. Г. X, ст. 12.
(176) Суд. ст. 4 и 5.
(177) Ул. Г. X, ст. 13.
(178) Ул. Г. X, ст. 129.
(179) Ул. Г. X, ст. 251.
(180) Ул. Г. VI, ст. 2.
(181) Ул. Г. X, ст. 15.
(182) Ул. Г. X, ст. 16.
(183) Ул. Г. X, ст. 150.
(184) Ул. Г. X, ст. 123.
(185) Ул. Г. XXI, ст. 84.
(186) Ул. Г. X, ст. 24.
(187) Ул. Г. VII, ст. 2.
(188) Библіотека для чтенія. Т. II. С. Петербургъ, 1834 г. Ратное дѣло въ Россіи до Петра Великаго, Устрялова, стр. 72—86.
(189) Ул. Г. VII, ст. 17.
(190) Ул. Г. VII, ст. 2.
(191) Ул. Г. VII, ст. 3.
(192) Ул. Г. VII, ст. 4.
(193) Ул. Г. VII, ст. 6.
(194) Ул. Г. VII, ст. 5.
(195) Ул. Г. VII, ст. 7.
(196) Ул. Г. VII, ст. 8.
(197) Ул. Г. VII, ст. 9.
(198) Ул. Г. VII, ст. 13.
(199) Ул. Г. VII, ст. 14.
(200) Ул. Г. VII, ст. 11.
(201) Ул. Г. VII, ст. 16.
(202) Ул. Г. VII, ст. 18.
(203) Ул. Г. VII, ст. 19.
(204) Ул. Г. VII, ст. 22.
(205) Ул. Г. VII, ст. 21.
(206) Ул. Г. VII, ст. 24.

(207) Ул. Г. VII, ст. 28.
(208) Ул. Г. VII, ст. 29.
(209) Ул. Г. VII, ст. 30.
(210) Ул. Г. VII, ст. 32.
(211) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 1.
(212) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 1 и 10.
(213) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 6.
(214) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 7.
(215) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 11.
(216) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 12.
(217) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 14.
(218) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 19 и 20.
(219) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 19.
(220) Лит. Стат. Разд. II. Арт. 21.
(221) Корм. Кн. Ч. II. Л. 63.
(222) Корм. Кн. Ч. II. Л. 61.
(223) Разысканія о финансахъ древней Россіи, Гагемейстера. С. Петербургъ, 1833, ст. 66.
(224) Карамзинъ, Исторія Госуд. Россійск. Т. V. пр. 376.
(225) Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. Т. VIII, прим. 67. Въ этомъ примѣчаніи Карамзинъ выписываетъ Синод. Лѣтоп. Л. 143, Арх. Ростов. Лѣт. и Синод. Лѣт. № 365.
(226) Акты Археогр. Экспед. Т. II. № 266, и Собр. Госуд. грам. и дог. Т. III, ст. 360.
(227) О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ст. 78 и слѣд.
(228) Ул. Г. V, ст. 1.
(229) Псковская грамота, изд. Н. Мурзакевичемъ, Одесса, 1847, ст. 17.
(230) Исторія Росс. Госуд. Т. III, прим. 323.
(231) Истор. Рос. Госуд. Т. VI, прим. 42.
(232) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 234.
(233) Ул. Г. XXV, ст. 1.
(234) Ул. Г. XXV, ст. 2.
(235) Ул. Г. XXV, ст. 3.
(236) Ул. Г. XXV, ст. 6.
(237) Ул. Г. XXV, ст. 8.
(238) Въ Актахъ Историческихъ и въ Актахъ Археографической Экспедиціи есть много такихъ жалованныхъ грамотъ.
(239) Ул. Г. IX, ст. 9, 10.
(240) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
(241) Ул. Г. IX, ст. 16.
(242) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
(243) Ул. Г. IX, стр. 19.
(244) Ул. Г. IX, ст. 20.
(245) Ул. Г. IX, ст. 14 и 15.
(246) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
(247) Ул. Г. IX, ст. 11.
(248) Ул. Г. IX, ст. 12.
(249) Ул. Г. IX, ст. 13.
(250) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
(251) Ул. Г. IX, ст. 17 и 18.
(252) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 29.
(253) Ул. Г. IX, ст. 7.
(254) Ул. Г. IX, ст. 1.
(255) Стат. Лит. Разд. I. Арт. 30.
(256) Ул. Г. IX, ст. 2 и 3.
(257) Ул. Г. IX, ст. 4.
(258) Ул. Г. IX, ст. 5.
(259) Ул. Г. IX, ст. 9.
(260) Ул. Г. XXI, ст. 20 и 62.
(261) Ул. Г. XXI, ст. 79.
(262) Ул. Г. XXI, ст. 78.
(263) Ул. Г. X, ст. 18.
(264) Ул. Г. X, ст. 19.
(265) Ул. Г. X, ст. 186.
(266) Ул. Г. X, ст. 187.
(267) Ул. Г. X, 188.
(268) Ул. Г. X, ст. 252.
(269) Ул. Г. X, ст. 161.
(270) Ул. Г. X, ст. 162 и 163. Гл. XXI, ст. 41.
(271) Ул. Г. XXI, ст. 61.
(272) Акты Истор. Т. I. № 167, ст. 27.
(273) Ул. Г. XI, ст. 1.
(274) Ул. Г. XI, ст. 2.
(275) Ул. Г. XI, ст. 5.
(276) Ул. Г. XI, ст. 9.
(277) Ул. Г. XI, ст. 10.
(278) Ул. Г. XI, ст. 12, 15, 17, 18.
(279) Ул. Г. XI, ст. 13.
(280) Ул. Г. XIX, ст. 37.
(281) Ул. Г. XI, ст. 20.
(282) Ул. Г. XI, ст. 21.
(283) Ул. Г. XI, ст. 23.
(284) Ул. Г. XI, ст. 27.
(285) Ул. Г. XI, ст. 34.
(286) Ул. Г. XX, ст. 80.
(287) Ул. Г. XXII, ст. 25.
(288) Стат. Лит. Разд. XIV. Арт. 31.
(289) Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, Морошкина. Москва, 1839, стр. 45.

(290) Акты Арх. Эксп. Т. IV. № 32.
(291) Акты Арх. Эксп. Т. IV. № 39.
(292) Ул. Г. XIX, ст. 1.
(293) Ул. Г. XIX, ст. 5.
(294) Ул. Г. XIX, ст. 10.
(295) Ул. Г. XIX, ст. 13.
(296) Ул. Г. XIX, ст. 14.
(297) Ул. Г. XIX, ст. 15.
(298) Ул. Г. XIX, ст. 18.
(299) Ул. Г. XIX, ст. 39.
(300) Ул. Г. XX, ст. 22.
(301) Ул. Г. XX, ст. 23.
(302) Ул. Т. XIX, ст. 40.
(303) Карамзинъ, Истор. Госуд. Россійск. Т. I, примѣч. 478.
(304) Карамз., Ист. Госуд. Росс. Т. III, пр. 248.
(305) Акты Арх. Эксп. Т. I, № 7.
(306) Акты Арх. Эксп. Т. I, № 17.
(307) Судебн., ст. 60.
(308) Акты Истор. Т. III, № 167.
(309) Ул. Г. XXII, ст. 1.
(310) Кормчая книга. Часть II. Л. 62.
(311) Ул. Г. XXII, ст. 2.
(312) Ул. Г. XXII, ст. 3.
(313) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 7.
(314) Ул. Г. XXII, ст. 7.
(315) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 8.
(316) Ул. Г. XXII, ст. 9 и 8.
(317) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 9.
(318) Ул. Г. XXII, ст. 14.
(319) Ул. Г. XXI, ст. 72.
(320) Ул. Г. XXII, ст. 22.
(321) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 25.
(322) Ул. Г. XXII, ст. 24.
(323) Ул. Г. X. ст. 198.
(324) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. I.
(325) Ул. Г. XXI, ст. 13 и 18.
(326) Акты Истор. Т. III. № 167.
(327) Ул. Г. XXII, ст. 26.
(328) Ул. Г. XXII, ст. 17.
(329) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 15.
(330) Ул. Г. XXI, ст. 69 и 70.
(331) Ул. Г. XXI, ст. 73.
(332) Ул. Г. XXI, ст. 71.
(333) Акты Истор. Т. III. № 167, ст. 303.
(334) Ул. Т. XXII, ст. 18 и 20.
(335) Ул. Г. X, ст. 268.
(336) Ул. Г. X, ст. 200.
(337) Ул. Г. XXI, ст. 88.
(338) Ул. Г. XXI, ст. 89.
(339) О платѣ за убійство въ древнемъ Русскомъ и другихъ Славянскихъ Законодательствахъ въ сравненіи съ Германскою вирою. Кіевъ, 1839, стр. 93.
(340) Изслѣдованія о Русской Правдѣ, Калачова. Его систематическаго текста, ст. 92.
(341) Того же текста, ст. 134 и 135.
(342) Того же текста, ст. 94.
(343) Того же текста, ст. 95.
(344) Того же текста, ст. 96.
(345) Того же текста, ст. 97 и 98.
(346) Того же текста, ст. 99.
(347) Того же текста, ст. 100.
(348) Договоръ Игоря, ст. 12, Олега — 4.
(349) Русскія достопамятности. Ч. II. Москва, 1843, ст. 184 и 185.
(350) Тамъ же, ст. 230 и 231.
(351) Изслѣдованія о Русской Правдѣ, ст. 149.
(352) Изслѣдованія о Русской Правдѣ, Калачова, ст. 153.
(353) Русскія достопамятн. Ч. II, ст. 243—286.
(354) Юридическіе акты. № 276.
(355) Судебникъ, ст. 26.
(356) Акты Археогр. Эксп. Т. I. № 257.
(357) Акты истор. Т. I. № 165.
(358) Иванишевъ. О платѣ за убійство, ст. 107.
(359) Ул. Г. XXII, ст. 10.
(360) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 27.
(361) Ул. Г. XXII, ст. 11.
(362) Ул. Т. XXII, ст. 12.
(363) Ул. Г. XXI, ст. 88.
(364) Стат. Лит. Разд. XI. Арт. 28.
(365) Ул. Г. X, ст. 199.
(366) Ст. Лит. Разд. XI. Арт. 2.
(367) Ул. Г. X, ст. 94.
(368) Ст. Лит. Разд. XI. Арт. 27 и Разд. XII. Арт. 3, 4, 5, 6 и 7.
(369) Ул. Г. VII, ст. 32.
(370) Судеб., ст. 26.
(371) Ул. Г. X, ст. 27.
(372) Ул. Г. X, ст. 28.
(373) Ул. Г. X, ст. 29.
(374) Ул. Г. X, ст. 30.
(375) Ул. Г. X, ст. 31.

(376) Ул. Г. X, ст. 81.
(377) Ул. Г. X, ст. отъ 32 до 62.
(378) Ул. Г. X, ст. 81.
(379) Ул. Г. X, ст. 85.
(380) Ул. Г. X, ст. 86.
(381) Ул. Г. X, ст. 87.
(382) Ул. Г. X, ст. 88.
(383) Ул. Г. X, ст. 89.
(384) Ул. Г. X, ст. 97.
(385) Ул. Г. X, ст. 98.
(386) Ул. Г. X, ст. 95.
(387) Ул. Г. X, ст. 96.
(388) Ул. Г. X, ст. 83.
(389) Ул. Г. X, ст. 84.
(390) Ул. Г. X, ст. 90.
(391) Ул. Г. X, ст. 91.
(392) Ул. Г. X, ст. 92.
(393) Ул. Г. X, ст. 93.
(394) Ул. Г. X, ст. 94.
(395) Ул. Г. X, ст. 280.
(396) Стат. Лит. Разд. III. Арт. 24.
(397) Ул. Г. I, ст. 7.
(398) Ул. Г. X, ст. 99.
(399) Ст. Лит. Раз. XI. Арт. 27 и Раз. XII. Арт. 5.
(400) Ул. Г. X, ст. 99.
(401) Ул. Г. XXII, ст. 16.
(402) Корм. книга. Ч. II. Л. 62.
(403) Корм. книга. Ч. II. Л. 73.
(404) Корм. книга. Ч. II. Л. 28 на оборотѣ.
(405) Русскія достопамятн. Ч. II. ст. 145.
(406) Ул. Г. II, ст. 17.
(407) Ул. Г. II, ст. 22.
(408) Ул. Г. VII, ст. 31.
(409) Ул. Г. X, ст. 9.
(410) Ул. Г. X, ст. 17.
(411) Ул. Г. X, ст. 143.
(412) Ул. Г. X, ст. 171.
(413) Ул. Г. XXI, ст. 55.
(414) Акты Ист. Т. III, № 167, ст. 22.
(415) Ул. Г. XXV, ст. 9.
(416) Ул. Г. X, ст. 133.
(417) Ул. Г. X, ст. 135.
(418) Ул. Г. X, ст. 133.
(419) Ул. Г. XXII, ст. 5.
(420) Ул. Г. XXII, ст. 6.
(421) Czacki o Litewskich i Polskich Prawach. Warszawa, 1801, ст. 225, прим. 1659.
(422) Justini Historiarum Philippicarum. Lib. II, cap. 2.
(423) Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи, ст. 58 и 59.
(424) Ист. Гос. Рос. Т. IV, ст. 319.
(425) Ист. Гос. Рос. Т. V, ст. 370.
(426) См. Губныя грамоты, помѣщенныя въ Актахъ Археогр. Экс. Т. I. № 187, 194, 224, 230 и Допол. къ Актамъ Ист. Т. I, № 31 и Юридическія Записки, изд. П. Рѣдкинымъ Т. II, ст. 374—377.
(427) Суд. ст. 60.
(428) Бѣлозерская Губная гр. напечатана въ Акт. Арх. Экс. Т. 1. № 187, а Каргонольская въ Дополненіи къ Актамъ Истор. Т. 1. № 31.
(429) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 192.
(430) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 194.
(431) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 224.
(432) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 281.
(433) Русскія Достопамятности Ч. 1. Москва, 1815, стр. 151.
(434) Акты Истор. Т. III, № 167.
(435) Ул. Г. XXI, ст. 16.
(436) Ул. Г. XXI, ст. 17.
(437) Ул. Г. XXI, ст. 18.
(438) Ул. Г. XXI, ст. 20.
(439) Ул. Г. XXI, ст. 22.
(440) Ул. Г. XXI, ст. 23.
(441) Ул. Г. XXI, ст. 24.
(442) Ул. Г. XXI, ст. 26.
(443) Ул. Г. XXI, ст. 28.
(444) Ул. Г. XXI, ст. 63.
(445) Ул. Г. XXI, ст. 64.
(446) Акты Археогр. Экс. Т. 1. № 123 и 150.
(447) Калачова Систем. Текста, ст. 85.
(448) Тамъ же ст. 86.
(449) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 13, 123 и 150.
(450) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 13.
(451) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 123.
(452) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 150.
(453) Судебникъ ст. 60.
(454) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 224.
(455) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 211.
(456) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 330.
(457) Акты Арх. Эксп. Т. 1. № 224.
(458) Акты Ист. Т. III. № 167 ст. 37.
(459) Тамъ же ст. 38.

(460) Тамъ же, ст 39.
(461) Тамъ же, ст. 40.
(462) Улож. Г. XXI, ст. 9.
(463) Улож. Г. XXI, ст. 10.
(464) Улож. Г. XXI, ст. 12.
(465) Улож. Г. XXI, ст. 13 и 14.
(466) Улож. Г. XXI, ст. 11.
(467) Улож. Г. X, ст. 208.
(468) Стат. Лит. Раз. XIII Арт. 2.
(469) Ул. Г. X, ст. 209.
(470) Ул. Г. X, ст. 210.
(471) Ул. Г. XXIV, ст. 1.
(472) Ст. Лит. Раз. XIII, Арт. 1 и 2.
(473) Ст. Лит. Раз. XIII, Ар. 5, 6, 7, 8 и 9.
(474) Ул. Г. X, ст. 211.
(475) Ст. Лит. Раз. IX. Арт. 22.
(476) Ул. Г. X, ст. 213.
(477) Ул. Г. X, ст. 214.
(478) Стат. Лит. Разд. X. Арт. 9.
(479) Ул. Г. X, ст. 215.
(480) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 10.
(481) Ул. Г. X, ст. 216.
(482) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 11.
(483) Ул. Г. X, ст. 217.
(484) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 12.
(485) Ул. Гл. X, ст. 218.
(486) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 13.
(487) Ул. Г. X, ст. 219.
(488) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 14.
(489) Ул. Г. X, ст. 220
(490) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 15.
(491) Ул. Г. X, ст. 221.
(492) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 16.
(493) Ул. Г. X, ст. 222
(494) Стат. Лит. Раз. X. Арт. 16.
(495) Ул. Г. X, ст. 223.
(496) Корм. Кн. Ч. II. Л. 62 на оборотѣ.
(497) Ул. Г. X, ст. 238.
(498) Стат. Лит. Раз. IX. Арт. 21.
(499) Ул. Г. X, ст. 242.
(500) Ст. Лит. Раз. X. Арт. 4.
(501) Ул. Г. V, ст. 2.
(502) Ул. Г. X, ст. 272.
(503) Ул. Г. X, ст. 273.
(504) Ул. Г. X, ст. 281.
(505) Стат. Лит. Раз. XIII. Арт. 13.
(506) Ул. Г. X, ст. 282.
(507) Стат. Лит. Раз. XIII. Арт. 13.
(508) Ул. Г. X, ст. 283.
(509) Стат. Лит. Раз. XIII. Арт. 13.
(510) Ул. Г. X, ст. 284.
(511) Ул. Г. X, ст. 228.
(512) Корм. кн. Ч. II. Л. 73.
(513) Ул. Г. X, ст. 223.
(514) Стат. Лит. Разд. X. Арт. 17.
(515) Ул. Г. X, ст. 224.
(516) Корм. кн. Ч. II. Л. 73 на оборотѣ.
(517) Ул. Г. XXI, ст. 65.
(518) Ул. Г. X, ст. 274.
(519) Ул. Г. X, ст. 197.
(520) Стат. Литов. Разд. VII, Арт. 29.
(521) Ул. Г. X, ст. 195.
(522) Эверса, древнѣйшее право Руссовъ, ст. 309.
(523) Ул. Г. XI, ст. 10.
(524) Ул. Г. VI, ст. 4.
(525) Ул. Г. VII, ст. 16.
(526) Ул. Г. VII, ст. 25.
(527) Ул. Г. X, ст. 20.
(528) Ул. Г. X, ст. 133.
(529) Ул. Г. XX, ст. 22.
(530) Ул. Г. XXI, ст. 20.
(531) Ул. Г. XXIII, ст. 3.
(532) Ул. Г. XXV, ст. 15.
(533) Ул. Г. XXV, ст. 19.
(534) Ул. Г. III, ст. 9.
(535) Ул. Г. XXII, ст. 26.
(536) Ул. Г. XXV, ст. 16.
(537) Ул. Г. II, ст. 18.
(538) Ул. Г. III, ст. 8.
(539) Ул. Г. VII, ст. 11.
(540) Ул. Г. IX, ст. 7.
(541) Ул Г. X, ст. 8.
(542) Ул. Г. X, ст. 15.
(543) Ул. Г. X, ст. 24.
(544) Ул. Г. X, ст. 150.
(545) Ул. Г. VII, ст. 6.
(546) Ул. Г. VII, ст. 32.
(547) Ист. Гос. Росс. Т. V, прим. 44.
(548) Судебн., ст. 60, 61 и 71.
(549) Юридич. Записки. Ч. II, ст. 332.
(550) Ул. Г. I, ст. 1.
(551) Ул. Г. XXII, ст. 24.
(552) Ул. Г. I, ст. 2.
(553) Ул. Г. I, ст. 4.

(554) Ул. Г. II, ст. 1.
(555) Ул. Г. II, ст. 2.
(556) Ул. Г. II, ст. 3.
(557) Ул. Г. II, ст. 4.
(558) Ул. Г. II, ст. 6 и 9.
(559) Ул. Г. II, ст. 19.
(560) Ул. Г. II, ст. 21.
(561) Ул. Г. III, ст. 3.
(562) Ул. Г. III, ст. 5 и 6.
(563) Ул. Г. IV, ст. 1 и 2.
(564) Ул. Г. IV, ст. 3.
(565) Ул. Г. V, ст. 1.
(566) Ул. Г. VI, ст. 3.
(567) Ул. Г. VII, ст. 20.
(568) Ул. Г. VII, ст. 30 и 32.
(569) Ул. Г. X, ст. 105.
(570) Ул. Г. X, ст. 106.
(571) Ул. Г. X, ст. 142.
(572) Ул. Г. X, ст. 198.
(573) Ул. Г. XXI, ст. 12.
(574) Ул. Г. XXI, ст. 13.
(575) Ул. Г. XXI, ст. 14.
(576) Ул. Г. XXI, ст. 17.
(577) Ул. Г. XXI, ст. 18.
(578) Ул. Г. XXII. ст. 1 и 2.
(579) Ул. Г. XXII, ст. 7.
(580) Ул. Г. XXII, ст. 13.
(581) Ул. Г. XXII, ст. 14.
(582) Ул. Г. XXII, ст. 16.
(583) Ул. Г. XXII, ст. 17.
(584) Ул. Г. XXII, ст 19.
(585) Ул. Г. XXII, ст. 26.
(586) Ул. Г. XXV, ст. 11.
(587) Ист. Госуд. Росс. Т. II, прим. 141. Т. III, пр. 167. Т. IV, пр. 42. Т. V, стр. 163 и пр. 374. Т. VI, стр. 243 и 194. Т. IX, стр. 83, 142, 150, 164, 165, 188, прим. 187 и 320, и Судебникъ, ст. 59 и 60.
(588) Ул. Г. I, ст. I. Г. II, ст. 1. Г. X, ст. 228. Т. XXII, ст. 24.
(589) Ул. Г. VII, ст. 20.
(590) Ул. Г. XXII, ст. 14.
(591) Ул. Г. V, ст. 1.
(592) Кошихинъ, стр. 98.
(593) Ул. Г. XXI, ст. 34.
(594) Ул. Г. XXII, ст. 15.
(595) Юридич. Записки. Ч. II, ст. 333.
(596) Кошихинъ, стр. 92.
(597) Отечествен. записки, изд. Павломъ Свиньиномъ, 1829. Часть 40, ст. 47.
(598) Акты Арх. Эксп. Т. I. № 13.
(599) Юридич. Записки. Ч. II, стр. 335.
(600) Истор. Гос. Росс. Т. II, прим. 182. Т. III, ст. 33, примѣч. 30. Т. IV, ст. 77. Т. V, ст. 135 и 266, прим. 278, 351 и 365. Т. VI, ст. 206 и 276. Т. VII, ст. 175. Т. VIII, ст. 16 и Т. IX, пр. 190.
(601) Юридич. Записки. Т. II, стр. 335.
(602) Ул. Г. XXII, ст. 10.
(603) Ул. Г. XXII, ст. 90.
(604) Ул. Г. III, ст. 4.
(605) Ул. Г. III, ст. 5.
(606) Ул. Г. III, ст. 9.
(607) Ул. Г. VII, ст. 29.
(608) Ул. Г. X, ст. 12.
(609) Ул. Г. X, ст. 106.
(610) Ул. Г. X, ст. 199.
(611) Ул. Г. X, ст. 251.
(612) Ул. Г. XXV, ст. 16.
(613) Ул. Г. XXI, ст. 9.
(614) Ул. Г. XXI, ст. 10.
(615) Ул. Г. XXI, ст. 16.
(616) Czacki o Litewskich i Polskich Prawach. Ч. II, ст. 150, прим. 1472.
(617) Ул. Г. II, ст. 14.
(618) Ул. Г. III, ст. 9.
(619) Ул. Г. V, ст. 2.
(620) Ул. Г. VI, ст. 4.
(621) Ул. Г. VII, ст. 8.
(622) Ул. Г. IX, ст. 2.
(623) Ул. Г. IX, ст. 5.
(624) Ул. Г. IX, ст. 7.
(625) Ул. Г. X, ст. 13.
(626) Ул. Г. X, ст. 14.
(627) Ул. Г. X, ст. 16.
(628) Ул. Г. X, ст. 105.
(629) Ул. Г. X, ст. 106.
(630) Ул. Г. X, ст. 142.
(631) Ул. Г. X, ст. 198.
(632) Ул. Г. XIX, ст. 39.
(633) Ул. Г. XX, ст. 23.
(634) Ул. Г. XXI, ст. 9.
(635) Ул. Г. XXI, ст. 83.
(636) Ул. Г. XXI, ст. 84.

(637) Ул. Г. XXI, ст. 86.
(638) Ул. Г. XXI, ст. 90.
(639) Ул. Г. XXII, ст. 4.
(640) Ул. Г. XXIII, ст. 3.
(641) Ул. Г. XXV, ст. 1 и 2.
(642) Ул. Г. XXV, ст. 18.
(643) Ул. Г. II, ст. 13.
(644) Ул. Г. VII, ст. 9.
(645) Ул. Г. VII, ст. 19.
(646) Ул. Г. VII, ст. 28.
(647) Ул. Г. X, ст. 170.
(648) Ул. Г. X, ст. 198.
(649) Ул. Г. XX, ст. 22.
(650) Ул. Г. XXI, ст. 104.
(651) Ул. Г. XXII, ст. 17.
(652) Ул. Г. XXII, ст. 25.
(653) Ул. Г. X, ст. 186.
(654) Ул. Г. X, ст. 129.
(655) Ул. Г. X, ст. 188.
(656) Ул. Г. XI, ст. 27.
(657) Ул. Г. I, ст. 3.
(658) Ул. Г. X, ст. 5.
(659) Ул. Г. X, ст. 12.
(660) Ул. Г. X, ст. 129.
(661) Ул. Г. XIX, ст. 13.
(662) Ул. Г. XIX, ст. 15.
(663) Ул. Г. XXII, ст. 11.
(664) Ул. Г. XXV, ст. 1.
(665) Акты Юридическіе. № 30.
(666) Beschreibung der muskowitischen und persischen Reise. 2-е изданіе. 1656, ст. 273.
(667) Ул. Г. I, ст. 6.
(668) Ул. Г. III, ст. 7.
(669) Ул. Г. VII, ст. 16.
(670) Ул. Г. X, ст. 14.
(671) Ул. Г. X, ст. 16.
(672) Ул. Г. X, ст. 20.
(673) Ул. Г. X, ст. 105.
(674) Ул. Г. X, ст. 119.
(675) Ул. Г. X, ст. 141.
(676) Ул. Г. XXI, ст. 90.
(677) Ул. Г. XXV, ст. 1.
(678) Ул. Г. X, ст. 123.
(679) Ул. Г. X, ст. 146.
(680) Ул. Г. X, ст. 217.
(681) Олеарій, в. у. соч., стр. 273 и Сказ. современн. о Димитріѣ Самозванцѣ. Ч. III, стр. 82.
(682) Ул. Г. X, ст. 133.
(683) Записки Общества Исторіи и Древн. Росс. Ч. III. Историческій взглядъ на правежи въ Россіи, стат. Илар. Васильева, стр. 100.
(684) Исторія Гос. Росс. Т. II, стр. 115. Т. VI, ст. 176 и 181. Т. VIII, ст. 70 и 81. Т. IX, ст. 16, прим. 18, 109, 84 и Герберштейнъ Rerum mosk., ст. 50.
(685) Ист. Гос. Росс. Т. VI, ст. 140, 192 и 193. Т. VII, ст. 42. Т. IX, ст. 145 и 470 и пр. 282.
(686) Ул. Г. XXV, ст. 16.
(687) Ул. Г. XXI, ст. 9, 10 и 16.
(688) Ул Г. X, ст. 129.
(689) Ул. Г. XIX, ст. 13.
(690) Акты Ист. Т. III, № 167, ст. 7 и Судеб., ст. 52.
(691) Судеб, ст. 49, 54, 55 и 56 и Акты Истор. Т. III, № 167.
(692) Ул. Г. XXI, ст. 10.
(693) Ул. Г. XXI, ст. 16.
(694) Ул. Г. XXI, ст. 9.
(695) Ул. Г. XI, ст. 27.
(696) Ул. Г. XXII, ст. 3.
(697) Ул. Г. XXV, ст. 3.
(698) Ул. Г. III, ст. 9.
(699) Ул. Г. X, ст. 251.
(700) Ул. Г. XXV, ст. 3.
(701) Ул. Г. III, ст. 5.
(702) Ул. Г. X, ст. 135.
(703) Ул. Г. X, ст. 142.
(704) Ул. Г. III, ст. 2.
(705) Ул Г. I, ст. 5 и 7.
(706) Ул. Г. III, ст. 2.
(707) Ул. Г. X, ст. 141.
(708) Ул. Г. XXV, ст. 3.
(709) Ул. Г. XXV, ст. 3.
(710) Ул. Г. III, ст. 1.
(711) Ул. Г. III, ст. 7.
(712) Ул. Г. X, ст. 20.
(713) Ул. Г. X, ст. 139.
(714) Ул. Г. I, ст. 9.
(715) Ул. Г. VI, ст. 6, Г. XXI, ст. 42 и 86 и Г. XXV ст. 2.
(716) Ул. Г. VII, ст. 16.
(717) Ул. Г. X, ст. 202 и Г. XXI, ст. 38.
(718) Ул. Г. XXI, ст. 9, 10 и 16.
(719) Ул. Г. XXI, ст. 94.

(720) Ул. Г. XXI, ст. 95.
(721) Ул. Г. XXI, ст. 97.
(722) Ул. Г. XXI, ст. 98.
(723) Ул. Г. XXI, ст. 101.
(724) Кошихинъ, стр. 97.
(725) Акты Юрид. № 30.
(726) Ул. Г. XXI, ст. 31.
(727) Ул. Г. X, ст. 5. Г. VII, ст. 32. Г. IX, ст. 2, 3, 4.
(728) Ул. Г. V, ст. 2. Г. VII, ст. 6 и 27. Г. IX, ст. 13. Г. X, ст. 16.
(729) Ул. Г. VI, ст. 2. Г. VII, ст. 22, 24, 25, 30.
(730) Ул. Г. XXII, ст. 10.
(731) Ул. Г. X, ст. 133.
(732) Ул. Г. X, ст. 105.
(733) Ул. Г. III, ст. 8.
(734) Ул. Г. IX, ст. 5.
(735) Ул. Г. X, ст. 5.
(736) Ул. Г. X, ст. 19.
(737) Ул. Г. X, ст. 150.
(738) Ул. Г. X, ст. 208.
(739) Ул. Г. XXI, ст. 20.
(740) Ул. Г. XXV, ст. 3.
(741) Юридическіе Записки. Ч. II, ст. 350.
(742) Ул. Г. II, ст. 5 и 9.
(743) Ул. Г. XVII ст. 38, 39, 40.
(744) Ул. Г. XIX, ст. 16.
(745) Ул. Г. XXI, ст. 26.
(746) Ул. Г. XXI, ст. 79.
(747) Ул. Г. XXV, ст. 11.
(748) Ул. Г. VII, ст. 8.
(749) Ул. Г. VII, ст. 8.
(750) Ул. Г. VII, ст. 16.
(751) Ул. Г. X, ст. 5.
(752) Ул. Г. X, ст. 139.
(753) Истор. Сборникъ. Т. II, стр. 247, 260, 340. Ист. Гос. Рос. Т. IX, прим. 143. Акты Арх. Экс. Т. I. № 172.
(754) Ул. Г. VI, ст. 2.
(755) Ул. Г. XIX, ст. 15.
(756) Кошихинъ, ст. 34 и 35
(757) Ул. Г. X, ст. 27.
(758) Суд., ст. 28 и 32. Акты Истор. Т. I. № 155.
(759) Ул. Г. X, ст. 5.
(760) Ул. Ул. Г. X, ст. 18.
(761) Ул. Г. X, ст. 146.
(762) Ул. Г. XXI, ст. 84.
(763) Ул. Г. XXV, ст, 18.
(764) Ист. Гос. Рос. Т. IV, ст. 200 и Т. V, ст. 319.
(765) Суд. ст. 55 и 56 и Акты Истор. Т. III, № 167, ст. 10 и 37.
(766) Ул. Г. XXI, ст. 9, 10, 16.
(767) Ул. Г. X, ст. 141.
(768) Ул. Г. X, ст. 146 и 129.
(769) Ул. Г. VII, ст. 8.
(770) Ул. Г. III, ст. 9.
(771) Ул. Г. XXV, ст. 3.
(772) Ул. Г. XXI, ст. 13, 18.
(773) Ул. Г. XXI, ст. 35, 41, 42, 43.
(774) Ул. Г. X, ст. 5.
(775) Ул. Г. X, ст. 12.
(776) Ул. Г. X, ст. 16.
(777) Ул. Г. X, ст. 20.
(778) Ул. Г. II, ст. 11.
(779) Кошихинъ, стр. 92.
(780) Ул. Г. XXI, ст. 49.
(781) Юридическія Записки, Т. II. Статья Г. Кавелина, Устройство Гражданскихъ Судовъ отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до Петра Великаго.
(782) Ул. Г. XXI, ст. 1.
(783) Ул. Г. XXI, ст. 2.
(784) Ул. Г. XXI, ст. 3.
(785) Акты Арх. Экс. Т. I. № 187.
(786) Уставная книга напечатана въ Актахъ Арх. Эксп. Т. II, № 225 и въ Актахъ Истор. Т. III, № 167 и издана особо княземъ Оболенскимъ подъ заглавіемъ: Уголовные Законы Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича.
(787) Новый памятникъ Законовъ Рос. Имперіи. С.-Петербургъ, 1825. Ч. I, стр. XLII.
(788) Ул. Г. XXI, ст. 4.
(789) Ул. Г. XXI, ст. 5.
(790) Ул. Г. XII, ст. 1, 3. Гл. XIII, ст. 1, 2. Г. XIV, ст. 3. Г. XXIII, ст. 2.
(791) Ул. Г. XII, ст. 3. Гл. XIII, ст. 2.
(792) Ул. Г. XXI, ст. 7.
(793) Ул. Г. X, ст. 3.
(794) Ул. Г. X, ст. 4.
(795) Примѣры такихъ челобитенъ встрѣчаются въ правыхъ грамотахъ. Въ Юридическихъ Актахъ они помѣщены подъ № 31 — 44.
(796) Ул. Г. X, ст. 100, 101, 102.

(797) Ул. Г. XXI, ст. 51.
(798) Ул. Г. XXI, ст. 87.
(799) Ул. Г. XXI, ст. 50.
(800) Ул. Г. XXI, ст. 57.
(801) Ул. Г. XXI, ст. 54.
(802) Юрид. Записки. Ч. II, ст. 395.
(803) Ул. Г. XXI, ст. 35.
(804) Ул. Г. XXI, ст. 36.
(805) Ул. Г. XXI, ст. 33.
(806) Ул. Г. XXI, ст. 44.
(807) Ул. Г. XXI, ст. 38.
(808) Ул. Г. XXI, ст. 40.
(809) Ул. Г. XXI, ст. 44.
(810) Ул. Г. XXI, ст. 41.
(811) Ул. Г. XXI, ст. 9 и 10.
(812) Ул. Г. XXI, ст. 16 и 17.
(813) Юрид. Записки. Т. II, ст. 388.
(814) Ул. Г. XXI, ст. 38.
(815) Ул. Г. XXI, ст. 40.
(816) Ул. Г. XXI, ст. 39.
(817) Ул. Г. XXI, ст. 48.
(818) Ул. Г. XXI, ст. 50.
(819) Ист. Гос. Рос. Т. IX, ст. 165, прим. 324.
Павелъ Іовій въ Rer mosc., ст. 128.
(820) Олеарій в. п. л. стр. 272.
(821) Кошихинъ, ст. 91 и 92.
(822) Ул. Г. X, ст. 108 и 109.
(823) Ул. Г. X, ст. 137.
(824) Ул. Г. X, ст. 109 и 111.
(825) Ул. Г. X, ст. 123.
(826) Ул. Г. X, ст. 158, 159 и 160.
(827) Ул. Г. X, ст. 161.
(828) Ул. Г. X, ст. 167.
(829) Ул. Г. X, ст. 173.
(830) Ул. Г. X, ст. 174.
(831) Ул. Г. X, ст. 176.
(832) Ул. Г. X, ст. 177.
(833) Ул. Г. X, ст. 236.
(834) Ул. Г. X, ст. 11.
(835) Ул. Г. X, ст. 21 и 22.
(836) Ул. Г. X, ст. 23.
(837) Ул. Г. X, ст. 124, 125, 126 и 127.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

